

МАПРЯЛ – 30 лет

Тридцать лет назад на тихой парижской улице собрались преподаватели русского языка и литературы из Европы, Азии, Америки и Австралии – 44 представителя из 25 стран. Парижское собрание русистов явилось учредительной конференцией Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Выдающегося русского ученого-филолога Виктора Владимировича Виноградова выбрали Президентом Ассоциации. Штаб-квартиру решено было разместить в Москве, а главной целью организации – провозгласить содействие изучению и распространению русского языка в мире, а также культуры и духовных ценностей русского народа.

За прошедшие годы многое изменилось, но мероприятия, проводимые МАПРЯЛ, стали традиционными: научные симпозиумы, олимпиады по русскому языку для школьников (кстати, XI международная олимпиада состоится в июне–июле 1998 года в Москве). У МАПРЯЛ есть еще одна замечательная традиция – это ежегодное присвоение учрежденной в 1977 году медали А.С. Пушкина за выдающиеся успехи в распространении русского языка.

В октябре прошлого года в Москве состоялась юбилейная Международная конференция "Теория и практика русистики в мировом контексте". В ней участвовало более 750 преподавателей русского языка и литературы, лингвистов и литературоведов. Открытие конференции состоялось в Колонном зале. Участникам и гостям свои поздравления передали Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, мэр Москвы и многие общественные организации.

Участникам Международной конференции "Теория и практика русистики в мировом контексте"

Уважаемые участники конференции!

Сердечно поздравляю вас со знаменательной датой – 30-летием создания Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Русский является одним из шести мировых языков, официально признанных Организацией Объединенных Наций в качестве языка международного общения. Новая, демократическая Россия пользуется им для укрепления мира, взаимопонимания и сотрудничества на планете.

Кому, как не русистам, знать, как богат русский язык. Он обладает поистине безграничными возможностями для выражения мыслей и чувств. Расцениваю ваш профессиональный выбор как проявление уважения к русскому народу и любви к языку, на котором творили А. Пушкин и Н. Гоголь, И. Тургенев и Ф. Достоевский, Л. Толстой и А. Чехов, Б. Пастернак, И. Бродский и другие гении русской культуры.

Великое спасибо вам за благородную деятельность, которую вы ведете на благо человечества, за то, что помогаете миллионам людей приобщиться к духовным богатствам, которые накоплены народами России. Уверен, что хорошим подспорьем в вашей работе станет реализация федеральной целевой программы "Русский язык".

От всей души желаю плодотворной работы конференции, а вам, дорогие друзья, и всем русистам доброго здоровья, счастья и творческих свершений!

Б. Ельцин

27 октября 1997 г.

С докладом, в котором отражены этапы деятельности, цели и задачи русистов всего мира, выступил на конференции Президент МАПРЯЛ В.Г. КОСТОМАРОВ.

Предлагаем вашему вниманию текст его доклада.

РУССКИЙ ЯЗЫК НУЖЕН ЭТОМУ МИРУ

Тридцать лет МАПРЯЛ – время драматических перемен. Трудно поверить: всего три десятилетия тому назад был совершенно иной мир – мир противостояния двух систем, которые боролись даже тогда, когда дружили. В том мире русский язык имел яркую идеологическую окраску – то ли романтически-алую, то ли зловеще-багровую. И сам был туго затянут в официально-литературный мундир одобряемых сверху норм.

Сегодня все по-другому, и МАПРЯЛ оказалась совсем в иных условиях. Чтобы выжить и служить русскому языку, ради которого существует, она должна соответствовать

- 1 – новой геополитической внеязыковой действительности,*
- 2 – новой глобальной социоязыковой ситуации,*
- 3 – новым собственно языковым процессам в самом русском языке.*

Новый курс найден. Ассоциация перестроила стратегию и тактику, уточнила цели и задачи, взяла иной тон и стиль, отыскала источники финансирования. Свидетельством тому – по-прежнему полнокровное ее существование, сделавшее возможным и сегодняшнее торжество.

Русисты, объединенные МАПРЯЛ, чутко и в целом своевременно реагировали на изменения существа перечисленных уровней. Наиболее заметным поворотным пунктом явились события Московского 1990 года конгресса и особенно VII Генеральной ассамблеи 1990 и 1991

годов. Именно здесь состоялся откровенный и конструктивный разговор о возможных формах существования и путях развития МАПРЯЛ в новых условиях, начатый профессором *Арто Мустайоки* (Финляндия). Были внесены необходимые поправки в Устав МАПРЯЛ, касающиеся ее статуса и структуры, членства, финансов, форм деятельности.

Ассоциация становится подчеркнуто профессиональной, неправительственной международной общественной организацией, как и записано в ее Уставе, первоначально подготовленном с участием академика *В.В. Виноградова*. Будучи первым президентом МАПРЯЛ, он решительно преодолевал упреки в аполитичности, хотя, разумеется, не мог и не считаться с существовавшими условиями бытия.

Не имея государственной помощи, Ассоциация нашла заинтересованное понимание многих общественных структур. Среди них в первую очередь надо назвать *Международную ассоциацию фондов мира*, руководимую *Анатолием Евгеньевичем Карповым*, и *Российский Фонд Мира*, возглавляемый *Дмитрием Федоровичем Мамлеевым*. Только благодаря им Ассоциация смогла провести свои традиционные международные олимпиады школьников 1992 и 1995 годов, без них будет невозможной и очередная IX олимпиада 1998 года. Им, а также зарубежным спонсорам, например, обществу "*Польша-Восток*" и *Ассоциации русистов Словакии*, мы обязаны тем, что в Москве побывали победители конкурсов на лучшее знание русского языка из Албании, Венгрии, Литвы, Румынии, Украины, Югославии. Фирма "*Омен*" благородно издает "Вестник МАПРЯЛ". Весомую помощь оказывает компания "*Энергополь-Трейд*" (директор *Казимеж Вершилло*). Акционерное общество "*Русская деревня*" в японском городе Ниигата и другие организации помогли восстановить издание журнала "Русский язык за рубежом". Всем им сердечная благодарность, и пусть она станет рукой, протянутой за новыми благодеяниями.

В финансовом прессинге оказались и некоторые национальные ассоциации русистов – действительные члены МАПРЯЛ. Однако несмотря на повысившийся членский взнос, своевременная и полная уплата которого теперь жестко до безжалостности увязывается с членством в Ассоциации, мы практически неизменно имеем сегодня 174 коллективных и 14 индивидуальных членов из 69 государств.

Поиск нового стиля деятельности, реорганизация, даже чисто структурная, не говоря уже об идейно-содержательной, проходили сложно, с откатами. Наша реакция на названные экстралингвистические, социолингвистические и собственно лингвистические крупномасштабные сдвиги проявлялась иной раз даже болезненно.

1.

Приспосабливая свою деятельность к нынешнему миру, мы прежде всего положительно ответили на вопрос, нужен ли этому миру русский язык. Опираясь, в частности, на опыт Европы, мы уверенно сочли за благо поддерживать не антагонизм языков, но пакт их сотрудничества, в котором и русский имеет свое достойное место. Он вносит в мировую сокровищницу "русскую идею", т.е. русские ценности, исторически сложившееся понимание смысла жизни, а также природные и людские ресурсы, российскую экономику, рынок, науку, культуру...

В первую очередь, самобытную русскую культуру и литературу – безусловно конвертируемые ценности. Русский язык выступает носителем гуманистических идеалов в общечеловеческом прогрессе, настойчиво сочленяя общее и частное, всемирное и национальное. Ведь географические просторы и историческое сосуществование разных народов в Российском государстве искони предопределили их общежительность, переимчивость, доброжелательность, культурную, хозяйственную, бытовую незамкнутость.

Достоевский писал о "вечно создающейся России", ищущей не закона, но благодати и красоты, которая спасет мир. В этом нравственном поиске, отраженном в разоблачающей и поучающей природе русской литературы, – непрестанное стремление к преобразованию, улучшению жизни и вечная неудовлетворенность повседневностью. События последнего десятилетия убеждают: в этой уникальной черте россиян, их непреходящей "поляризованности" кроется залог развития, показатель неисчерпаемости сил народа, привлекательная влияние его культурного опыта.

Именно этим славны вершины русской культуры, делающие ее всемирно значимой. Россия нужна миру как родина Рублева и Репина, Чайковского и Шостаковича, Пушкина, Толстого, Чехова, Набокова. Неприятие относительных истин сказалось и в том, что сегодня восстановлена преемственность с дореволюционной Россией, как и кровное родство с русскоязычным зарубежьем. Жизнеспособность русского народа такова, что ему есть что сказать обществу потребления, ибо он тяготеет к обществу нравственных идеалов.

Сегодня человечество стремится к более устойчивой модели мирового порядка, действительно гарантирующей мир и демократию. Нынешняя Россия преодолевает имперское высокомерие, как и униженность, обреченность на второстепенную роль в мироустройстве. Ни идеологическая, ни военная, ни, к сожалению, финансово-промышленная борьба не вернут России былого величия. Прорыв сейчас возможен лишь в выдвижении гуманистических идей, в культурных влияниях, проводником которых служит русский язык. Люди на Земле

нуждаются в них куда больше, чем даже в российской нефти или в сибирских алмазах.

События последнего десятилетия изменили не только Россию, хотя ее, вероятно, сильнее всего, но – и это важно подчеркнуть – именно весь мир. Сегодня он совсем не тот, к которому мы привыкли, и нужно мужество, чтобы не впасть в отчаяние и научиться в нем жить. Долгосрочные последствия рухнувших "берлинских стен" трудно предсказать, но хочется верить, что они будут толерантны, человеколюбивы.

2.

Геополитические сдвиги сказываются на языковой ситуации в нынешнем мире, в частности, и на положении в ней русского языка. Сбросив с себя приметы орудия русификации, пропаганды какой-то идеологии, он воспринимается теперь просто как один из широко используемых языков международной коммуникации. Снятие идеологических вериг преодолевает настороженное отношение к нему во всем мире, меняет его репутацию. Иными словами, русский язык занял свое естественное место на языковой карте мира – иное, нежели раньше, но вполне достойное.

Драматичнее всего это сказалось на его изучении и использовании в странах-наследниках СССР, где из языка "братского сотрудничества", даже "второго родного языка" коренных национальностей он низведен до положения иностранного языка. Кстати, это сделало государства СНГ и Балтии самостоятельными объектами МАПРЯЛ. Хочу также заметить, что, разрабатывая проблемы обучения своим титульным языкам иноязычных граждан, методисты этих стран пользуются прежде всего опытом преподавания русского языка иностранцам, то есть опытом МАПРЯЛ, нашим с вами опытом.

Проблемы, связанные с изучением и функционированием русского языка в разных странах и группах стран, стали естественной базой для ревизии деятельности нашей Ассоциации. Они дважды, в 1993 и 1996 годах, обсуждались на ставших традиционными конференциях в Филадельфии и приуроченных к ним заседаниях Президиума МАПРЯЛ. Благодаря активности членов Президиума, в частности, *Дэна Дэвидсона* (США), *Михаила Бонева* (Болгария), *Ван Фусяна* (Китай), *Эрвина Веделя* (Германия), *Ольги Митрофановой* (Россия) стал возможен анализ новой ситуации с русским языком. Эта работа будет продолжена в духе намерения МАПРЯЛ создать международный банк данных о русском языке в мире. Он станет базой и для "странички МАПРЯЛ" в системе Интернета.

С отменой обязательного изучения русского языка в странах бывшего СЭВа он занял второе или даже третье место среди иностранных

языков, предлагаемых на выбор в школах и вузах. Прошедшие годы убеждают в том, что это имело лишь одно большое последствие: сотни учителей-русистов лишились рабочих мест. Если угодно, русистов сейчас меньше, но в числе оставшихся – больше преданных делу квалифицированных энтузиастов, хотя, увы, не самых молодых.

Стало, конечно, меньше и изучающих русский язык, зато резко возросла их мотивированность, и число действительно выучивающих его, как это на первый взгляд ни удивительно, в среднем мало отличается от наблюдавшегося ранее. Во всяком случае, нет правды в шутке, что, мол, в странах насильственного обучения русскому языку советский период закончился для русистов не менее плачевно, чем юрский для динозавров.

Впрочем, критический рубеж, видимо, позади. Об этом, в частности, свидетельствует рост числа молодых иностранцев, желающих получить высшую квалификацию по русскому языку и литературе в вузах России. Только Институт русского языка им. А.С. Пушкина в 1996–1997 учебном году принял 143 магистранта, аспиранта и докторанта из 29 стран.

Русский язык устойчиво сохраняет заметное место, а, судя, например, по обзорам Языковой обсерватории (Безансон, июнь 1995) и Европейского центра современных языков (Грац, февраль 1997) волна неприятия откатилась на всей территории наибольшего, помимо России, его распространения.

Двигаясь по путям языкового разнообразия в многокультурной и толерантной Европе, сокращая преимущественное изучение русского языка у себя, эти страны парадоксальным образом стимулируют укрепление его позиций на всем Европейском континенте. Показателен лозунг листовки Австрийского министерства образования, призывающей школьников изучать иностранные языки: *Russisch statt Englisch? Nein! Russisch und Englisch!* (Русский вместо английского? Нет! Русский и английский!)

Во всем мире русский язык стал непосредственно и прочно увязываться с общекультурными и утилитарными потребностями. Основой для этого стали такие события, как смена парадигмы духовных ценностей в России, ее открытость к диалогу, вообще к массовому интернациональному общению, снятие ограничений на въезд и выезд. Весьма суггестивными в этом плане явились *joint ventures* – совместные предприятия, о размахе которых можно судить по тому, что, например, в Московской области функционирует 42 только германо-российских предприятия.

Трудно переоценить положительную роль "новых русских", массово посещающих зарубежные страны, причем как для деловых целей, так и для отдыха. Они явно затмили пресловутый образ советских

туристов, ходивших боязливymi группами в одинаковых темных плащах и велюровых шляпах. Очевидно также влияние выросшей русскоязычной диаспоры, авторитет которой возрос с переменой в России отношения к соотечественникам, постоянно или временно проживающим за рубежом, — от негодующего неприятия до родственного признания их достоинства.

Любопытно, что в Германии издается сейчас 15 газет на русском языке, только в Берлине конкурируют между собой три издания с солидными тиражами. Еще более яркая картина наблюдается в Нью-Йорке, Сан-Франциско и других американских городах.

Лейтмотив складывающейся глобальной языковой ситуации: знание русского языка есть предпосылка к тому, чтобы культурный и иной потенциалы России могли быть эффективно востребованы мировым сообществом.

Показательно появление новых каналов распространения русского языка, помимо собственно академического его преподавания в школах и вузах. По расхожему мнению, результат такого неорганизованного изучения через бытовую и мелкотогровую практику, через разного качества кружки и приватные занятия трудно назвать русским языком, но если языком называть средство общения, передачи информации, то это, несомненно, язык.

3.

Это тем более позволительно назвать языком, что небрежение нормами и традициями литературно-языкового стандарта нельзя не признать сегодня отличительной чертой самого русского общества. Разумеется, в нем царят полярные оценки происходящего, прежде всего американизмов и жаргонизмов, которые безоглядно наводнили речь журналистов, но которыми, вопреки своим же призывам, все меньше брезгают даже самые образованные педанты.

Все естественные "имманентные" законы развития русского языка сейчас напряжены до предела, темп обновления "зашкален", явно превышает допустимый предел. Границы литературного языка оказываются размытыми или, как модно сейчас выражаться, транспарентными: периферийные явления завоевывают центр, нормы ослаблены и все более вариативны, резко меняются стилистические градации и стилевые закономерности. Русский язык со всей очевидностью стоит на пороге своего нового исторического состояния. Основанная на нем речь обещает быть подчеркнута индивидуализированной, раскрепощенной и, как многие сейчас считают, более богатой, выразительной.

Нельзя не заметить, что такое состояние русского литературного языка порождает дополнительные сложности для его преподавания.

Пути их преодоления сейчас детально обсуждаются в рамках мероприятий МАПРЯЛ и уже находят свое отражение в новых учебниках и пособиях. Можно с уверенностью констатировать, что живой как жизнь язык нынешнего русского общества преподавать (и учить!) интереснее, хотя и труднее, чем скованный язык времен тотализма.

Очерченные экстралингвистические, социолингвистические параметры диктуют необходимость переосмысления методических ориентиров. Новая роль русского языка в мировой языковой ситуации предполагает обучение ему не столько как таковому, сколько его применению в реальных жизненных контекстах и функциях.

Происходит расслоение учащейся аудитории, которая стала не столько меньше, сколько разнообразнее, так как выбор русского языка стал целенаправленнее, конкретнее. Это ощущается даже среди тех, кто хочет сделать русский язык своей специальностью. Считаясь с конъюнктурой рынка труда, они склонны к ранней специализации на учителя, научного работника, письменного или устного переводчика, гида.

Все важнее становится сложно формирующаяся отрасль "русский язык в специальных целях". Если раньше обучение русскому языку специалистов разных профилей или, как у нас принято было их называть, нефилологов, чуть ли не полностью увязывалось с "иностранцами студентами", то теперь оно далеко выходит за пределы профессиональной подготовки граждан из зарубежных государств. Вне России русский язык сейчас преподается больше в технических и коммерческих учебных заведениях, нежели на филологических факультетах классических и педагогических университетов.

В этом плане показателен состав растущего числа слушателей на курсах РЦНК – российских центров науки и культуры, имеющих в 40 странах и играющих сейчас ощутимую роль в распространении русского языка.

Следует сказать, что русисты оперативно откликнулись на эти новые потребности. Проведен трудоемкий анализ многоуровневой природы коммуникации. На его базе разработан ряд лингводидактических описаний содержания коммуникативных компетенций и ранжированы уровни владения русским языком для различных категорий иностранных учащихся.

Так, выполнено под эгидой Совета Европы и издано им описание "порогового уровня", идет работа над следующим "постпороговым уровнем". Параллельно разрабатываются российские государственные образовательные стандарты по русскому языку для иностранных граждан. В русле принятой международной практики успешно развива-

ются контакты с Российской Торговой палатой, которая впервые обратилась к сертификации в области русского языка делового общения.

Уже сотни лиц получили в экзаменационных центрах, созданных, например, в Болгарии, Венгрии, Польше, сертификаты знания русского языка – "порогового уровня" по нормативам Совета Европы или "бизнес-русского" от имени Института русского языка им. Пушкина и Российской Торговой палаты.

Сегодня МАПРЯЛ готова выступить с обращением к органам образования и методической общественности разных стран о конвертируемости российских, европейских и американских сертификатов по русскому языку. По ее поручению, проект такого положения подготовлен коллегами Дэном Дэвидсоном и Ольгой Митрофановой, и мы надеемся на всемерную поддержку общественностью этого начинания, важного для преподавания иностранных языков вообще.

Проблема тестирования и сертификации знания языка или, лучше сказать, владения им вышла в центр внимания методистов. На этом фоне возникает острая необходимость разработки новых методик преподавания русского языка в рамках современных информационных технологий обучения, в частности и "компьютерно-поддержанных курсов". Создаются вариативные программы обучения, отражающие разные уровни владения языком в соответствии с поставленными целями и мотивами учащихся.

Осмыслена необходимость нового поколения учебников. Не приходится в новой обстановке говорить о типовых учебных комплексах, рекомендуемых министерствами для обязательного использования. Современную молодежь могут увлечь лишь конкурентоспособные вариативные индивидуализированные учебные материалы с использованием информационно-технических систем, будь то CD-Rom или иные средства слуховой и зрительной наглядности, а также реалистически, объективно отражающие жизнь российской молодежи.

Такие новые учебники в странах уже появились. Приятно отметить, что в числе их авторов немало активистов МАПРЯЛ, например, *Бертольдт Брандт* (Германия), *Терри Вейд* (Великобритания), *Майя Волте* (Германия), *Януш Генцель* (Польша), *Халина Гранатовска* и *Ирэна Данецка* (Польша), *Эрнст-Георг Киришбаум* (Германия), *Эва Колларова* (Словакия), *Барбара Липска-Горчица* (Польша), *Джордж Моррис* (США), *Абхай Морье* (Индия), *Эуген Новеану* (Румыния), *Корнелия Думитриу* (Румыния), *Сесилия Оде* (Нидерланды) и многие русские специалисты. Некоторые из учебников нового поколения уже успешно внедрены в практику, часть из них аннотирована в юбилейном сборнике.

Современный вид приобретает лингвострановедение, цель которого рисуется теперь не просто как описание русской культуры и тем более

не как вовлечение в нее изучающих русский язык в форме некой вторичной аккультурации, если не сказать – индоктринизации, но как сопоставление ее и родной культуры учащихся с целью обеспечения нормального, непредвзятого и равного межкультурного диалога, взаимодействия одинаково достойных культур в процессе взаимообогащающей коммуникации.

Все эти и многие другие темы кровно волнуют русистов и живо обсуждались на всех мероприятиях МАПРЯЛ последних лет, начиная с VIII Регенсбургского конгресса 1994 года, тема которого оказалась в этом смысле судьбоносной – "Русский язык и литература в современном диалоге культур". Именно там был сформулирован тезис, что общение есть процесс созидания общего, в котором закладка формально-языкового фундамента – необходимая, но лишь первая ступень, "нулевой цикл", если прибегнуть к терминологии строителей.

Кстати, этот конгресс, проведенный благодаря титаническим усилиям *Эрвина Веделя*, был первым в радикально изменившихся обстоятельствах. Его успех, внимание к нему германских властей и общественности явились важным доказательством сохраняющегося интереса к русскому языку и жизнеспособности МАПРЯЛ в изменившемся мире.

Переход от ситуации одномерного социально-административного приказа к ситуации колеблющегося, "плавающего" социально-рыночного заказа, который надо уловить, понять, удовлетворить, не прост, особенно для тех русистов, кто был воспитан в советском духе и вдруг оказался в обществе иных принципов и законов. Поэтому особое значение приобретает задача переподготовки, непрерывного повышения квалификации русистов-педагогов.

Можно утверждать, что МАПРЯЛ сыграла важную роль в перестройке сознания русистов России и других стран, входивших в СССР или ориентированных на него. Она помогла им устранить систему идеолого-профессионального общения преподавателей и мотивирования учащихся и восстановить ее как чисто профессиональную и культурно-прагматическую. Русистская научно-методическая мысль в этих странах массового преподавания и функционирования русского языка, уйдя из рамок "советско-братских" зависимостей, бьет ключом, выдвигает новые темы, которых раньше не было или которые сознательно не "замечались".

Интерес к научным симпозиумам нашей нынешней конференции показывает, что МАПРЯЛ – это магнит, притягивающий русистов. В ней видят важный канал приобщения к свежей проблематике, авторитетный форум для обмена мнениями и опытом на международном уровне. Она отмечает свое тридцатилетие отнюдь не потрепанной и

побежденной, напротив – закаленной в преодолении потрясений, нашедшей себя в новых условиях.

Взятый мною оптимистичный тон оправдан фактами, а не только юбилейным настроением. Однако нельзя умолчать о проблемах и заботах: у нас, например, мало международных научно-исследовательских проектов, с трудом преодолевается однообразие и многотемье профессиональных встреч, а также и их официально-назидательный стиль, мешающий свободной творческой дискуссии.

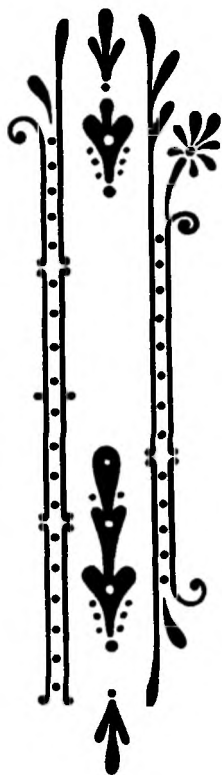
Ассоциация готова к новым акциям, направленным на устранение недостатков, на решение принципиальных вопросов работы русистов. Президиум МАПРЯЛ особое внимание уделил подготовке очередного IX конгресса МАПРЯЛ. Его особенность не только в том, что он последний в XX столетии, но и в том, что он будет проходить в год двухсотлетия со дня рождения А.С. Пушкина.

По инициативе МАПРЯЛ готовится юбилейная книга «"От западных морей до самых врат восточных..." (А.С. Пушкин за рубежом)». Свои статьи для нее прислали пушкинисты из многих стран, и кажется уместным закончить выступление словами, принадлежащими перу видного американского профессора *Дэйвида Бетеа*:

«Пушкин, с именем которого связано представление обо всем лучшем в русской культуре и который сам по себе является ярчайшим олицетворением "русскости" (что бы мы ни вкладывали в это понятие), признавал мало абсолютных, неприкосновенных ценностей, но те вещи, которые он почитал священными, Пушкин оберегал с твердостью и непреклонностью, которые редки в нынешний век всеобщей относительности и стремительных изменений».

Среди таких ценностей был для Пушкина русский язык. И ясен завет поэта нам, русистам рубежа XX и XXI веков – хранить русский язык как непреходящую священную ценность.

О переводах и переводчиках

"Крив был Гнедич поэт..."

*М.И. ЧЕРНЫШЕВА,
доктор филологических наук*

В 1910 году П.О. Морозов опубликовал прочитанное им вместе с Б.Л. Модзалевским тщательно замазанное А.С. Пушкиным двестише:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

(Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. II. С. 336; далее – только том и стр.).

Поэт не хотел, чтобы об этих стихах узнали: для прочтения их исследователям пришлось сделать сильно увеличенную фотографию. Потомки несколько бестактно ведут себя по отношению к великим предшественникам: бумаги, письма, даже самые интимные, не только читают и публикуют, но и интерпретируют – есть, где разыгаться фантазии. С зачёркнутым двустушием произошло то, чего опасался поэт и почему он решил его уничтожить: оно, во-первых, стало известным, и, во-вторых, подверглось разного рода трактовкам. П.О. Морозов, публикатор двустушия, причислил его к жанру эпиграмм сатирического наполнения и дал своё понимание смысла стихотворения: «Пушкин, не знавший греческого языка, но чутьём догадавшийся о том недостатке перевода "Илиады", в котором критика стала впоследствии упрекать Гнедича, – об его напыщенности, выразившейся в обилии славянизмов, – не мог удержаться, чтобы не кольнуть переводчика эпиграммой. Но, вероятно, опасаясь, что эта вспышка юмора может как-нибудь дойти до крайне самолюбивого Гнедича и испортить существовавшие между обоими поэтами добрые отношения, поторопился её зачеркнуть с особенною тщательностью и заменить двустушием совсем иного рода». (Морозов П.О. Эпиграмма Пушкина на перевод "Илиады" // Пушкин и его современники. Вып. XIII. СПб., 1910. С. 14).

А.Н. Егунов попытался было смягчить характеристику, данную двустушию П.О. Морозовым, смягчить снисходительным отношением к "русской" "Илиаде": «Это – "Илиада", но не греческая, не вполне или не только гомеровская, она – русская, наша, гнедичевская» (Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.-Л., 1964. С. 283). Б.С. Мейлах ему возразил: «Это объяснение не выдерживает критики: эпиграмма Пушкина носит сатирический характер (ведь переводы Жуковского также представляли собою "русского Шиллера", "русского Байрона", что не мешало оценивать его работу очень высоко). Однако Пушкин зачеркнул сатирическую эпиграмму на Гнедича, которая явилась, по-видимому, возникшей по ассоциации остротой, и создал надпись, ставшую хрестоматийной» (Мейлах Б.С. "С Гомером долго ты беседовал один..." // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 215):

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущённой душой.

Это высказывание известного пушкиниста можно понимать только так же, как и приведённые выше слова П.О. Морозова: А.С. Пушкин невысоко ценил творчество Гнедича. С ним, похоже, согласен и Л.А. Черейский: «... отношение Пушкина к литературной деятельности архаика Гнедича не было безусловно положительным: известна эпиграмма Пушкина "Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого

Гомера" (1830)...» (Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 104).

Вызывает чувство досады и недоумения то, что никого не смутило вопиющее противоречие между предлагаемой трактовкой эпиграммы и известными реальными отношениями между двумя поэтами: они были близкими друзьями; кроме того Пушкин высоко ценил творчество Николая Ивановича Гнедича ("Ты, коему судьба дала / И смелый ум и дух высокой. / И важным песням обречла..." – из письма к Н.И. Гнедичу от 24 марта 1821 года), мы знаем и о литературном влиянии Гнедича на Пушкина. В связи с гнедичевским переводом "Тарентинской девы" Андре Шенье он (с едва угадываемыми нотками ревности) писал брату Льву: «Гнедич у меня перебивает лавочку – "Увы, напрасно ждал тебя жених печальный" и проч. – непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе» (IX, 59). Не случаен выбор первого перевода из Андре Шенье – идиллии "L'Aveugle" об одном из странствий слепца Гомера (Сандомирская В.Б. Первый перевод Пушкина из Андре Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. VII. Л., 1974. С. 168–169). Мы знаем и о восторженном отклике Пушкина в "Литературной газете" (1830. № 2. 6 янв.) на издание "Илиады". У Пушкина есть прекрасное стихотворение, полное искреннего восхищения и уважения, посвящённое Гнедичу: "С Гомером долго ты беседовал один..." (II, 353). Адресат стихотворения не сразу был установлен. Впервые на Н.И. Гнедича указал В.Г. Белинский (см.: Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. С. 213).

Если согласиться с тем, что тайное двустушие будто бы выражало подлинное (негативное) отношение Пушкина к творчеству Гнедича, тогда придётся признать сплошным лицемерием все остальные, известные при жизни поэтов, а также сохранившиеся в бумагах и письмах восторженные отзывы и оценки, включая и то стихотворение, где труд и подвиг Гнедича сравнивается с великой миссией Моисея:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошёл с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали. (II, 353)

Анализ сатирических эпиграмм Пушкина, проведённый Е.Г. Эткиндом, привёл его к выводу, что «Пушкин, особенно в двадцатые годы, подчёркивал воинственную направленность своей поэзии. Слово "враг" часто повторялось в его стихах, сопрягаясь со словом "эпиграмма" – лучшим средством унижения и морального обезвреживания противника» (Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 34). Вспомним строки из "Евгения Онегина":

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага... (IV, 124)

Но ничто не позволяет предполагать враждебности между поэтами, наоборот, в стихотворении "Из письма к Гнедичу" читаем:

Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны... (I, 141)

Перо пушкинской сатиры заострено против "подлецов", "сволочи" и глупцов:

А вы, ребята подлецы, –
Вперёд! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда! <...>
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать! (I, 122)

У нас мало оснований считать хоть отчасти похожим на них друга Пушкина.

Конечно, можно предположить, что насмешник Пушкин просто "хохотнул". Ведь называл он Гомера "болтуном" ("Часто, часто я беседовал / С болтуном страны Эллинския..." – "Бова"; III, 381), а Вольтера "певцом любви, фернейским старичком" ("Монах"; III, 369), но никому и в голову не пришло переносить слова, произнесённые с тёплым юмором, на оценку творчества этих писателей. Однако – над увечьем друга не смеются – Гнедич перенёс тяжёлую болезнь: оспа изуродовала его лицо и лишила правого глаза. Он был, как говорят в народе, "крив". По народным же представлениям, убогие, обделённые природой, обладают особыми сверхъестественными способностями. Неслучайно, Боян в русском эпосе, а Гомер в греческом – слепы. Неслучайно, следовательно, в первой строке двустихия рядом поставлены: слепой поэт – Гомер и полуслепой переводчик – Гнедич. Такое соположение поддерживается во второй строке ещё одной парой слов: "образец" (то есть греческий оригинал) – и "перевод". Сравним: в хрестоматийном двустихии "Слышу умолкнувший звук..." Пушкин тоже стремится передать своё ощущение перевода как явления вторичного, производного, с помощью слова "*тень*": "...Старца великого *тень* чую смущённой душой". Общим настроением зачёркнутого двустихия продиктован и выбор просторечного фразеологизма "боком одним...схож", который, может быть, не только невольно акцентировал внимание на недостатке во внешности Гнедича, но и звучал грубо, вызывая

ощущение диссонанса со стилизованной гомеровской ритмикой стиха и обычно сопутствующим ей набором архаичной и архаизированной лексики – всё это вместе взятое плюс возможное неверное истолкование двустипия побудило Пушкина признать эпиграмму неудачной и уничтожить её.

Эта статья посвящена памяти доктора филологических наук М.Ф. Мурьянова, побудившего почти 15 лет назад написать её. Страстный любитель Пушкина, Михаил Фёдорович сетовал, что исчезают настоящие пушкинисты, да и филологов, не делящих эту науку – искусственно и противоестественно – на литературоведение и лингвистику, не так уж много. У него было старинное понимание филологии – науки глубокой и широкой, многоязычной и многолитературной, сопряжённой с другими гуманитарными дисциплинами и даже выходящей за их пределы, в теологию, например, или, как это было у него, скажем, в физику. Его увлечения были заразительны. Он умел повернуть мысль к загадке, удивить, и – рассмешить, а подчас – разгневать! Как не хватает иногда этого...

Sit tibi terra levis!

Как "заблудившийся трамвай" превратился В "трамвай-убийцу"

*Л.Л. БЕЛЬСКАЯ,
доктор филологических наук*

Появление трамваев как нового транспортного средства на улицах российских городов в начале XX века сразу же нашло отражение в художественной литературе, положив начало трамвайной теме, и породило "миф о трамвае" (Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Учён. зап. ТГУ. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 135–143). Поэты "серебряного века" описывали трамвай как неперемный атрибут современной цивилизации, несущий в себе анималистские, натур-философские, астральные ассоциации: усталый и сонный, с мордой и глазами, обладающий душой и речью, похожий на передвижной зверинец, на комету или звезду, на дракона и жар-птицу, причастный к природным стихиям, уподобленный планете Земля и ведомый Ваго-ножатым-Временем.

Трамвайная тема стала настолько популярной, что подверглась шутливому и ироническому обыгрыванию поэтами-сатириками; см., например, у Саши Чёрного: "Наш трамвай летел, как кот, / Напоённый жидкой лавой. / Голова рвалась вперёд, / Грудь назад, а ноги вправо" ("Пуща-Водница", 1911).

Квинтэссенцией этих образных представлений явился "Заблудившийся трамвай" Николая Гумилёва (1920), который из петербургских улиц и переулков вырывается на просторы земного шара и Космоса, в "бездну времён". Он мчится как буря по кругосветному маршруту (Россия, Европа, Африка, Азия – Нева, Сена, Нил, Бейрут, Индия), преодолевая пространства наподобие гоголевской тройки: "летел трамвай", "в воздухе огненную дорожку он оставлял", "за мостом летит на меня", "мы проскочили", "мы прогремели по трём мостам", "звоны лютни", "дальние громы" – и "гремят мосты", "гремит и становится ветром разорванный в куски воздух", "летит мимо всё, что есть на земле", "чудный звон" колокольчика, "молния, сброшенная с неба".

Шёл я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний гай,
И звоны лютни, и дальние громы, –
Передо мною летел трамвай. (<...>)

Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трём мостам.

А затем из земных пределов трамвай попадает в "зоологический сад планет" и снова возвращается в Петербург – к Медному всаднику и Исаакиевскому собору: "Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня", "Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине...". И тогда же происходит путешествие во времени – биографическом и историческом: видится нищий старик, "что умер в Бейруте год назад", потом "дощатый забор" в переулке и дом в три окна, в котором когда-то жила Анна Ахматова; вспоминается невеста Машенька, ткавшая жениху ковёр, – возможно, намёк на рано умершую кузину поэта Машу Кузьмину-Караваеву, в которую он был влюблён. И вдруг автобиографическое время сменяется историческим, и мы переносимся в восемнадцатое столетие и вместе с героем отправляемся на аудиенцию к императрице.

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шёл представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Этот эпизод, по мнению современного исследователя Ю.В. Зобнина ("Заблудившийся трамвай" Н.С. Гумилёва: К проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста // Русская литература. 1993. № 4. С. 176–192), перекликается не столько с "Капитанской дочкой" Пушкина, сколько с биографией Державина, который вынужден был покинуть тяжело больную жену и явиться к Екатерине II. Автор статьи выявляет в гумилёвском стихотворении аллюзии, восходящие к "Божественной комедии" Данте: трамвайное странствие напоминает сначала сошествие в ад в сопровождении Вожакого (отсюда дважды повторенная просьба остановить вагон), а дальше благодаря встрече с Машенькой-Беатриче – через муки чистилища вознесение в рай: "Понял теперь я: наша свобода / Только оттуда бьющий свет...". Однако, на мой взгляд, ад у Гумилёва связан не с юношеским без-

божим и не с горьким осуждением прежней жизни, как в пушкинском "Воспоминании" ("И с отвращением читая жизнь мою..."), а с жуткой фантазмагорической картиной продажи мёртвых голов в зеленой лавке.

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят – зеленая, – знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мёртвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

Побудительным толчком к созданию этой картины мог послужить мотив отрезания головы в трамвайном мифе (Р.Д. Тименчик), но скорее всего в ней отразилась атмосфера массовых убийств в годы гражданской войны, когда человеческая жизнь ценилась "дешевле пареной репы" (здесь – капусты и брюквы). К тому же в роли палача выступает не трамвай, как у В. Шершеневича, В. Ходасевича, позднее в "Мастере и Маргарите" М. Булгакова, а лавочник, звероподобный и красномясый. Ящик с отрубленными головами заставляет припомнить груды черепов в "Апофеозе войны" В. Верещагина (1871). Гумилёвское апокалиптическое видение тем более поражает и ужасает нас, поскольку поэт как будто бы предрекает свою скорую насильственную смерть (через год – в августе 1921) и заранее заказывает панихиду: "Там отслужу молебен о здравьи / Машеньки и панихиду по мне".

Непосредственным откликом на гумилёвское стихотворение и на гибель поэта были стихи Владимира Набокова (В. Сирина) "Трамвай" и "Памяти Гумилёва" (1923). В первом трамвай летит через "неживую" ночь, "огнями ночь пробив", "спереди – горящее число", "стёкла – озарённые иконы", окружённый светом и полыхающей зарницей, а крылатые перезвоны и гром колёс сравниваются со взрывом песнопений. Во втором умерший Гумилёв беседует с Пушкиным "о летящем медном Петре и о диких ветрах африканских".

Рассматривая стихотворение Н. Гумилёва в контексте русской литературы начала века, Р.Д. Тименчик делает следующий вывод: «Вобрав в себя многие черты предшествующей культурно-бытовой феноменологии трамвая, "Заблудившийся трамвай" надолго определил восприятие этого объекта городского пейзажа в отечественной словесности» ("К символике трамвая в русской поэзии". С. 141). И вряд ли случайно, что в романе Б. Пастернака "Доктор Живаго" внезапная смерть настигает Юрия Андреевича в конце августа и в неисправном трамвае?..

Довольно устойчивой оказалась традиция анимизации трамвая, которая в 20-е годы проявилась в детских стихах Осипа Мандельштама ("Два трамвая" и "Сонный трамвай"), где трамваи то разговаривают друг с другом, с лошадьми и с водителем, то "словно гуси поворачиваются"; один молодой и глупый трамвай-ротозей и горемыка ослеп на один глаз, а другой "завтракает вилкой на улицах больших".

Я сонный, красноглазый,
Как кролик молодой,
Я спать хочу, водитель:
Веди меня домой.

Последующие поколения поэтов сравнивали трамваи и с животными, и с птицами, и с людьми: "И, выкатив свои глаза, / трамваи красные сторонятся, / как лошади – когда гроза" И "сходят с рельс. / И, словно жаворонки, / влетают в старые дворы" (Булат Окуджава. "Трамвай"), "трамваи – красные быки <...> Крупнорогатый скоп скота", "У них, быков (как убежать в луга?), сумели всё отнять" (Виктор Соснора. "Трамвай"), "– Вот это трамвай! / Словно окунь, ушедший с крючка: весь пятнистый, огнистый" (Белла Ахмадулина. "Ёлка в больничном коридоре"), "Трамваи расходятся, как всегда, / Кланяясь стрелочникам дежурным" (Михаил Луконин. "Утро"), "Последний трамвай, / Отшумев проводами, / Ушёл, закачался / Вдали фонарём" (Вл. Соколов. "Бродя и гадая...").

У Б. Окуджавы в "Телеграфе моей души" (1959) трамваи приобретают постоянный эпитет "красные":

Лишь ползут из тишины,
сердце разрывая,
как извозчики войны,
красные трамваи.

А в стихотворении "Красные цветы" (1963) включаются в различные ассоциативные ряды:

О эти красные цветы!
Я от земли их отрываю.
Они как красные трамваи
среди полуденной суеты.

(Окуджава Булат. Стихотворения. М., 1984. С. 62, 128).

Если в детских стихах О. Мандельштама трамваи ведут себя по-детски, то у поэта-верлибриста Вячеслава Куприянова они взрослеют и обзаводятся потомством. О таком трамвае рассказывается в стихотворении "Трамвайное кольцо": ради детей он возит взрослых по кольцу целыми днями, а ночью возвращается домой, привозя забытые в вагоне огрызок яблока и прочитанную газету.

И дети ему говорят:
 когда мы станем большими,
 мы станем ракетами
 и улетим
 на большое яблоко в небе,
 пусть оно не станет огрызком.
 Пусть тогда и о нас
 напишут в свежих газетах.

(Куприянов Вячеслав. Жизнь идёт. М., 1982. С. 26).

Разве это не о нас с вами, забывших собственные мечты, и не о наших детях, жаждущих полноценной жизни?

Другая традиция "универсальной аллегоризации" трамвая (Р.Д. Ти-менчик) после Н. Гумилёва обнаруживается прежде всего в поэзии О. Мандельштама. У него трамваи перестают быть только приметой повседневного городского быта, а становятся знаком "эпохи Москвошвея", когда торжествует хамство, царит советская коммуналка, и все живут в тесноте и в обиде: "Бестолковое, последнее Трамвайное тепло" (1925), "Я трамвайная вишенка страшной поры" (1931), «Ещё меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок, / В которых нет ни смысла, ни аза: / "Такой-сякой!"» (1931).

Мотив убийства в связи с трамвайной темой – с прямой ссылкой на Н. Гумилёва – подхватывает Иосиф Уткин в стихотворении "По дороге домой" (1929), в котором "рельсы бросаются под трамвай с настойчивостью самоубийц", "конвейер Тверской" ведёт "к побоищам площадей", и невозможно прорвать "чёртов мост". А когда проезжаешь возле Староваганьковского кладбища, то деревья "Русского сада" и крикливое "московское воронье" приводят на память строки гумилёвского "Заблудившегося трамвая":

Среди индустрии:
 "Вороний грай",
 И "Машенька",
 И фасад.
 И вот он –
 Гремит гумилёвский трамвай
 В Зоологический сад.

(Уткин Иосиф. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1966. С. 115).

Далее следует попытка поспорить с Н. Гумилёвым и противопоставить его экзотическим видениям и странствиям новые устремления эпохи индустриального строительства, "огня, и желчи, и мужества".

Но я не хочу
 Экзотических стран,
 Жирафов и чудных трав!
 Эпоха права:

И подъёмный кран –
Огромный чугунный жираф.

Позднее с трамвайной темой свяжет трагический 1937 год Е. Винокуров ("Трамвай", 1965), когда, по детским воспоминаниям, комнату, "будто бы истеричку, с утра колотило от трамваев, несущихся вскачь за окном", днём она сотрясалась "дрожью проходивших трамваев", а ночью в наступившей тишине все прислушивались к дверным звонкам.

Особенно близок по своей символике к гумилёвскому стихотворению "Вечный трамвай" Ю. Кузнецова (1966), в котором сопоставлены два образа, сменяющие друг друга. Первый – звездолёт, летящий в ледяном пространстве, с пассажирами, тоскующими по "утраченной земле" и создавшими в вечном корабле "иллюзию земного пребывания".

Но ни один не пожелал признаться
В том, что за плёнкой опытной мечты
Зияет леденящее пространство,
Бессмысленная бездна пустоты.

Второй – "перенаселённый" трамвай, едущий "на земле душистой и зелёной" мимо заборов (у Н. Гумилёва, напомним, "дощатый забор"), крыш, прохожих, – впереди дальний свет, позади "метеоры замыкают след".

Выхватывает луч забор и крышу,
Прохожих в профиль. Но молчит народ.
И – по кольцу, и – по второму кругу.
Никто не сходит. Всех людей трясёт.

(Кузнецов Юрий. Стихи. М., 1978. С. 65).

И тот, и другой "транспорт" вмещают в себя земное и небесное начала, оба движутся по бесконечному кругу и обречены на вечность. Ю. Кузнецов отказывается от гумилёвской конкретности и индивидуальности: вместо "я", личных впечатлений и переживаний – всеобщность (мы, люди), вместо "бездны времён" – "бездна пустоты". И на земле, и в космосе "хитрое кружение", молчание и безысходность – без смысла и конца.

Иную вариацию на тему "Заблудившегося трамвая" даёт Александр Кушнер в стихотворении "Сон": сначала его трамвай едет по знакомому городу – Ленинграду ("Я ли свой не знаю город?"), потом куда-то сворачивает и начинает блуждать и кружить – мост, канал, сад, мост, канал. Поэту кажется, что это чья-то шутка или ловушка, он чувствует, как и гумилёвский герой, что ему не выбраться отсюда, а окружающий мир его страшит ("Почему мне стало жутко...").

Этот сад меня пугает,
Этот мост не так мелькает,
И вода не так бежит,
И трамвайный бег бесстрастный
Приобрёл уклон опасный,
И рука моя дрожит.

(Кушнер Александр. Письмо. Стихи. Л., 1974. С. 28).

Как у Н. Гумилёва, возникают космические мотивы: "Слева тучу обгоняю, / Справа в тень её вхожу", "Мы похожи на комету...". А вагоновожатый не просто безответен, но "слеп и глух". Как и Н. Гумилёв, А. Кушнер пользуется местоимениями "я" и "мы", и его стихотворение также начинается с действий лирического героя: "Я поднял ворот. / Сел в трамвай полупустой" и "Шёл я по улице незнакомой" (ср. с кушнеровским зачином-откликом: "Я ли свой не знаю город?") (...) Как я вскочил на его подножку, / Было загадкой для меня" (для А. Кушнера загадки объявятся позже, когда "всё смешалось", но по-прежнему в пределах города – "Где Фонтанка? Где Нева?", а не всего земного шара). В гумилёвском сюжете "мы" присутствуют лишь при перечислении географических координат всесветного путешествия – мы обогнули, мы проскочили, мы прогрели, бросил нам вслед; в кушнеровском же повествовании "я" заменяется "мы" во второй его половине и остаётся даже тогда, когда трамвай опустел и все пассажиры исчезли: "Вид у нас какой-то сырый. (...) Никого в трамвае нету". Коллективному персонажу предстоит встреча не с любимой женщиной, как у Н. Гумилёва, а со всеми, "кому мы были рады / В прежней жизни дорогой", и они мчатся с нами рядом, "плачут, машут нам рукой" – и отстают.

Им не видно за дождями,
Сколько встало между нами
Улиц, улочек и рек.
Так привозят в парк трамвайный
Не заснувшего случайно,
А уснувшего навек.

Дочитав стихотворение до конца, мы возвращаемся к его заглавию "Сон" и задумываемся: то ли ночное блуждание трамвая было сновидением, то ли эта трамвайная поездка символизирует человеческую жизнь – в духе гумилёвской "заблудившейся" души. Однако у Н. Гумилёва душа умирает и воскресает, страдает и любит: "И трудно дышать, и больно жить...", "Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить". А у Кушнера сон житейский оборачивается смертным сном, заканчивается трамвайный маршрут – завершается жизнь.

Опирается на гумилёвский источник и Олег Чухонцев ("Бывшим маршрутом", 1973), и его трамвай летит, и гремит, и рождает воспоминания, но проходит по московским улицам, по неизменному, давно известному пути – мимо Зоопарка, Тишинского рынка, Ваганьковского кладбища (вероятно, тот же маршрут, что и у Иосифа Уткина): "и пыль, крутясь, вдогонку понеслась, / и ветер, ветер... И жалеть не надо!" Но, погружаясь в прошлое, вспоминая детство и отрочество, мать и отца, поэт не может не жалеть и не грустить: "Я оторвался от своих корней..." (явно есенинские нотки). Не стремится он остановить трамвай – "Скрипи, трамвай, греми в кольце железном!", хотя и завидует тем, кто способен сменить "осточертевшую колею".

Скрипи-греми! Счастлив, кому дано
из колеи осточертевшей выпасть
и время на ходу остановить!

(Чухонцев Олег. Из трёх тетрадей: Стихи. М., 1976. С. 112).

Трамвай О. Чухонцева – трамвай памяти, но последняя внезапно перестаёт ощущаться как своя: "и эта память мне уже чужая, / и я уже другой...", и всё же что-то мучит и тревожит.

Но что же, что
издалека томит, не отпускает,
а кружит, кружит? Что за дикий бег?
Куда летит трамвай, и жизнь, и время?

Не происходит ли в жизненной гонке разрыв с прошлым, утрата собственной личности: "Я мир искал, а потерял себя...". Такой итог противоположен гумилёвскому – обретение себя в любви. А "машина времени" возвращается в сегодняшний день, и герой слышит прозаическое обращение: "– Эй, гражданин, не мешкайте в дверях!", и элегический вздох о безвозвратно ушедшем и утраченном звучит в финале.

Проходит все, и только остаётся
неслышный шелест, только шум в ушах...

В машину времени, но не биографического, а исторического, превращается "Трамвай-убийца" (1987) Юнны Мориц, которая по-своему трансформирует гумилёвский мотив отрезанных голов. В "мучительной пантомиме", как в замедленной съёмке, движется "запущенный с горы" трамвай, давя и убивая бесчисленные жертвы – не людей, а "человечину". Речь идёт не о случайной катастрофе, а о системе расправы с инакомыслящими, ибо трамвай специально был обучен и нацелен на "запах мысли".

Передо мной трамвай. Трамвай-убийца,
суставчатый, запущенный с горы,
науськанный на запах мысли,
он гнался и давил, он из любой дыры
выслеживал, его колеса перегрызли
так много человечины...

(Мориц Юнна. В логове гóлоса: Книга стихотворений. М., 1990. С. 176).

Вынырнув из беспамятства и забвения, с которыми "жить блаженней", поэтесса понимает, какой ужас таится в нашей недавней истории, но не знает, кто преступник и кто должен понести наказание и возмездие, с кого спрос – "с трамвая! с рельсы ржавой? с дуги? руля? рубильника? с колёс, раскрученных великою державой?". Ответ найден, но не приносит облегчения.

Я назвала тебя... И что теперь?
За всех раздавленных –
научно углубиться
в твои колесики, косящие на дверь?..
в колесики твои, трамвай-убийца,
по всем законам неподсудный зверь?

Трагически-неразрешимые вопросы надрывают сердце. Увы, чудовищный механизм массовых казней неподсуден...

Не менее трагичен амбивалентный образ "вагона" у Наума Коржавина ("Вагон", 1989), вбирающий в себя свойства трамвая, поезда и автомобиля ("грохот железный", "пар, и жар, и дым", "моторы перенапряжены", "гремя неустомимо") и ведущий своё происхождение от пушкинской "Телеги жизни", откуда взят эпиграф "А время гонит лошадей". То есть символом нашей жизни выступает движение на любом транспорте – от кареты до ракеты. И езда в них также обобщена: едет не индивидуальный пассажир, а все мы, входя и выходя не на остановках – на ходу и живя в вагоне всю жизнь.

И жили в нём, терпя беду, –
Всю жизнь... Всё ждали... Ждать устали..
И вот выходим на ходу,
Отпев – забыв, чего мы ждали.

(Коржавин Наум. Время дано: Стихи и поэмы. М., 1992. С. 171).

Если трамваи предшественников проносились на земле и в космосе, в "бездне времён" и "бездне пустоты", то коржавинский вагон не в силах вырваться "из пут земного притяженья" и времени, он летит в нашем присутствии, на наших глазах в одном направлении – вниз, в земную бездну. Поэт нагнетает понятия, обозначающие падение: вниз (2 раза), бездна (2 раза), под уклон, пропасть и, наконец, ад,

подчёркивая, что мы осознаём этот путь лишь "на пороге вечной ночи".

Но путь был только под уклон.
И на пороге вечной ночи,
Отпав, мы видим – наш вагон
Не вверх ползёт, а вниз грохочет.

Кошмар не кончается нашей смертью: падение продолжается, а в вагоне находятся наши дети и внуки:

Вразнос, всё дальше, в пропасть, в ад.
Без нас. Но длятся наши муки...
Ведь наши дети в нём сидят
И жмутся к стёклам наши внуки.

Не правда ли, так и хочется крикнуть гумилёвские слова: "Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон"!.. Но некого звать, и никто не поможет...

Так эпоха накладывает отпечаток на трамвайную символику, и меняются лики трамваев: от "заблудившегося" в пространстве и во времени к "вечному", от трамвая из детства к "трамваю-убийце" и вагону, несущемуся в ад. Видоизменяются и аспекты трамвайной темы – интимно-личный, общественно-политический, философский; и жанровые ореолы: элегия, медитация, антиутопия; и тональность – от трагической (Борис Чичибабин. "Уходит в ночь мой траурный трамвай") до насмешливой, чуть ли не юмористической:

В трамвай, что несётся в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями – толкотня,
и места там нет для меня.

В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже и тесно.
Нацелился, было, вскочить...
Да, чёрт с ним, решил пропустить.

(Рязанов Эльдар. Внутренний монолог. М., 1988. С. 18).

Однако в современной поэзии трамваи всё чаще упоминаются и воспринимаются как бытовая деталь минувших и уходящих дней: "Время движется, и трамваи / в одиночестве под Москвой, / будто мамонты, вымирают" (Ярослав Смеляков), "А в Москве – допотопный трамвай, / Где прицепом старинная конка" (Давид Самойлов), "вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно, / но никто не сходит больше у стадиона" (Иосиф Бродский), "как осторожен ход трамваев тяжкий" (Вл. Соколов). И свои символические функции они зачастую передают другим

транспортным средствам – автобусам, поездам, электричкам ("Электричка – символ, знак" Бориса Слуцкого, "На остановке автобусной" Вл. Соколова, "Деревянный вагон" Давида Самойлова, "Курьерский поезд" Глеба Горбовского, "Спряmlённые пути" Дмитрия Бобышева, "Последняя электричка" Андрея Вознесенского, "В предгорьях Альп – автобус, то бишь" Александра Межирова и др.). Значит ли это, что, уходя из жизни, трамваи покидают и поэзию?

Исчерпан ли "миф о трамвае"? Кто знает...

*Цфат
Израиль*

"Красное дыханье, гибкий смех..."

О А. ЛЕКМАНОВ,
кандидат филологических наук

Название заметки – цитата из стихотворения Осипа Мандельштама "Ламарк". Напомним текст этого стихотворения, датированного 7–9 мая 1932 года:

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.

Если всё живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,

Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходям, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в тёмные ножны.

И подъёмный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зелёная могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

Кажется очевидным, что финальная строфа "Ламарка" может восприниматься как обобщённый "портрет" неких представителей человечества, брошенного на произвол судьбы "равнодушной природой". В правомерности такой интерпретации убеждает знакомство с первоначальным вариантом этой строфы:

И подъёмный мост она забыла,
Опоздала опустить на миг.
Позвоночных рвами окружила
И сейчас же отреклась от них.

Возникает, однако, закономерный вопрос: зачем Мандельштаму понадобилось в окончательной редакции заменять внятную строфу "невнятной"? Тем более, что сделано это было, по-видимому, в наборной рукописи шестого, июньского номера "Нового мира" за 1932 год, где "Ламарк" был напечатан. А ведь в советских изданиях 1930-х годов любая "невнятность" была чревата цензурными придирками.

Напрашивается ответ: помимо очевидного стремления улучшить поэтическое качество финальной строфы стихотворения, Мандельштаму хотелось откликнуться на десятилетие со дня смерти Велимира

Хлебникова, пришедшееся на июнь 1932 года. Напомним, что Мандельштам неоднократно отзывался печатно на "круглые" даты. Так, его стихотворение "Домби и сын" (1913), по всей видимости, было написано по следам столетнего юбилея Диккенса, а сонет – "Паденье – неизменный спутник страха..." (1912) был "приурочен" к пятидесятилетию Надсона (подробнее об этом см. в наших работах: Лекманов О.А. Мандельштам "переводчик" Диккенса // Русская речь. 1994. № 1; Лекманов О.А. Язык булыжника (о стихотворении О. Мандельштама "Паденье – неизменный спутник страха...") // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 55. 1996. № 1). Напомним также, что "Литературная газета" в номере от 29 июня 1932 года напечатала статью Н. Асеева и А. Кручёных "Велимир Хлебников (к десятилетию со дня смерти)", а в девятнадцатом номере журнала "Резец" за этот же год была опубликована юбилейная заметка о Хлебникове приятеля Мандельштама Иннокентия Оксёнова.

Оставшиеся сомнения окончательно развеивает следующий фрагмент статьи самого Мандельштама "Литературная Москва" (1922), где речь идёт о смерти Хлебникова и употреблён интересующий нас образ "зелёной могилы" (впервые на параллель между статьёй "Литературная Москва" и финальной строфой "Ламарка" обратил внимание П.М. Нерлер): "В Москве Хлебников, как лесной зверь, мог укрываться от глаз человеческих и незаметно променял жестокие московские ночлеги на *зелёную новгородскую могилу*" (см.: Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 275).

Как соотносится мандельштамовская строка о "зелёной могиле" Хлебникова со следующей, не менее загадочной? Однозначно сказать трудно, отметим только, что образы "гибкого смеха" и "красного дыханья" возникают и в произведениях Хлебникова. Образ *гибкого смеха* находим в прозаическом хлебниковском тексте "Ховун": "И малочей звенел *смехом* и мальни лежали на берегу, и малыши звенели вершинами, и малок вселеннел. Так, звукатая временель (смех. – О.Л.) ясными *струилась завитками* с дедиканова плеча". А образ *красного дыханья* (дыханья огнедышащей горы) обнаруживаем в повести Хлебникова "Ка": "Ка летел в синеве неба как золотистое облако; среди *малиновых* облачных гор, (...) затерянный в стае *красных* журавлей, походившей в этот ранний час утра на *красный* пепел *огнедышащей* горы, *красный*, как и они, и соединённый с *пламенеющей* зарёй *красными* нитями, вихрями и волокнами". Отметим, что Мандельштам высоко ценил прозаические опыты Хлебникова. "Он дал образцы чудесной прозы", – писал Мандельштам в статье "Буря и натиск" (см.: Мандельштам О.Э. Указ. соч. Т. 2. С. 290).

Приведём также отрывок из драмы Хлебникова "Ошибка Смерти", где "дыхание" и "смех" оказываются сопряжёнными, как и в разби-

расмой строке "Ламарка": "Мы летели, мы *дышали* / И на теле эти шали, / Точно птицы, пав на снег, / Подымая нас на *смех*, / Звали, есть обед из нег".

Общая же концепция стихотворения "Ламарк", описывающего "обратный биологический процесс" (Н.Я. Мандельштам), соотносима с концепцией пьесы Хлебникова "Мирскóнца" (упоминаемой в статье Мандельштама "Буря и натиск"), изображающей обратное течение человеческой жизни. Так же, как Мандельштам, Хлебников в своей пьесе подспудно полемизирует с Дарвином (ср. ироническое упоминание в "Мирсконце" его имени, а также следующую реплику героини пьесы Поли: "А, происхождение видов! Добро пожаловать к нам в гости! (...) Не правда ли, что у обезьян в какой-то кости есть изъязн? Мы не ученые, но любит старость начитанных умы").

И в заключение: в портрете Ламарка, набросанном в первой строфе стихотворения, употреблены контрастные эпитеты и сравнения, характерные для мемуарных изображений Хлебникова: "застенчивый, как мальчик", "неуклюжий", "робкий", но и "пламенный". А сравнение Ламарка с фехтовальщиком "за честь природы", возможно, восходит к следующему фрагменту из некролога Владимира Маяковского Хлебникову, под которым, думается, наряду с перечисленными Маяковским поэтами, подписался бы и Мандельштам: "Во имя сохранения правильной литературной перспективы считаю долгом чёрным по белому напечатать от своего имени и, не сомневаюсь, от имени моих друзей, поэтов Асеева, Бурлюка, Кручёных, Каменского, Пастернака, что считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим, *честнейшим рыцарем* в нашей поэтической борьбе" (Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 28).

"Античная" лексика
в поэзии
И. Бродского

Е. В. СЕРГЕЕВА,
кандидат филологических наук

"Для нас античность существует, мы же для неё – нет. Это несколько диковинное положение делает наши суждения об античности до некоторой степени несостоятельными с точки зрения хронологической и, боюсь, генетической, расстояние между нами чересчур огромно, чтобы предположить какую-либо причинно-следственную: мы взираем на античность как бы из ниоткуда. Наша точка зрения подобна взгляду на нас самих с соседней галактики", – писал Иосиф Бродский в статье "Памяти Марка Аврелия" (Иностранная литература. 1995. № 7. С. 254). Однако сам поэт всегда находился если не в, то *вблизи* этой галактики.

Античность для Бродского – то, что, с одной стороны, органически входит в повседневную жизнь, а с другой, – то, что современную повседневность возводит в ранг Истории. Слова, связанные с "античным" в широком смысле, в его поэзии чрезвычайно употребительны: достаточно сказать, что в четырёх томах "Сочинений Иосифа Бродского" (СПб., 1992–1995) их обнаружено свыше 450. Это прежде всего имена собственные, обладающие наиболее яркой отмеченностью (более 330).

К "античной" лексике в статье отнесены имена существительные и некоторые относительные прилагательные. 1. Имена собственные: а) имена греческих и римских богов и героев мифов (Ариадна, Ахиллес, Аполлон, Андромаха, Вакх, Вертумн, Ганимед, Гектор, Дидона, Диоскуры, Ио, Икар, Калхас, Минос, Нерей, Нарцисс, Орфей, Орест, Парка, Персефона, Персей, Пилад, Помона, Рем, Ромул, Тезей, Терпсихора, Улисс, Харон, Эвридика, Янус и др.), которых особенно много в текстах Бродского; б) имена древнегреческих и древнеримских философов, историков, поэтов и учёных (Аристотель, Вергилий, Гомер, Гораций, Катулл, Ксенофонт, Марциал, Назо, Овидий, Проперций, Платон, Светоний, Тацит, Эвклид, Эзон и др.); в) имена императоров и исторических деятелей (Брут, Ганнибал, Катон, Митридат, Пилат, Сулла, Тиберий, Цезарь и др.); г) некоторые античные имена (Дамон, Лесбия, Цинтия, Юлия и др.); д) географические и

архитектурные наименования, реальные и мифические (Акрополь, Атлантида, Геркуланум, Колхида, Коринф, Коцит, Лета, Лабиринт, Олимп, Помпея, Парфенон, Рубикон, Стикс, Эллада и др.). 2. Имена нарицательные: а) названия мифических существ (атлант, кентавр, нимфа, сирена, сатир, тритон); б) наименования реалий, относящихся к времени античности (асфodelи, гетера, гимнасий, когорта, драхма, лира, легионер, сивилла, сестерций, тога, трирема, цезарь, эллин); в) названия некоторых поэтических жанров (эклога, ода, элегия). 3. Относительные прилагательные (античный, аргосский, буколический, эолийский, элизийский).

Имена нарицательные, связанные с темой античности лишь ассоциативно, в контексте (император, наместник, катакомбы, провинция, раб, треножник и т.д.) здесь не рассматриваются.

"Античная" лексика довольно часто входит в заглавие стихотворения или является его частью: "Развивая *Платона*", "Война в убежище *Киприды*", "*Одиссей Телемаку*", "*Дидона и Эней*", "*К Урании*", "*Бюст Тиберия*", "*Кентавры*", "*Вертумн*", "*Дедал в Сицилии*", "*Итака*", "*Тритон*", "*Храм Мельпомены*", "*Из Еврипида*", "*Элегия*", "*Почти элегия*", "*Эклога*" и др. Нередко встречаются латинские названия стихотворений: "*Ex oriente*", "*Ex ponto*", "*Anno Domini*" и др. В основном, слова, содержащие сему "античность", были выделены в текстах, тематика которых с античностью не связана.

Как традиционно-поэтические обозначения поэзии и творчества у Бродского чрезвычайно употребительны *муза* (как собственное и нарицательное существительное) и *лира*: "Вы поёте вдвоём о своём неудачном союзе, / Улыбаясь сейчас широко каждый собственной музе <...> / в тёплой комнате сна в двух углах ваши *лиры* трепещут" (Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1992. Т. I. С. 196; далее – только том и стр.). "Нет, не посетует *Муза*, / если напев заунывный <...> с *лиры* сорвётся нарядной" (I, 253), "И голос *Музы* / звучит как сдержанный, частный голос" (III, 18). Наряду с этим традиционно-поэтическая "античная" лексика нередко заменяет русское название той или иной реалии (Аид, Амур, Бахус, Борей, Клио, Понт, Урания, Филомела, Хронос): "На носу / Ваш праздник, *Эрос*..." (I, 361), "... через *Понт*, / опустевший от судов" (I, 396), "Дуй, дуй, *Борей*" (I, 398), "Теперь и вам продвинуться по службе / мешает *Бахус*..." (I, 431), "И где-то щебетала *Филомела*" (II, 90), "Оттого-то *Урания* старше *Клио*" (III, 64), "И ночной *аквилон* <...> / тербит взбаламученный гарус..." (III, 157), "... так точится идеей места / на *Хронос* зуб" (III, 220).

Часто, особенно в раннем творчестве Иосифа Бродского, "античное" имя используется как предмет сравнения, сближая два плана повествования: "... гони меня, как новый *Ганимед*..." (I, 152), "... я молча любовался, как *Нарцисс*" (I, 168), "... а жизнь твоя, как *Ио*, вдалек"

(I, 178), "... и сжимает в руке виноградную кисть, / точно бог *Дионис*" (I, 214), "... как в ожидании *Леандра Геро...*" (II, 226), "Точно *Тезей* из пещеры *Миноса...*" (II, 293), "... Кончивший дни свои глухо, в опале, / Как *Велизарий* или *Помпей*" (II, 347).

Древнее, античное присутствует в современном, прозаическом: "Это были славные ночи / на Савёловском вокзале, / ночи, / достойные голоса *Гомера*" (I, 34), "... рыбак, страдая комплексом *Нарцисса*, / таращится..." (II, 92), «И если кто-нибудь спросит: "кто ты?" ответь "кто я, / я – никто", как *Улисс* некогда *Полифему*» (III, 169).

Античные имена органически входят в контекст стихотворений, отнюдь не связанных ни с темой древности, ни даже с экспрессией "высокости". Например, в "Стихах на бутылке, подаренной Андрею Сергееву" (где само название ориентирует, скорее, на сниженную стилистическую окраску) используются древнеримские имена: "*Цинтия* смотрит назад, назад / и видит: входит *Проперций* в сад, / в руках у него цветы. / *Проперций* смотрит вперёд. / *Цинтия*, где же ты?" (II, 19).

Иногда употребляемое слово нарочито парадоксально, не соответствует ситуации, как в "тюремных" стихах "Инструкция заключённому" и "24.5.65.КПЗ": "... столь же тщательно выбрать маршрут, / как тропинку в саду *Гесперид*" (I, 318), "Колючей проволоки *лира* / маячит позади сортира. {...} / И часовой на фоне неба / вполне напоминает *Феба*. / Куда забрёл ты, *Аполлон!*" (I, 423).

Бродский сталкивает высокое, мифологическое, героическое с низким, предельно прозаическое: "Никогда до сих пор, полагаю, так / не был заглажен алтарь *Минервы*" (II, 85), "Я занят внутренним совершенством: / полночь – полбанки – *лира*" (II, 32), "... куда сильнее страшится перелёта / наш длинноносый северный *Икар*" (II, 46; речь идёт о вороне. – Е.С.).

Сам же поэт, оставаясь среди "презренной прозы", может существовать в окружении реалий и богов мира античного, как в стихотворении "Я начинаю год...", насыщенном подобной лексикой: "И к небу рвётся новый *Фаэтон* {...} Ах, *Аполлон*, тебе не чужд словарь/*аргосский* {...} так причеши мой пенный след *трезубцем!* / Когда гремит за окнами январь, / мне нужен *буколический* букварь..." (II, 185).

И персонажи античных мифов как бы переносятся в современность: "... и слёзы современного *Орфея*" (I, 138), "А безвестный *Гедест* / глядит, как прошил окрест/снежную гладь канвой/вологодский конвой" (I, 344), "*Сирены* не прячут прекрасных лиц / и громко со скал поют в унисон, / когда весельчак-капитан *Улисс* / чистит на палубе смит-вессон" (I, 362), "Слышишь, опять *Персефоны* голос? / Тонкий в руках её вьётся волос / жизни твоей, рассечённой *Паркой*" (II, 82).

Однако имена античных богов, героев, поэтов могут служить и

своеобразными "историзмами" – знаками, отсылающими в прошлое, воскрешающими Историю: "Неподалёку *Вергилий* жил (...) / то, что вместе мы видим, в три / раза безадресней и синей, / чем то, на что смотрел *Эней*" (III, 227–228), "*Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина* (...) / Вы – источник бессмертья: знавшие вас нагими / сами стали *катуллом*, статуями, *траяном*, / *августом* и другими" (III, 48), "... я счастлив в этой колыбели / *Муз*, *Правы*, *Граций*, / где *Назо* и *Вергилий* пели, / вещал *Горацій*" (III, 25).

Иногда же имя бога, древнегреческого или древнеримского исторического деятеля служит лишь для формальной отсылки в ситуацию "античности", позволяющую размышлять над проблемами современными или вневременными. Это характерно, например, для стихотворения "Бюст *Тиберия*". Слова *когорты*, *тогда*, *цезарь*, имена *Тиберия*, *Светония*, *Тацита* относятся к пространственно-временной сфере древнего Рима (другого времени), которое уже *было*, следовательно, может быть оценено как более или менее объективное. "Ах, *Тиберий*! / Какая разница, что там бубнят / *Светоний* и *Тацит*, ища причины / твоей жестокости! Причин на свете нет, / есть только следствия" (III, 108). Эта сфера противопоставлена и сопоставлена с другой, современной, связанной прежде всего с субъективным сознанием поэта: "В безлюдной галерее. В тусклый полдень (...) / Шум улицы. На качество пространства / никак не реагирующий бюст... / Не может быть, что ты меня не слышишь! / Я тоже опрометью бежал..." (III, 109–110).

Стихотворение "По дороге на *Скирос*" – размышление поэта о себе и о своём времени, а античная лексика, воссоздавая сюжет древнегреческого мифа, служит прежде всего знаком целостной жизненной ситуации: "Я покидаю город, как *Тезей* – / свой *Лабиринт*, оставив *Минотавра* / смердеть, а *Ариадну* – ворковать / в объятьях *Вакха*. / Вот она, победа! / Апофеоз подвижничества!" (II, 48).

Поэт может "надеть" чужую маску, как это происходит в стихотворении "Письма римскому другу", в котором формальные приметы "римского" словоупотребления и, следовательно, времени присутствуют постоянно (подзаголовок "Из *Марциала*", слова *легионер*, *гетера*, *сестерций*, имена *Постум*, *Цезарь*, *Старший Плиний*), дополняясь словами, в семантическую структуру которых входит значение "связанный с античностью" (раб, жрица, Империя). Однако на фоне описания ситуации Римской провинции ярче выступают наблюдения и философские размышления автора, равно относимые ко всем временам и странам: «Сколь же радостней прекрасное вне тела (...) / Сколько раз могли убить! а умер старцем. / Даже здесь не существует, *Постум*, правил (...) "Мы, оглядываясь, видим лишь руины". / Взгляд, конечно, очень варварский, но верный» (II, 284–285).

Таким образом, обращение к античному оказывается во многом приёмом, используемым в философской лирике Бродского.

Параллель "бытовое–античное", следовательно, "сиюминутное–вечное" проходит через многие тексты поэта: "Сумерки. Снег. Тишина. Восьма / тихо. *Аполлон* вернулся на Демос. / Сумерки, снег, наконец, сама / тишина – избавят меня, надеюсь, / от необходимости – прости за дерзость – / объяснять самый факт письма" (II, 21), "Страсть – всегда впереди, / где пространство мельчит. / Сзади прялкой в груди / *Ариадна* стучит" (I, 155), "Твой взор блуждает сумрачен и дик, / доносится до слуха *Эвридик* / возлюбленного пение сквозь ад..." (I, 181), "Поэтому ты уцелел. / Поэтому ты не страдаешь слишком от равнодушия / местных *помон, вертумнов, венер, церер*" (III, 168).

"Античная" лексика может организовывать сюжет всего стихотворения, своеобразно переосмысливая древний миф или создавая на его основе новые пространственно-временные построения. Так, повторяющиеся имена *Гектор, Андромаха, Аякс*, отсылая к эпосу Гомера, являются центральными в тексте "Сонета": "Великий *Гектор* стрелами убит. / Его душа плывёт по тёмным водам, / шуршат кусты и гаснут облака, / вдали невятно плачет *Андромаха*". Поэт создаёт не традиционную эпическую ситуацию, а свою, индивидуально понимаемую психологическую сцену – лишь один эпизод вне времени и пространства: "Теперь печальным вечером *Аякс* / бредёт в ручье прозрачном по колено..." (I, 222).

Имена *Телемак, Одиссей, Посейдон, Паламед*. словосочетание *Троянская война* принципиально важны в стихотворении "Одиссей Телемаку", ибо сам текст – обращение Одиссея к Телемаку, и четырежды повторяющееся имя адресата – ключевое слово в строках: "Мой *Телемак, / Троянская война* / окончена. <...> / Милый *Телемак*, / все острова похожи друг на друга...". Однако сюжет Гомера и здесь переосмыслен, "снижен", и слова, создающие "поэтическое пространство", парадоксально противопоставлены по своей окраске "античной" лексике: "Какой-то грязный остров, / кусты, постройки, хрюканье свиней, / заросший сад, какая-то царица..." (II, 301). Реальное переплетается с мифическим, создавая особый, "третий" мир.

В стихотворении "Дидона и Эней" мифологический эпизод расставания карфагенской царицы и героя внешне соответствует античному сюжету ("Она стояла перед костром..."). Но имена *Дидона и Эней*, слово *Карфаген* в самом тексте лишь обозначают вечную тему ("покинутая женщина"), и "античная" лексика выполняет роль мифологем – знака целого свёрнутого сюжета: "И великий муж покинул *Карфаген*" (II, 163).

Иногда об античном мифе напоминает лишь название стихотво-

рения. Такова "Итака" – текст о возвращении домой, изобилующий бытовой разговорной лексикой (*барбос, хлам, пацан, орут* и т.д.).

Текстуально же близкое воспроизведение античного мифа, переосмысленного литературой, встречается в поэзии Бродского только однажды – в позднем творчестве, переводах из Эврипида («Отрывок из трагедии "Медея"»).

Для Бродского чрезвычайно важна тема империи, не только Римской, но – шире – имперского владычества во все времена. В стихотворении "Anno Domini", в котором римская "провинция справляет Рождество", как это ни парадоксально, непосредственно на "античность" указывает лишь название и имя *Цинтии*, которую вспоминает "писатель". Остальная лексика сопряжена с античностью ассоциативно (Провинция, Метрополия, Наместник, орёл имперский, Император). И хотя формально тема стихотворения – описание римской провинции, на самом деле рамки поэтического повествования намного шире. Поэт пишет о человеке и государстве ("И на стене / орёл имперский, выклевавший печень / Наместника, глядит нетопырем..."; "... для праздника толпе / совсем не обязательна свобода..."), о человеке и его любви и горе ("Если бы любил?"; "... его не хочет видеть Император, / меня – мой сын и *Цинтия*"), о человеке и Вечности ("Все будут одинаковы в гробу. / Так будем хоть при жизни разнолики!"; "Жидкий свет зари, / чуть занимаясь на Востоке мира, / вползает в окна, норовя взглянуть / на то, что совершается внутри..." – II, 65–67).

Подобный же переход от конкретного, античного, римского к обобщённому, вневременному, имперскому мы видим в стихотворении "Post aetatem nostram", в котором, помимо латинского названия, большое количество античной лексики, причём не только имён собственных, но и нарицательных: *Ксенофонт, Диоскуры, Лемнос, Афина и легионеры, драхма, гетера, сатир, нимфа, кифаред, гимнасий, трирема*. Впечатление насыщенности реалиями определённого времени поддерживается повторением слов, в которых "античность" не выражена непосредственно, а проявляется только в конкретном тексте: *раб, империя, император, наместник*. Однако повествование, в котором даётся описание приезда императора в провинцию, осложняется мотивами гнилости, глупости, пошлости и подлости (вне зависимости от времени) всякой Империи, империи вообще, похожести всех империй друг на друга (поэтому в тексте появляются слова, невозможные в изображении римской провинции: *муниципальный, иллюминатор, хромированный* и др.): "Империя – страна для дураков"; "Толпа, / отлившаяся в форму стадиона, / застыв и затаив дыханье, внемлет / той ругани, которой два бойца / друг друга осыпают на арене..."; "Империя похожа на *трирему* / в канале, для *триремы* слишком узком" (II, 245, 248, 251).

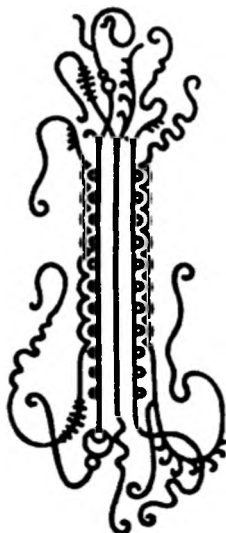
Стихотворение "Развивая Платона" – не описание конкретной страны и города, хотя приметы Петербурга – Ленинграда и СССР присутствуют в тексте. Бродский пытается создать обобщённый образ города, причём эффект обобщённости, вневременности существования всякой Империи, некой вечной застылости (может быть, со времён Рима) достигается с помощью "античной" лексики.

Наличие в сознании поэта трёх империй – двух, сосуществующих во времени, и античной, вклинивающейся в мир этих двух, наглядно демонстрирует стихотворение "Колыбельная трескового мыса". Но империя – не только конкретное государство, для Бродского это понятие надисторическое, и поэтому в изображение современной Америки вдруг вклиниваются слова "*Легионы* спят, прислонясь к *когортам*, / *форумы* – к циркам", рядом с описанием "толчеи тараканов в *амфитеатре* тусклой / цинковой раковины..." возникают "крылатые львы, женогрудые *сфинксы*. Плюс / ангелы в белом и *нимфы* моря", а "*Цезарь* бродит по спящему *форуму*, кличет *Брута*..." (II, 360–362).

Одно из последних стихотворений Бродского, написанное, казалось бы, на чисто "римскую" тему, называется "МСМХСIV": "Глупое время: и нечего, и не у кого украсть. / *Легионеры* с пустыми руками возвращаются из походов. / *Сивиллы* путают прошлое с будущим...". Ассоциация "римское – современное" здесь поддерживается словами "глупое время", которые относятся в равной мере как к прошлому, так и к настоящему, утверждение "когда-нибудь эти годы будут восприниматься как мраморная плита / с сетью прожилков – водопровод, маршруты / сборщика податей, душные катакомбы..." (IV, 38), в котором "античное" не выражено непосредственно, предвещает подобную же участь и году 1994.

Таким образом, "античная" лексика в поэзии Иосифа Бродского не просто очень частотна, она является принципиально важным смыслообразующим и лексически значимым элементом в структуре многих, наиболее интересных стихотворений поэта.

Санкт-Петербург

Последние подмостки И.Ф. Горбунова

Из дневника графа С.Д. Шереметева

*Каково житьё, такова и смерть.
(Русская пословица)*

Записные театралы прошлого столетия, люди крайне привередливые, хорошо знали Ивана Фёдоровича Горбунова (1831–1895), актёра московского Малого, а затем петербургского Александринского театров. Знать-то знали, и отдавали ему должное, и даже подчас аплодировали, но особливо не выделяли, не возводили в ранг кумира партера и райка. Что ж, были в ту пору на русской драматической сцене таланты и покрупнее, блистали и общепризнанные гении подмостков. И вышло, что за сорок сценических лет И.Ф. Горбунов сыграл более пятидесяти ролей, преимущественно комедийных, время от времени отмечаемых благожелательными рецензиями, но ими дело, кажется, и ограничилось. Славу же, причём непреходящую, повсеместную и заслуженную, ему довелось snискать на ином поприще, где артисту не было равных ни тогда, ни много позже.

Это была слава рассказчика. В течение многих лет И.Ф. Горбунов сам сочинял небольшие этюды из жизни различных слоёв русского

общества и с этими "картинками" выступал в театрах, на концертах, в частных домах знати и помещениях всевозможных обществ. Впечатление почти всегда было сильнее, публика плакала и корчилась от смеха, забывала о войнах и реформах, кознях ветхих крепостников и бомбах молодцеватых народовольцев. В числе благодарных поклонников уникального лицедея значились И.А. Гончаров, Д.В. Григорович, Н.А. Некрасов, А.Ф. Писемский, И.С. Тургенев и прочие знаменитости. Ф.М. Достоевский писал, что "в его сценах много чрезвычайно тонких и глубоких наблюдений над русской душой и русским народом". Удостоился он и высочайшего внимания: "картинки" пришлось по вкусу трём последним императорам и августейшему семейству. В общем, неповторимый дар И.Ф. Горбунова признали практически все – от вельмож и рафинированных эстетов до городских простолюдинов и малограмотных крестьян. Россия узнала себя в добродушных насмешках актёра и не воспротивилась шаржу, как некогда воспротивилась гоголевским фантазмагориям, не отторгла его, как отторгала желчь и озлобленность рязанского вице-губернатора М.Е. Щедрина* или весёленькую бездарность нигилистов из "Искры". Русь интуитивно прозрела здесь незлобивую русскую душу, от природы любящую и умеющую, как никакая иная, подтрунивать над отечественными коленами и выкрутасами, иронизировать над грешниками, чудиками и балбесами, но всегда видящую за чахлыми и корявыми деревцами вековой шумящий лес. И действительно: И.Ф. Горбунов поругивал, и порою довольно хлестко, и поделом, *русских*, но и в мыслях у актёра не было облить грязью собственно *русское*, родное. По-видимому, именно тут и сокрыта главная причина возникновения удивительного контрапункта России и И.Ф. Горбунова. Сын вольноотпущенного крестьянина был одним из первых по-настоящему народных артистов необъятной империи.

Однажды судьба свела потомка крепостных с лицом весьма значительным, сановным – с графом Сергием Дмитриевичем Шереметевым (1844–1918), обер-егермейстером и членом Государственного Совета, неутомимым ревнителем русской культуры, председателем Археографической комиссии и иных учёных обществ, меценатом, историком и издателем. Знакомство породило взаимную приязнь, которая вскоре переросла в настоящую мужскую дружбу, крепкую и долгую. В дневниках, которые граф вёл почти всю жизнь, имя актёра

* Ср. с высказыванием о М.Е. Салтыкове-Щедрине В.В. Розанова в "Уединённом" (1912): «Как "матёрый волк" он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу» (Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 101).

упоминается довольно часто и с характеристиками самыми лестными, но, как правило, мимоходом: по-видимому, мудрено было запечатлеть на бумаге образ непревзойдённого рассказчика, воспроизвести интонации и ужимки его героев, саму ауру монологов и неспешных бесед. И всё-таки однажды С.Д. Шереметев попытался изменить сложившейся дневниковой традиции. Повод для этого был чрезвычайный и, увы, горестный: в декабре 1895 года И.Ф. Горбунов после долгой болезни скончался в своей петербургской квартире...

Пословица гласит, что "у смерти на глазах все равны", однако ж есть и другие, утверждающие, будто смерти смерть – рознь. Ведь одно дело – смерть на поле брани, геройская и мгновенная. Иное – беспмятство в преддверии рокового часа. И уж совсем другое и самое трудное – медленное, в полном сознании, угасание, размеренное, как шаги Командора, приближение к некоему порогу. Тут, в домашней постели или на больничной койке, бессильны патриотизм и храбрость воина или гражданина, точнее, их уже недостаточно. Здесь вступает в свои права высшая мудрость, подытоживается *знание*. До сих пор мы содрогаемся от трёхдневного предсмертного крика Ивана Ильича, "который так был ужасен, что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его". Помнится и неряшливая, так и не осознанная в подобающих категориях кончина Степана Трофимовича Верховенского. Зауряден и до нелепости скучен конец чеховского чиновника или господина из Сан-Франциско, героев и антигероев других произведений. Пошлость жизни, оборачивающаяся пошлостью смертного одра – извечная тема русской литературы.

Но памятны и стали преданием и иные уходы. Такие, как смерть Г.Р. Державина, до последних часов что-то диктовавшего своему племяннику. Как кончина императора Николая I, который повелел облачить себя в парадный мундир, и прощаясь с внуком (будущим царём Александром III), твёрдо и властно молвил: "Учись умирать". Или окончание земного пути преподобного Серафима Саровского, обнаруженного мёртвым на коленях перед иконой Божией Матери "Умиление" со сложенными крестом на груди руками. Или смерть физиолога И.П. Павлова, скрупулёзно фиксировавшего стадии собственной агонии. Наконец, уход Пушкина, ставший не только национальной трагедией, но и символом величия русского духа. Тогда, в январе 1837 года, друг поэта сказал: "Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти". То же самое можно повторить и о многих других наших соотечественниках.

"Умение хорошо жить и хорошо умереть – это одна и та же наука", – не без оснований утверждал мудрец Эпикур. Вышеописанные "непостыдные" кончины не похожи одна на другую и вообще неповторимы, но роднит их между собой *отношение* умирающих к смерти.

Отношение, основанное на *вере*, помноженной на цельность натуры и личное мужество. Для них, режиссёров и исполнителей собственных уходов, грядущая смерть была не злодейкой с косою, не леденящим мраком, не распадом на атомы и не антонимом земного существования, а естественным его *продолжением*, переходом в инобытие, который происходит в назначенный час. Так учила их Книга, "коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира", так поучали их святые отцы и многогрешные предки. А коли впереди ждёт неведомое, но продолжение, то обязан ты и смириться у порога, и *продолжить* до последнего вздоха своё дело, не изменить себе, встретить правду смертного часа просветлённым, покаявшимся в дурном и оставшимся *прежним* в хорошем, и сделать так потому, что предстоящий переход есть и конец, и единовременное *начало*. Они нераздельны – как музыка, которую тоже нельзя "разъять", их музыка. Смерть для этих людей была актом сугубо творческим, *созидательным*, и иной эсхатологии просто не существовало.

Таким же цельным и готовым к смерти человеком был, как выясняется из дневниковой записи графа С.Д. Шереметева, и Иван Фёдорович Горбунов. Жил он хоть и на виду, не походил на отшельника или пуританина, знал толк в еде, напитках и гульбе, но всё равно – как-то тихо, скромно, не умел наживать врагов, зато умел любить ближних и дальних. И угасал он тоже тихо, источая остатки добра и ласки, истинно по-христиански. Однако был он в уходящей жизни артистом, "великим талантом" – вот и покинул сей мир как артист, успев выйти на мгновение на свои *последние подмостки*.

Вот как, судя по дневнику, выглядела прощальная мизансцена. Петербург, канун Рождества. Тихая и почти наверняка полутёмная комната. В комнате кровать, на ней – старик, отдалённо похожий на знаменитого актёра. Худой донельзя, измождённый, придавленный смертной скукой, всё понимающий и уже попрощавшийся с жизнью. Но не запаниковавший и не озлобившийся на *остающихся*, а, напротив, любящий их напоследок ещё сильнее. В тишине звучит внятный голос Горбунова: "Господи сохрани!". Опускается занавес.

Но это ещё не развязка, не финал – впереди второе действие. После антракта вдруг происходит неожиданное: сцена-комната заливается ярким светом, время бежит вспять, унося в далёкую область видений. И как будто исчезает на миг смертное ложе, нет и в помине недавнего "скелета" – перед зрителем стоит прежний Горбунов, здоровый, жизнерадостный, "единственный". И несётся в зал, и отдаётся эхом под сводами что-то очень знакомое, где-то слышанное: "Бабыё одолело". А там, в зале, вздрагивают бриллиантовые дамы в первых рядах, и сконфуженно прыскают их почтенные спутники, и хохочет власть

студенческая галёрка. И чудится шёпот публики: "Жив, жив курилка!". И она, публика, права: ведь так и рокотал недавно на российских театрах Горбунов, перевоплощаясь в своих героев, умученных женской сварливостью, капризами, опекой, добродетелью, убогостью мысли и чувства. Эта реплика – не крик души конкретной жертвы женского тоталитаризма, но явленный в слове собирательный *образ образов*, контаминация некогда написанного и сыгранного. "Бабыё одолело" – из лексикона управляющего Никиты Николаева (сцена "Визит") и купца Даниила Григорьевича Балясникова ("Самодур"), под этими словами мигом подписались бы и учитель математики из рассказа "Елизавета Петровна", и крестьянин Силантий Сергеевич из рассказа "На рыбной ловле", и, разумеется, купец Иван Петрович Вихров ("Сцены из купеческого быта"), которому досталось от прекрасного пола так, что бедняга запил аж на четыре года, и прочие горбуновские персонажи. Они и мелькнули на сцене, на последних подмостках актёра...

А потом волшебное мимолётное преображение уступило место действительности. Вновь полутьма и кровать, а на кровати высохший, так и не одолевший пневмонии старик, теперь уже с подвязанной головой. "Где стол был яств, там гроб стоит". Тишина воистину мёртвая. И тяжёлый занавес опустился бесшумно и окончательно.

Только вот привычных оваций на сей раз уже не было.

М.Д. Филин ©

Из дневника графа С.Д. Шереметева

24 декабря (1895). Узнал по приезде домой, что Горбунов при смерти. Поехал к нему в 3 часа. Выбегает навстречу дочь Татьяна И(вановна): "Папа только что скончался!" Я прошёл в комнату, где он лежал – голова подвязана, исхудалый как скелет. Поцеловал его в голову, которая была ещё тепла. Поклонился. В нём теряю сочувствующего и сочувственного человека, с которым связано немало добрых воспоминаний¹. Горбунов "единственный" – не было такого до него и после не будет. Его изречения останутся, как изречения Крылова². Мир его доброй и чуткой душе! Россия его не забудет.

Пришли две других дочери... Дочь Софья Ив(ановна) говорила, что накануне вечером он был особенно тих и ласков – призвал их к себе,

притянул к плечу и два раза внятно произнёс: "Господи сохрани!"... Угас без страдания! Когда я к нему заходил и говорил: "До свиданья", он выразительно всякий раз отвечал: "Прощайте!" Когда жена³ к нему заезжала на днях, он только сказал: "Бабыё одолело". В посл(едний) раз я спросил у него: "Скучно, Иван Фёдорович?" Он только рукой махнул.

Будут его помнить и поминать. Великий талант. С ним опять порывается целое прошлое...⁴

Комментарии

Публикуется по автографу, хранящемуся в РГАДА (ф. 1287, оп. 1, ед. хр. 5041, лл. 156–157).

1. Позднее граф С.Д. Шереметев опубликовал свои "Воспоминания об И.Ф. Горбунове". См. в кн.: Горбунов И.Ф. Сочинения. Т. 3. Ч. 1/4. СПб., 1907. С. 277–288. То же: отд. отт. СПб., 1907.

2. Крылов Иван Андреевич (1769, по др. сведениям 1766 или 1768–1844) – знаменитый баснописец, драматург и журналист.

3. Речь идёт о жене графа, Екатерине Павловне Шереметевой (урождённой Вяземской), внучке П.А. Вяземского и троюродной сестре М.Ю. Лермонтова.

4. В ту пору графу С.Д. Шереметеву исполнился 51 год. Он писал в дневнике, что наступило время "трудов и дней", сопровождавшихся всё более частыми утратами. Незадолго перед тем случилось горестное и невозможное: в 1894 году внезапно скончался император Александр III, близкий друг графа. По мнению С.Д. Шереметева, кончина императора нарушила связь времён в империи, многое хорошее и нужное для России осталось в "прошлом", столь любезном для стареющего автора дневника, который с трудом воспринимал новых людей и современные нравы. Актёр И.Ф. Горбунов был для него также одним из символов ушедшего благословенного времени.

*Государственный чиновник
и
письменное делопроизводство*

Эр. ХАН-ПИРА,
кандидат филологических наук

Мне приходилось встречать в работах историков архивного дела странное сочетание слов: *письменное делопроизводство*. Я спрашивал некоторых из них: "А какое еще может быть делопроизводство? Какое могло быть делопроизводство без письменных документов сто и более лет назад?" Они соглашались, что другого и быть не могло. Наверное, это словосочетание они вычитали из сочинений архивистов прошлого. Но почему те так писали? Разгадку, кажется, предлагает "Словарь русского языка XVIII века". Вот какими значениями обладало слово *делопроизводство* тогда: "1. Совершение какого-либо дела, деяние, действие. *Решился (он) первый в России завести фабрику флеровую...* Двадцать лет, не жалея труда своего и иждивения своего, упражнялся он... в сем делопроизводстве... *Х и м и ч е с к о е делопроизводство.* Посредством химического смешения, растопления, пережигания, растворения, закисания и других химических делопроизводств... 2. *Канц.* Начало всякого делопроизводства челобитная. Радищев".

Видимо, второе значение – результат сужения первого. И чтобы в тексте четко отличать делопроизводство во втором значении, авторы прошлого писали *канцелярское делопроизводство, письменное делопроизводство*.

Давно уже первое значение этого слова – семантический архаизм, а потому *письменное делопроизводство* превратилось в плеоназм (под последним разумною ошибочное соединение в речи слов, лексическое значение одного из которых входит в состав лексического значения другого). Уже в XIX веке использование слова в этом значении было, полагаю, данью традиции и инерции. Однако сегодня, в эпоху компьютеризации, когда ЭВМ вторгаются в делопроизводство, может возник-

нуть (если еще не возник) термин *компьютерное делопроизводство* (машинное делопроизводство) и возможна реанимация, второе рождение термина *письменное делопроизводство*, который сегодня уже не будет плеоназмом, а будет названием традиционной формы делопроизводства. Таким образом, словосочетание *письменное делопроизводство* (став плеонастичным из-за действия внутриязыковых процессов, приведших к архаизации, к переходу в пассивный семантический запас первого значения слова *делопроизводство*) в итоге действия внеязыковых факторов может вернуться в активный запас лексики. При этом в смысловом составе слова *делопроизводство* произойдет (произошла?) утрата семы "письменные документы", место которой займет (заняла?) сема "документы". Стало быть, опять расширится значение слова *делопроизводство*, но не до прежнего объема, присущего ему в XVIII веке. Судьба значения слова *делопроизводство* и словосочетания *письменное делопроизводство* вызывает в памяти то, что Гегель называл отрицанием отрицания.

Если бы еще в начале XX века кто-нибудь написал или сказал *государственный чиновник*, современники были бы немало удивлены. Они приняли бы это словосочетание за ошибку, плеоназм. Ведь что в то время и за сто лет до него значило слово *чиновник*? В.И. Даль пояснял: "служащий государю и жалованный чином, обер- или штаб-офицер, или генерал, хотя высшие чиновники более зовутся сановниками". Избыточность (плеонастичность) словосочетания *государственный чиновник* в то время возникла бы из-за присутствия в лексическом значении слова *чиновник* семы "государственный".

В "Толковом словаре русского языка" под ред. Д.Н. Ушакова *чиновник* толкуется так: "1. Государственный служащий (дореволюц., загр.), 2. *перен.* Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор.), 3. Архиерейский служебник, книга, по которой служит архиерей (церк.)". В третьем значении это скорее омоним к слову *чиновник* в первых двух значениях.

Мне представляется, что, толкуя первое значение, словарь ошибочно опустил сему "чин". То же проделал с первым значением и "Словарь русского языка" (в четырех томах, далее МАС): "государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах". Точнее "Словарь современного русского литературного языка": "человек, состоящий в каком-нибудь чине на государственной службе (в дореволюционной России и за границей)". И "Толковый словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: "в России до 1917 г. и в некоторых странах за рубежом: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание".

Все четыре словаря отмечают переносное значение у слова *чинов-*

ник. Точнее всех его толкует МАС: "Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле". Сема "должностное лицо" не упоминается в толкованиях переносного значения этого слова в остальных словарях, там ее заменяет сема "человек". Но рабочего, актера, учителя, колхозника, "выполняющих свою работу формально", "без интереса, равнодушно", вряд ли называли чиновниками в переносном значении: ведь это были не должностные лица, т.е. не обладали административно-распорядительными функциями. А само переносное значение, по-видимому, появилось после 1917 г., когда перестало употребляться это слово в его прямом значении применительно к нашей послереволюционной действительности.

Интересен вопрос о возникновении второго значения у этого слова. Сужение или расширение значения? Метафора? Скорее она, перенос названия по сходству: качества худшей части чиновничества, обнаруживаемые у должностных лиц нового времени.

Чиновник в переносном смысле – слово стилистически маркированное (отмеченное): эмоционально окрашенное, а потому не употреблявшееся и не употребляемое в научных и официально-деловых текстах. Я помню недоумение внимательных читателей "Правды", когда в самом начале 50-х годов там появилось официальное сообщение о том, что из-за халатности "чиновников МИД" "агент американской разведки" Анна Луиза Стронг проследовала через территорию СССР в КНР. Было неясно, в каком из двух значений употребили это слово. Если в первом, тогда это сигнал к возврату называния чиновниками государственных служащих, имеющих служебные звания (мидовцы их имели). Если во втором, тогда это присутствие в официальном тексте эмоционально-экспрессивной оценки служебных качеств сотрудников (кстати, американская журналистка была лично знакома с Мао Цзедунем и не раз посещала Китай).

С недавнего времени у слова *чиновник* появилось новое значение: "человек, занимающий невыборный административно-распорядительный пост, назначенный на этот пост". Ни один словарь этого значения не отмечает. Произошло расширение значения: исчезла сема "государственная служба", а сему "чин" заменила сема "должностное лицо".

В двадцатые–тридцатые годы говорили *аппаратчики*, *партаппаратчики*. Теперь говорят *государственные чиновники*, *профсоюзные чиновники*, *партийные чиновники*. Б.Н. Ельцин заметил о дискуссии с Геннадием Зюгановым: "Мне не о чем с ним дискутировать... Я хорошо знаю всех этих бывших и нынешних партийных чиновников..." (Известия. 1996. 29 июня). Татьяна Худобина в телепрограмме "Вести" (1996. 12 июля) сказала, что "партийные чиновники приватизировали свои прекрасные квартиры". Михаил Любимов спрашивает: "Может ли

государственный чиновник или выборное лицо ехать по приглашению некоего концерна в Ниццу?" (Московские новости. 1995. № 22). В "Политологическом словаре" (Ч. 1. М., 1994. С. 116) читаем: "Растущие экономические и финансовые возможности дельцов подпольного и легального бизнеса приводят к возрастанию масштабов подкупа государственных чиновников". Фазиль Искандер в "Известиях" (1995. 30 дек.) сказал: "Я бы выпустил такой первый указ: снизить всем государственным чиновникам зарплату ровно настолько, чтобы никакие шахтеры, никакие учителя не бастовали". В книге "Политология: энциклопедический словарь" (М., 1993. С. 113) находим: "Люди, группы, классы, общество в целом рассматриваются как пассивные объекты деятельности идеолога и государственного чиновника". Однако в статье "Чиновник" этот словарь так толкует заглавное слово: "государственный служащий". Но при таком понимании плеонастично словосочетание *государственный чиновник*, употребленное в уже цитированном месте из другой статьи этого же словаря. И лишается смысла словосочетание *партийный чиновник*. Или же получает не тот смысл, который в него вкладывают: ведь, употребляя это словосочетание, не имеют в виду государственного служащего, состоящего в партии...

Интересно, что чиновник (в новом значении) используется в нашей печати и в материалах о других государствах: «...один факт японских рядовых налогоплательщиков потряс – оказалось, что в целом по стране местные бюрократы тратят на ублажение "центральных" государственных чиновников колоссальную сумму...» (Известия. 1995. 5 окт.); "В последние недели китайская пресса принялась бичевать морально разложившийся элемент среди чиновников партгосаппарата" (Известия. 1995. 26 сент.); "Ким Чен Ир ...возлагает ответственность за тяжелое положение с продовольствием на правительственных и партийных чиновников" (Известия. 1997. 21 марта).

Слово *чиновник* в новом значении стилистически нейтрально. Административно-правовым термином оно не стало, как не стало пока и слово *губернатор*, которым в неофициальных текстах именуют главу областной (краевой) администрации.

Таким образом, в результате расширения значения слова *чиновник* появилась возможность его сочетания со словами *государственный*, *партийный*, *профсоюзный*.

Иногда можно прочесть или услышать, как президента называют чиновником, государственным чиновником. Это вряд ли правомерно. Должность президента выборная, он сам – выборное должностное лицо. А государственный чиновник – это невыборное (назначенное) должностное лицо на государственной службе.

Ставшее устойчивым словосочетание *государственный чиновник* в

сегодняшнем языке (в синхронии) – мнимый плеоназм. Но употреблять это сочетание применительно к дореволюционному времени ни в коем случае не следует: оно антиисторично, это будет речевым анахронизмом, т.е. "употреблением слова или выражения, не соответствующего лексическим, фразеологическим и т.п. нормам данной эпохи" (О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966). Вот пример такого анахронизма. Автор пишет о царской России: "...упрощенная структура управления, минимальное число госчиновников, институт судов присяжных, гарантированная свобода передвижения граждан, отсутствие унизительного правила прописки..." (Кентавр. 1995. № 4. С. 23). Все правильно, кроме *госчиновников*.

Пришлось столкнуться с двумя соображениями, касающимися словосочетания *государственный чиновник*. Во-первых, полагают, что оно употребляется только газетами определенного направления. Во-вторых, считают, что оно не стало достоянием языка.

Что до первого соображения, то оно легко опровергается фактами повседневной разноканальной радиотелевизионной речи, а также присутствием этого словосочетания в газетах разной ориентации. Второе соображение, лишаящее словосочетание статуса языкового факта, не принимает в расчет воспроизведение этого словосочетания на протяжении уже более трех лет разными авторами в разных изданиях, не говоря уже о постоянном употреблении его в ежедневной радиотелевизионной речи. Само словосочетание явилось мотивирующей основой для слова *госчиновник*, что тоже свидетельствует о языковом статусе словосочетания.

Чиновник в новом значении входит на правах родового названия (гиперонима) в лексико-семантическую группу, состоящую из следующих видовых названий (гипонимов): *государственный чиновник*, *госчиновник*, *партийный чиновник*, *профсоюзный чиновник*.

Итак, *государственный чиновник* – мнимый плеоназм в сегодняшнем языке. А вот порой встречающееся в печатной и радиотелевизионной речи *народный фольклор* – чистой воды плеоназм: сема "народный" находилась и находится в лексическом значении слова *фольклор*. И, конечно, столь же стерильно чистый плеоназм представляют собой пресловутые *незаконные бандформирования*, замелькавшие в текстах наших СМИ с 1994 года. А кто видел законные? Бандитизм – уголовно наказуемое деяние, т.е. преследуемое законом. Как же могут формирования бандитов, т.е. людей, занимающихся бандитизмом, быть законными? Но пишут и говорят: "...с незаконными бандформированиями уже вполне могут справиться части 58-й армии и внутренних войск МВД" (Известия. 1996. 26 июня). Не исключено, что *незаконные бандформирования* – плод контаминации сочетания *незаконные вооруженные формирования* и слова

бандформирования. Это возможное объяснение, но никак не реабилитация плеоназма.

Защитники тоталитарного режима так позволяли себе выражаться: "...это уже не просто обывательское злопыхательство, а самая настоящая преднамеренная клевета на Советское государство, нашу экономическую политику..."; "...это еще и преднамеренная клевета..."; "Повесть Г. Владимова (речь идет о произведении "Генерал и его армия". – Э.Х.) – вполне осознанная, заведомая клевета..." (С чужого голоса. М., 1985. С. 83, 86, 95). Вот так говорящий своим голосом автор понимал клевету, не ведая, что сема "преднамеренная, осознанная, заведомая" уже находится в лексическом значении этого слова рядом с семами "ложь" и "порочащая кого-нибудь или что-нибудь".

Народный фольклор, незаконные бандформирования, заведомая клевета и в прошлом и в настоящем остаются плеоназмами, как и засоряющие речь журналистов *совместная встреча, совместное соглашение, совместный союз, совместное сотрудничество, взаимное сотрудничество*. Один лишь пример из этого скорбного ряда: "Вук (Драшкович. – Э.Х.)... добился... подписания совместного договора между СДО, Демократической партией и Гражданским союзом..." (Известия. 1997. 25 марта).

Напоследок остановлюсь на всем известных и нередко признаваемых плеонастичными сочетаниях: *в мае (январе и т.д.) месяце, сто (тысяча и т.д.) рублей денег, пять человек солдат (учителей, учеников и т.д.), семь часов времени*. Авторы популярных советов о правильной речи призывают не употреблять в этих сочетаниях слова *месяц, денег, человек, времени*. К.И. Чуковский находил эти сочетания возникшими из-за стремления к ладу в речи и не призывал к устранению из них названных слов. Возможно, дело не в ладе. Возможно, "лишние слова" в сочетаниях этого типа сперва появились в письменной официальной речи. Но как бы там ни было, эти сочетания присутствуют в языке. По-моему, они находятся на границе литературного языка и просторечия. И есть на них, кажется, налет архаичности, устарелости.

Господа – граждане – товарищи – господа

М.В. КОЛТУНОВА

"Новое – это хорошо забытое старое", – уместно вспомнить известную пословицу. Действительно, эпохи социальных сдвигов прежде всего отражаются на лексике этикетной, социально осмысленной, а после 1917 года еще и идеологизированной. *Господа – граждане – товарищи – господа* – таков круг, по которому движется в XX веке общественное сознание, отбрасывая одну устаревшую формулу обращения и заменяя ее другою.

Слово *господин* имеет определенное, исторически сложившееся лексическое значение. С XI века оно употреблялось как обращение к "главе семьи", "хозяину", "владыке", указывало оно также на принадлежность к княжескому роду, входя в состав титула, нередко являясь его заменителем. Парное обращение *госпожа* имело значение – "супруга", "хозяйка".

Постепенно значение "владыка", "повелитель" заменялось адресацией к определенному социальному статусу. Этим словом начали обращаться ко всем податным сословиям, т.е. к людям, имевшим собственные предприятия, земли, недвижимость и т.п. Это происходит с середины XIX века, а к концу XIX – началу XX века обращение это все шире используется как официальное при адресации к нетитулованным особам, включая широкие слои чиновников и даже ремесленников. Причем, форма единственного числа не применялась самостоятельно, но только с фамилией, званием или должностью: *господин поручик, господин Онучкин, господин губернатор*. Требование это сохраняется и сегодня: *господин мэр, господин председатель, господин Явлинский*. Форма множественного числа *господа, дамы и господа* использовалась при обращении к публике в торжественных и официальных случаях (званый обед, концерт, собрание, прием, заседание правительственного или законодательного органа). Иногда обращение *господа* сочеталось с индексным обращением при условии однородности аудитории: *господа студенты, господа банкиры*.

Сегодня это обращение чаще звучит в публицистической речи, причем язык средств массовой информации часто переосмысливает его тематическое наполнение, придавая слову ироническое звучание

(*господа коммунисты, господа безработные*). Политические обзоры, теледебаты, короткие газетные заметки и передовицы просто немислимы сегодня без использования слов *господин – господа* как индекса вежливости при пофамильном обращении или назывании.

В публицистической диалогической речи обращение это перестает содержать элемент социальной адресации. Так сегодня принято обращаться к деятелям культуры, к бизнесменам, к политическим деятелям, к должностным лицам и народным избранникам, к ученым и юристам. Сфера использования обращения *господа – господин* расширяется при явной тенденции к десемантизации слова.

В деловой речи слово *господа*, чаще *господин*, сведенное до "г.", по нашим наблюдениям, более характерно для письменной речи. Оно входит в состав адресаций, обращений и самоименований, являясь не переменным атрибутом оформления деловой корреспонденции. В устной же диалогической речи обращение это звучит значительно реже (в ситуации официального, протокольного общения, при знакомстве, общении с малознакомым человеком). Постоянные деловые, партнерские отношения предполагают выбор традиционного в деловой сфере обращения по имени и отчеству, реже – только по имени, как это принято между знакомыми людьми.

Форма множественного числа используется намного чаще при обращении к аудитории, но иногда перебивается уходящим обращением *товарищи*. Парная формула *дамы, господа* нами не зафиксирована.

Таким образом, форма множественного числа (*господа*) включает в лексическое значение компонент "группа людей мужского или женского пола". Это происходит, вероятно, по аналогии с обращением *товарищи*, не дифференцировавшим признак пола адресатов речи.

При очевидных отступлениях от традиции использования обращения *господин – господа* (нестрогость употребления, изменение семантики и даже десемантизация в связи с трансформацией социального статуса адресатов, с переносным, ироническим звучанием слова) сохраняется общая тенденция применения этого обращения в официальной и торжественной обстановке. Здесь при упоминании о конкретном лице, его должности официальность и вежливость соединяются.

Традиции русского речевого этикета возрождаются сегодня на новом витке, в новых социальных условиях, при новом раскладе политических сил. Однако употребление старого (нового) официального обращения становится все более системным и массовым, что доказывает возможность возвращения утраченных этикетных форм.

Голый и нагой

И.А. ШИРШОВ,

доктор филологических наук

Слова *голый* и *нагой* возникли в общеславянскую эпоху и существуют в русском языке сотни лет. На первый взгляд, эти слова – синонимы-дублеты, с тождественным лексическим значением и способностью взаимозаменяться в пределах одного контекста. В Малом академическом словаре *голый* толкуется как "не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; нагой", а *нагой* – "не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; голый". В соответствии с этим в контексте *голый (нагой) человек* данные слова предстают как абсолютные синонимы, а замена одного на другое вроде ничего не меняет в высказывании. А тем не менее проблема их разграничения в современном языке стоит остро.

В языке четко обозначена тенденция к выпадению одного из синонимов, полностью совпадающего с другим в своем значении. Так, древнерусское *яти*, дублет слова *брати*, выпало из языка, а производное от него *взять* стало выражать значение совершенного вида в паре *братъ – взять*. В языке, следовательно, сохраняется не тождественное, а различное. В таком случае один из синонимов – *голый* или *нагой* – должен или устаревать, или обнаруживать тенденцию к

выпадению из языка. Но этого не происходит, а поэтому возникает вопрос, правильно ли считать рассматриваемые синонимы дублетами.

На различии настаивают писатели: "На картине изображена обнаженная женщина, одевающая девочку возле бани. Обнаженная, а не голая. Может быть, в обиходе разница между этими словами не улавливается. Но на обнаженных смотрят восхищаясь. А на голых поглядывают, пуская слюну" (Лиходеев. Клешня). Голая женщина, следовательно, воспринимается как предмет вожделения, а нагая – как предмет восхищения.

Оба слова в современном языке относятся к многозначным, поэтому интересно: свойственна ли синонимия всем лексико-семантическим вариантам или только некоторым? В значении "данный сам по себе, без пояснений, обоснований" (*голые факты, голые цифры, голая идея*) слово *голый* не имеет синонимов. В слове *нагой*, сочетающемся с существительным, обозначающим результат интеллектуальной деятельности человека (*нагая истина*), реализовано значение "явный", не замаскированный", не тождественное предшествующему.

В значении "в чистом виде, без всякой примеси, добавлений" (*голый спирт, голая вода "незаваренный кипяток"*) слово *голый* не вступает в синонимические отношения. Сюда же примыкает сочетание *голое администрирование* (без иных форм управления). В сочетаниях *спать на голом полу, голый матрас, голые стены, голый провод* реализовано значение "ничем не покрытый", которое отсутствует у слова *нагой*.

В значении "вынутый из ножен, готовый к применению" (*голая сабля, голая шпага, голая шашка*), слово *голый* синонимично слову *нагой* (*нагая сабля, нагая шпага, нагая шашка*). Но данная синонимия не актуальна для современного языка, так как слово *нагой* в указанном значении употреблялось в XIX в.

Широкую сочетаемость имеют оба слова, выступая в значении "лишенный растительного покрова (волос, шерсти, перьев, листьев, кустарника, деревьев): *голая и нагая акация, голая и нагая ветка, голое и нагое дерево, голый и нагой холм, голая и нагая степь, голый и нагой утес, голая и нагая вершина, голая и нагая скала*. Во всех приведенных сочетаниях слова *голый* и *нагой* имеют тождественное значение, одинаково характеризуя одни и те же предметы, и вроде бы взаимозаменяемы в пределах одного и того же контекста. Но на самом деле это не так. В результате длительного употребления они оказались разведенными по разным функциональным стилям: слово *голый* употребляется в нейтральном стиле, а слово *нагой* с дополнительным значением приподнятости закреплено в поэтическом языке: "Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей"; "Сквозь вершины Осин, берез и лип нагих Сияет луч светил ночных"

(Пушкин). В этом значении слова *голый* и *нагой* предстают не синонимами-дублетами, а стилистическими синонимами, разведенными в своем употреблении.

Кроме того, слово *голый* сочетается с более широким кругом названий предметов, не вступая при этом в синонимические отношения со словом *нагой*. Так, о птенцах принято говорить *голые птенцы* (не оперившиеся), но не *нагие*; о черепе – *голый череп* (у лысого человека), но не *нагой*: здесь старое этимологическое значение дожило до наших дней; в сочетаниях *голый подбородок*, *голое лицо* дошла до нас оценка насильственно искоренявшегося Петром I русского обычая носить бороду. В этом случае слово также не имеет синонима.

Оба слова своими значениями обращены и к социальной характеристике человека, отмечая его бедность, нищету: "Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего" (Пушкин); "Только наг я и бос. / Меня голод томит, / Да трескучий мороз / Мое сердце знобит" (И. Суриков). И в этом значении слова *голый* и *нагой* предстают как стилистические синонимы, так как слово *нагой* функционирует в языке поэзии.

И, наконец, слова *голый* и *нагой* выступают в основном своем значении в современном русском языке, передавая состояние неодетости, неприкрытости одеждой. Тождественны ли значения этих слов? Определить их семантическое наполнение можно с разных точек зрения. Бросается в глаза различие в сочетаемости этих слов. Так, слово *голый* сочетается как со словом *человек*, так и с названиями частей тела человека: *голый человек*, *голая шея*, *голая рука*, *голая грудь*, *голый живот*, *голые ноги*, *голые пятки*. Слово же *нагой* характеризует в основном человека, а не части его тела. Данное различие существенно, но не снимает всех вопросов, относящихся к семантическому наполнению этих слов, так как именно в отношении к человеку возникают трудности: что перед нами – синонимы-дублеты или они различаются оттенками значений?

Для уяснения значения анализируемых слов при их сочетании со словом *человек* важен критерий "позиция наблюдателя": определяется ли отсутствие одежды на ком-либо со стороны, т.е. другим субъектом, или носитель признака и оценивающее лицо совпадают. Есть основания считать, что состояние неодетости, передаваемое словом *нагой*, представлено со стороны, в восприятии другого субъекта: "Они шли дорогой, вдоль реки, берег которой был сплошь усыпан нагими, загорелыми телами" (Панферов); "Я видел деву на картине, / – Совсем нага она была" (Добролюбов).

Слово *голый*, наоборот, употребляется тогда, когда носитель признака и говорящий совпадают: "Я голый стоял перед комиссией, со следами ран на ногах и спине" (Каверин). На основании этого признака

значение слова *нагой* следует определить как "представший чьему-либо взору без одежды", а значение слова *голый* – как "не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой". Эти слова содержат как общие, совпадающие компоненты, так и различающиеся, т.е. являются синонимами идеографическими.

Следует заметить, что признак неодетости, заключенный в слове *голый*, также может восприниматься со стороны: "И мужик окно захлопнул, гостя голого узнав" (Пушкин. Утопленник); "Из озорства он раздевался донага и бегал по полю голый" (Чехов). И хотя употребление анализируемого слова в приведенных контекстах необычно, все же оно возможно, а это значит, что одного признака "позиция наблюдателя" недостаточно для разграничения семантики слов *голый* и *нагой*.

Специфика этих слов может быть определена с использованием признака нормы. Этот признак находит отражение в языке потому, что он свойствен русскому национальному сознанию. В соответствии с ним крестьяне считали, что нормой является тело, покрытое одеждой. Замужняя женщина не могла появиться на людях простоволосая, а мужчина – без головного убора. Всякая неприкрытость тела оценивалась как недостаток, как нарушение норм поведения. Признак, заключенный в слове *голый*, понимался как не достигающий нормы, а следовательно, отрицательно оцениваемый, что отчетливо проявляется в словообразовательных связях.

Так, на базе основного значения слова *голый* "не прикрытый одеждой" возникли слова *гололицый*, *голодраный*, *голоногий*, *голопузый*, *голопятый*, *голоусый*, *голошей*, *голоштаный*, *голозадый*. Все эти сложные слова отрицательную коннотацию получили по наследству, она предстает как составляющая семантической структуры слова *голый*. Содержится этот оттенок в слове *голый* и в значении "неимущий, бедный", а также в его производных: *голытьба*, *голытепа*, *голь*, *голяк* и др.

Слово *нагой*, наоборот, не содержит отрицательной коннотации: "И девочка в речке играет нагая / И смотрит на небо, смеясь и мигая" (Заболоцкий); "Она была одета в меховую кухлянку, а ребенок был совсем наг" (Конецкий). В обоих контекстах отражено значение "представший взору без одежды", не осложненное негативной оценкой.

В существительном *нагота* со значением "состояние по прилагательному *нагой*" также нет отрицательной коннотации: *стыдиться своей наготы*, *прикрыть свою наготу*. В описанных ситуациях субъект как носитель признака стремится, чтобы его нагота не была предметом наблюдения со стороны или испытывает чувство стыда, когда этого избежать не удастся. Совестьливость как элемент национальной культуры здесь предстает в своем первоначальном виде.

Следует заметить, что в словообразовательном гнезде с вершиной *голый* отсутствует существительное с отвлеченным значением: в представлении русского человека нагота может быть только явлением естественным, а состояние неприкрытости одеждой воспринималось как нарушение нормы и потому не фиксировалось языком.

Отражается различие между словами *голый* и *нагой* и в глаголах. Так, в слове *обнажить* реализовано значение "сделать нагим, лишить одежды", причем это действие воспринимается как насильственное, представляющее постороннему взору: "Схватили под руку жену с ее сестрой, / И обнажили их, и вниз пихнули с криком" (Пушкин). Действие осуществляется субъектом добровольно, когда оно связано с отпиранием культовых обрядов: "Мужик вошел в избу, обнажил голову и перекрестился перед иконой". Обнажить голову в церкви. Обнажить голову перед покойником. Для общения с Богом используется глагол *обнажить* (а не *оголить*), так как в нем не содержится отрицательной коннотации. Примечательно само по себе, что производное слово *нагой* не сочетается с названиями частей человеческого тела, а в производном от него *обнажить* этот запрет снимается: "Женщины в одеждах, обнажавших и шеи и руки, кружились в объятиях мужчин в ярких мундирах" (Л. Толстой).

Понятие нормы – явление исторически изменчивое. Изменилась она прежде всего у дворян, приобщавшихся к западной культуре. Так, бал с его атрибутами одежды, обнажавшей женское тело, потребовал иных языковых форм обозначения неодетости, появились сочетания *обнажить шею, обнажить плечи, обнажить руки, обнажить грудь*. Производные от *нагой* вторгаются в поле функционирования слова *голый*.

Слово *оголеть* в значении "стать голым" соотносится только с этимологическим значением слова *голый* "плешивый": "Парень еще молодой, а уже оголел".

Значение слова *оголить* – "сделать голым". Данное действие может производить сам субъект: "Каких-то три наших солдата, оголив себя и наскоро перекрестившись, с разбегу кинулись в воду" (Шишков). Но результат этого действия может предстать постороннему взору: "Подол гимнастерки у Дятлова был скомкан и нижняя часть живота оголена" (Бубеннов). Здесь, таким образом, поле функционирования слова *голый* вторгается на территорию слова *нагой*, происходит процесс взаимопроникновения.

Представляют интерес подвергшиеся адъективации бывшие причастия *обнаженный* и *оголенный*. Оба эти слова прошли одинаковый словообразовательный путь и вследствие этого сохранили синонимические отношения, как и исходные слова *нагой* и *голый*. Но вступили ли они в синонимические отношения с исходными словами,

действительно ли в современном русском языке мы имеем дело с четырехчленным синонимическим рядом, описанным в "Словаре синонимов русского языка" (см.: Т. I., 1970. С. 244)? В этом словаре в один синонимический ряд с доминантой *голый* включено не только слово *нагой*, но и восходящие к ним *оголенный* и *обнаженный*, причем слово *обнаженный* подано с пометой "более характерно для литературной, книжной речи", а слово *оголенный* – с пометой "употр. преимущ. в тех случаях, когда речь идет о частях человеческого тела".

Слова *обнаженный* и *оголенный* отстоят от исходных слов на три деривационных шага, ср.: *нагой* – *обнажить* – *обнаженный* (прич.) – *обнаженный* (прил.); *голый* – *оголить* – *оголенный* (прич.) – *оголенный* (прил.). Маловероятно, чтобы слово, отстоящее от исходного слова на три деривационных шага, не только не обросло значениями, но, наоборот, утерять их и по своему семантическому наполнению сравнялось с исходным словом. В таком случае следует регистрировать пустую работу языка, если словообразование не сопровождается формальным и смысловым усложнением на каждой ступени.

Анализ данных прилагательных показывает, что это не так: "В обнаженных плечах и руках Кити чувствовала холодную мраморность, чувство, которое она особенно любила" (Л. Толстой). Во-первых, слово *обнаженный* сочетается с названиями частей человеческого тела. Во-вторых, эта сочетаемость унаследована от глагола, а следовательно, глагольные признаки не исчезли. Значение слова *обнаженный* "такой, который обнажили", а слова *оголенный* – "такой, который оголили". Иначе говоря, в их семантике представлены процессуальный и залоговые признаки, запрещающие ставить знак равенства между словами *нагой* и *обнаженный*, *голый* и *оголенный*.

Между словами *оголенный* и *обнаженный* меньше различия, чем между словами *голый* и *нагой*. Источник сужения различий – расширение сочетаемостной базы глагола *обнажить* по сравнению со словом *нагой*, в результате слова *обнаженный* и *оголенный* могут выступать в одинаковом окружении, ср. *обнаженные* и *оголенные* плечи, *обнаженная* и *оголенная* грудь, *обнаженные* и *оголенные* руки, *обнаженный* и *оголенный* человек. Но это совсем не значит, что их лексические значения нивелированы.

Так, в байке – Отец Онуфрий обнаружил на озере оголенную Ольгу – слово *оголенная* имеет значение "такая, которую оголили или которая оголилась". В сочетании *обнаженный натуращик* реализовано значение "незадолго перед тем обнажившийся". В контексте *На картине изображена обнаженная женщина* слово *обнаженная* имеет значение "написанная с обнажившей себя натурщицы, представшая нашему взору без какой-либо одежды".

Суммируя сделанные наблюдения, различия между *голый* и *нагой* можно сформулировать так: 1. В языке нет четырехчленного синонимического ряда, а есть два двучленных: *голый* и *нагой*, *оголенный* и *обнаженный*. 2. В значении неприкрытости одеждой слова *голый* и *нагой*, *оголенный* и *обнаженный* являются идеографическими синонимами. 3. В значениях "лишенный растительного покрова", "вынутый из ножен", "бедный, нищий" слова *голый* и *нагой* входят в разряд стилистических синонимов. 4. В отдельных производных значениях (*голые стены*, *голый спирт*, *голые птенцы*, *голые факты*, *нагая истина*) эти слова вообще не вступают в синонимические отношения.

Эта тонкая градация, где семантические, стилистические и словообразовательные различия перекликаются друг с другом, с нашей точки зрения, должна настроить говорящего по-русски на более внимательное отношение к употреблению *голый* и *нагой* в своей речи.

Язык прессы

"Имеют место быть... персоналии"

Л. Н. ДРОВНИКОВА,
кандидат филологических наук

Центральные газеты время от времени обращаются к важным вопросам языковой культуры. Именно об этом – "Точка зрения" Юрия Вронского в "Литературной газете" (1996. 6 ноября), после прочтения которой родились настоящие заметки.

В современном русском языке есть устойчивое выражение *иметь место* в значении "быть, совершаться". Словари сопровождают его пометой "книжн.": Факт имеет место – факт есть, существует. Событие имело место – событие было, произошло. Помета "книжн." предупреждает, что выражение используется в письменной, деловой, официальной речи и что употребление его в других стилях неуместно.

Примеры современного употребления: "Позволю себе начать с краткого эпизода, имевшего место вот только что – 24 октября сего года" (Сергей Аверинцев. Лит. газета. 1996. 27 ноября); "Уже давно в вооруженных силах имеет место проблема, о которой не говорят и не пишут нигде" (Известия. 1996. 28 ноября). В современном русском языке есть также выражение, представляющее собой сочетание спрягаемой формы глагола *иметь* с неопределенной формой глагола, например: *имеет быть, имеет произойти* – со значением будущего времени – "будет, произойдет".

Словари современного языка приводят такие выражения (*иметь* в сочетании с неопределенной формой глагола обозначает будущее время, в соответствии со значением глагола в неопределенной форме) с пометой "устар.". Действительно, современный русский язык не знает живой формы будущего времени *имею писать*, а в древнерусском языке такая форма была: *иму писати*. Украинский язык и теперь содержит этот вспомогательный глагол в форме будущего времени: *писатиму* – напишу, *писатимешь* – напишешь.

В современном употреблении формы будущего времени такого типа

встречаются: "Открытие (совещания редакторов) имело произойти в большом зале Дома литераторов" (Михаил Веллер. Ножик Сережи Довлатова) – здесь, безусловно, проскальзывает некоторая ироничность; «...на которых (маневрах) известными заранее путями "противники" согласно вели дело к известному концу, имеющему быть не позже известного часа, обеденного по преимуществу» (К. Белов. Палач // Лит. газета. 1996. 8 июля).

В последние годы в речевом обиходе появилось уродливое образование *имеет место быть*, представляющее контаминацию (объединение) двух нормативных, правильных выражений: *имеет место* и *имеет быть*. Употребляется выражение *имеет место быть* в значении "есть, имеется", то есть оно заменило существующее *имеет место*. Более широкой, чем у нормативного, является и сфера использования: новое выражение не прикреплено к определенному функциональному стилю, а употребляется везде.

"Эпидемия" охватила пишущее и "вещающее" общество "снизу доверху": от местных газет и дикторов, журналистов местных радио и ТВ – до журналистов центральных радио и ТВ и ведущих популярных развлекательных передач. Не устояли перед "инфекцией" и деятели науки и культуры, писатели и переводчики, а также центральные газеты.

Приведем примеры: "И спрос на него (товар) имел место быть" (Владивосток. ТВ. 9.07.94. "Местное время". Журналист); "...которые имели место быть в крае" (Владивосток. Радио. 26.07.96. Анонс передачи "Популярное время". Ведущий); "...которые имели место быть" (Владивосток. Радио. 3.08.96. "Грани". Начальник краевого управления культуры); "...ее признаки имеют место быть" (Москва. Радио России. 18.07.92. "Здоровье". Ведущий); "А теперь о том, что имело место быть" (Москва. Радио России. 3.08.92. Информационная программа. Ведущий); "Имела место быть и победить Октябрьская революция" (Радио России. 10.02.93. "Российский ежедневник". Ведущий); "...и то, что этот кинофестиваль имеет место быть" (канал ТВ. 15.06.93. "Навстречу Московскому кинофестивалю". Кинокритик); "И большинство дуэлей имели место быть в Париже" (I канал ТВ. 2.05.94. КВН. Ведущий).

Ограничимся этими примерами, хотя количество аналогичных на порядок больше, и обратим внимание журналистов на то, что значения книжных выражений *иметь место* и *имеет быть* (*имеет произойти*) показывают толковые словари: Ожегов С.И. Словарь русского языка (любое издание); Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Поэтому пишущим и публично говорящим можно дать совет: читайте словари!

* * *

Таким же "модным", как и выражение *имеет место быть*, стало у газетчиков и слово *персоналии* (форма единственного числа *персоналия* не встречается) в значении "известный человек, лицо, значительное лицо, представитель чего-либо, политический деятель": "Как вы думаете, существующие структуры власти и персоналии во власти способны решить (чеченский вопрос)?" (ОРТ. 16.01.96. "Час пик". Ведущий); "Вернемся, однако, к спискам. Кто там по персоналиям?" (Известия. 1996. 26 июня).

Однокоренные слова в русском языке известны и широко употребительны: *персона*, *персонаж*, *персонал*. Слова *персонаж* (действующее лицо в произведении) и *персонал* (личный состав или работники предприятия, объединенные в группы по профессии или другим признакам) в текстах, приведенных выше, употреблены быть не могут, так как не имеют значения "человек, лицо, значительное лицо". Во всех случаях могло быть употреблено слово *персона* – "личность, особа, человек с крупным общественным положением", отмеченное в словарях как книжное, торжественное. Однако слово *персона* употребляется и как ироническое, что тоже отмечено словарями и что известно носителю языка: *Явиться собственной персоной, Ишь, какая персона!*

Эта экспрессивная окрашенность не позволяет использовать слово *персона* в приведенных и подобных им текстах: она могла бы придать высказыванию нежелательный иронический оттенок.

Так появляется слово *персоналии*: ясно, что люди, но не персона, не персонаж, не персонал. Примеры – отовсюду: из речи политических деятелей, журналистов и ведущих передач, а также из центральных газет: "Другой вопрос, какие персоналии могут быть введены в правительство" (Москва. Радио России. 23.01.94. "Начало". Политолог); "В этом правительстве больше персоналий (знающих экономику и способных вывести страну из кризиса)" (Радио России. 22.01.94. Информационная программа. Депутат); "Посмотрите на эти персоналии (показывает фотографию)" (ОРТ. ТВ. 4.11.95. "Бомонд". Ведущий); "У нас с вами сегодня не только лидеры, персоналии, но и политические партии" (РТР. 5.12.95. "Подробности". Ведущий); "(Примаков) касается и скандальных персоналий в современной разведке" (ОРТ. 20.12.95. "Студия Гран-При". Журналист "Комсомольской правды"); "Эти должности, эти персоналии с определенными фамилиями" (РТР. 20.06.96. Пресс-конференция А. Лебеда); "Вряд ли премьер-министр прибегнет к смене персоналий в правительстве" (Радио России. 15.07.96. "Соседи". Журналист).

Можно было бы подумать, что, за неимением подходящего слова, на

основе известных и придумано слово *персоналии*. Однако дело обстоит совсем не так. Слово есть: *персоналия*, множ. *персоналии* (от лат. *personalis* – личный) – "биографическая статья научного или научно-популярного справочного издания". Короче, *персоналия* – словарная статья о человеке, лице, персоне. Слова этого в толковых словарях русского языка нет. Но оно есть в "Современном словаре иностранных слов" (М.: Русский язык, 1992). Известно слово и библиотекарям: в каталогах есть раздел "Персоналия", "Персоналии". Применительно же к современному словоупотреблению мы наблюдаем явные семантические трансформации: название книжного раздела стало именем нарицательным для человека. Остается только ответить на вопрос: насколько они целесообразны.

Владивосток

*Язык прессы***Загадочный "синописис"**

*Н.В. МУРАВЬЕВА,
кандидат филологических наук*

Однажды в одном популярном издании появилась такая фраза: "Синописис таков: шестнадцатилетний Майкл, наследник капитана Немо, похищен жадным и злобным капитаном Винтерфельдом". Немногие из нас могут с уверенностью сказать, что такое "синописис" – слово это устаревшее, оно относится к языковым единицам, которые по тем или иным причинам были вытеснены из активного употребления. И нетрудно догадаться, зачем журналисту потребовалось такое "туманное" слово: именно оно "расцветило" фразу, сделало ее оригинальной, необычной. В этом не было бы никакой беды, если бы журналист знал, что "синописис" – это "свободное, суммарное изложение различных взглядов по какому-н. вопросу". И смысл этот никак не согласуется с общим смыслом фразы, в которой нужен был не "синописис", а "суть" или, может быть, "завязка", "сюжет". Но газета – авторитет для многих читателей, и те из них, кто встретил загадочный "синописис" впервые, так и не узнают, что же на самом деле значит это устаревшее слово.

За последние десять лет снова начинают активно использоваться многие устаревшие слова. Вообще в языке нет жесткой границы между тем, что было раньше, и тем, что есть сегодня; некоторые слова – как хорошие друзья: они уходят, но потом все равно возвращаются. "Возвращенные" слова при вдумчивом их использовании становятся источником выразительности в речи, особенно в СМИ. Чаще всего мы это делаем тогда, когда хотим выразить мысль каким-то необычным способом – устаревшие слова помогают говорить образно. "Толмач" – так назывался материал о бывшем пресс-секретаре президента Сергея Медведева: «Если быть до конца справедливым, "толмачами" на Руси вообще-то называли переводчиков. Но по сути работа пресс-секретаря во многом и состоит из того, чтобы "переводить" официальные события на доступный всем язык. Сергей Медведев был "устаами" президента России последние полтора года» (МК. 1996. 29 ноября).

Здесь необычное, "новое" слово – лишь хорошо забытое старое. Но это старое надо хорошо понимать. А вот это в современных газетах и журналах, на радио и телевидении бывает далеко не всегда. Самое трудное, когда мы используем устаревшее слово, состоит в том, что мы

не всегда точно представляем себе его смысл или эмоциональную окраску. Журналисты часто вообще не знают значения старых слов и приспособливают их к своему пониманию. Получается, что слово называет не тот предмет, о котором говорится в тексте: "Создание в стране мощной сети оптово-розничной торговли, параллельное строительство филиалов (мясокомбинат на Валдае, мощное мясоперерабатывающее предприятие под Каширой), приобретение родственных заводов-банкротов – это одна ипостась" (Труд. 1996. 21 сентября). Слово "ипостась" имеет два значения: 1) церковный термин для обозначения одного из лиц христианской Троицы; 2) то, что близко, тесно примыкает к кому-, чему-л. другому. Но журналист имеет в виду нечто иное – направление в работе комбината. К тому же и ситуация, описанная в тексте, не соответствует повышенной стилистической тональности слова "ипостась". Ср. стилистически грамотное использование этого слова: "Созданье, Сила и Основа Три ипостаси одного" (К. Бальмонт).

Или: "Возникло уголовное дело, на которое главный его фигурант ответил угрозой баллотироваться на пост губернатора" (МН. 1996. № 3); "Сообщение, что объект вернулся в Москву, руповцы получили от достаточно надежного информатора. Тот подчеркивал, что пребывание фигуранта в столице будет кратковременным" (Я – телохранитель. 1997. № 12). Слово "фигурант" – устаревшее, оно имеет такие значения: 1) танцовщик в групповых балетных выступлениях; 2) то же, что и статист. Между тем используется журналистами как синоним слова "фигура", "лицо", "человек". Значение слова расширяется, оттенки его смысла утрачиваются – так создается благоприятная ситуация для появления речевого штампа. Еще один такой же пример. «Третья часть юбилейной программы состоится уже осенью – в планах турне по столицам бывших союзных республик. И если получится, как задумывалось, завершится все выступлениями в спорткомплексе "Олимпийский". Этот вояж считаю своего рода проверкой на зрелость и прочность» (Тверская, 13. 1997. № 15). Но *вояж* – это "путешествие, поездка", и даже если иронический смысл, связанный с этим словом до недавнего времени, сегодня несколько ослабел, "поездка" не может стать "проверкой на зрелость и прочность".

Иногда мы видим неудачное сочетание устаревшего слова с окружающими словами (по смыслу или по стилистической окраске): "Принято считать, что удачу в рыночной экономике может снискать лишь тот, кто молод, пообучался в Гарварде, обзавелся поддержкой у политиков, кого не тянут на дно вериги проклятого административно-командного опыта" ("Известия". 1996, 11 июля). *Вериги* в образном смысле это нечто, что опутывает вас, не позволяет двигаться, изменяться (в прямом смысле *вериги* – "железные цепи, оковы, которые носили на

теле религиозные фанатики с целью самоистязания"), а тянет на дно скорее *камень*. А вот примеры стилистического несоответствия устаревшего слова и контекста: "Поэтому скорее всего решение о квотировании экспорта, которое, по некоторой информации, принималось в президентских структурах, можно смело назвать очередной викторией аграриев" (Сегодня. 1996. 13 апреля). Общая стилистическая тональность этой фразы – деловая, и слово *виктория* с его повышенной, торжественной стилистической окраской здесь неуместно. Так же неуместно оно и в устной деловой речи: "Подписание указа № 341 я могу смело назвать нашей общей викторией. Хочу поблагодарить весь юридический департамент" (Из деловой беседы).

Особенно осторожно журналистам надо относиться к церковной лексике. До недавнего времени ее использовали, в основном, образно, в переносном значении. Однако сегодня, когда церковная лексика активно употребляется в прямом смысле, ощущается стилистическая неловкость таких предложений: "В принципе, как не скрывает обидчивый губернатор, любое критическое замечание о его епархии, будь то комитет по охране природы или сельхозуправление, порочит его личную честь и личное же достоинство, ибо он за все в ответе" (Известия. 1996. 11 июля); "Его подчиненные, занимающиеся развлекательным телевидением, искренне надеются, что Николай Карлович не будет их сильно беспокоить. Все же его епархия – это политическое ТВ" (МК. 1997. 11 февраля).

Нередко журналисты неправильно выбирают грамматическую форму устаревшего слова или зависимых от него слов: "В нынешней России, памятуя прошлое, зная настоящее и, возможно, предвидя будущее, колдуны и маги, за редким исключением, о политике говорят неохотно и предпочитают имен не называть" (Россия. 1996. № 4). *Памятуя* – о ком–чем, а не кого–что. Ср.: *помня* кого–что и о ком–чем. "Если согласиться с мыслью, что культура гибнет, то гвоздь в гроб оный точно вобьет родной МИД" (МК. 1997. 8 апреля); слово *оный* относится к слову "культура", так как иначе нет ни одного слова, к которому оно могло бы быть отнесено (какой гроб? – об этом ничего не говорится), значит, это устаревшее слово должно иметь форму "оная", а в родительном падеже "оной".

Итак, раз уж вы решили, открывайте бабушкин сундук, используйте устаревшие слова, но только к месту и ко времени.

ОРАТОРАМ

Так называется глава в книге **С.М. Волконского** "Выразительное слово" (СПб., 1913). Это одна из книг, написанных замечательным деятелем русской культуры кн. С.М. Волконским в его доэмигрантский период. Читателям "Русской речи" С.М. Волконский знаком по публикации его статьи "О русском языке" (Русская речь. 1992. № 2), там же представлена краткая биографическая справка.

Книга "Выразительное слово" имеет подзаголовок: "Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене". С.М. Волконский посвятил ее "молодежи, стремящейся на русскую драматическую сцену", однако круг читателей может быть значительно шире. Книга включает описание "техники речи", указания, как нужно тренировать голос, держать логическую и психологическую паузу, работать над жестом и мимикой, "воспитать" художественный темперамент так, чтобы произносимый текст стал настоящим искусством.

Публикуемая глава "Ораторам", несомненно, будет полезной и для тех, кто изучает риторiku.

"Знание и интуиция, закон и вдохновение, подчинение и свобода" – вот те сочетания, для которых, по мысли С.М. Волконского, была написана его книга.

Если читаете без кафедры, с эстрады, никогда не расхаживайте в д о л ь ramпы; никогда не поворачивайтесь в профиль к слушателям. Не переминайтесь с ноги на ногу – это дает впечатление слабости.

Когда идете вправо, начинайте с правой ноги, чтобы не было, будто вы заносите ногу за ногу.

Никогда не начинайте идти сразу и не останавливайтесь сразу – всегда понемногу: движение оратора на эстраде должно быть "тушевано".

Останавливайтесь в том самом положении, в котором хотите остаться; этим избегнете тех маленьких шажков, которые дают впечатление беспокойства.

Никогда не отрывайте глаз от аудитории, чтобы посмотреть, куда вам ступить.

Быстрая перемена в направлении походки допустима лишь при перемене направления мысли, когда именно на это желательно обратить внимание слушателей.

Когда изображаете диалог, вообразите себе посредине эстрады полосу – из глубины к ramпе. Начинайте говорить от одного лица и, когда речь этого лица будет близиться к концу, переходите через полосу; перейдя, остановитесь и начинайте речь другого изображаемого лица, повернувшись в сторону первого, и т.д. Главное, помните: всегда лучше кончать речь, пока еще движетесь, а начинать двигаться, когда уже говорите. Очень скверно поступают те чтецы, которые, стоя на одном месте, говорят в две стороны, от двух разных лиц. Это дает впечатление одного человека, разговаривающего с двумя, а не двух, разговаривающих между собой. Нет, надо переменить место и говорить в ту сторону, где стоял, – к бывшему своему "я".

Всегда смотрите на слушателей.

Никогда не кладите руки в карманы, разве кого-нибудь изображаете.

Когда делаете жест указующий, смотрите в сторону руки; когда делаете жест патетический, всегда смотрите на публику.

Помните: жест должен остановиться, прекратиться на ударяемом слого того слова, на котором логическое ударение.

Не придавайте силы словам кивком головы – ослабляет вашу убедительность.

Никогда не стойте: обе ноги на одной линии, всегда – одна впереди,

другая сзади. Носки всегда в разные стороны. Много было шуток и издевательств по поводу моей (?) терминологии; но как же вы назовете ту ногу, которая впереди, иначе, как "передняя", как назовете ту, которая сзади, иначе, как "задняя"? И вот, помните: характер вашей речи меняется от того, стоите ли на передней или на задней ноге. Никогда не стойте так, чтобы давать впечатление слабых колен. Когда становитесь в пол-оборота или подходите к какому-нибудь предмету, пусть "передняя" нога будет та, которая от зрителей дальше.

Никогда не меняйте положение во время паузы – всегда во время речи.

Если читаете по рукописи, пусть рукопись ваша будет в порядке, разложена по страницам; пусть она будет написана только на одной стороне листа и на отдельных листах, которые будете по мере чтения передвигать справа налево, чтобы не отвлекало назойливое переворачивание страниц. Знать свой текст надо наизусть или почти, чтобы рукопись только служила напоминанием, а чтобы механика чтения не отвлекала внимания слушателя от процесса речи.

Не облакачивайтесь на кафедру.

Если вы нервны – стойте смирно, никто не заметит.

Не играйте цепочкой, не тербите пуговицу, не мните платок. Пусть платок остается в кармане, а если вам нужно высморкаться или обтереться, делайте это, пока говорите, не останавливайтесь: если вы молчите и сморкаетесь, публика смотрит, как вы сморкаетесь; если вы говорите и сморкаетесь, публика слушает, что вы говорите.

Библейские фразеологизмы *

Опыт словаря

Л.М. ГРАНОВСКАЯ,
доктор филологических наук

Глас вопиющего в пустыне

Употребляется в значении: "напрасный призыв к кому-либо, голос, остающийся без внимания и ответа", "которого не слышно"; "о каком-либо призыве, воззвании, остающемся без ответа".

Из книги пророка Исайи: "Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему" (40,3).

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1998. № 1.

Считается, что это выражение встречается у многих восточных правителей, которые высылали вперед своих подданных расчистить дорогу.

Глас вопиющего в пустыне – выражение, цитируемое в Евангелии от Матфея – Иоанном Крестителем «Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: "глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему"» (3,3).

По мнению некоторых исследователей, это выражение может быть понято следующим образом: 1) Бог Израилев грядущий избавит народ иудейский от вавилонского плена и выведет его через скитания в пустыне в землю обетованную; 2) Христос, сын Божий, избавит человечество от власти греха.

Под пустыней разумелись души людей, глас вопиющего должен поднять павших духом и ослабевших в вере, смирить гордых и надменных.

Это одно из широкоупотребительных выражений в русском литературном языке: «И вот приходится самому среди пустыни нашего "сорокалетнего" странствования поднимать "глас вопиющего" о давно пропущенном великой русской наукой (она велика, как все русское велико!) сроке усвоения и переработки плодов библейской критики» (Карташев А.И. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947); «В то время... их [диссидентов] голос был "гласом вопиющего в пустыне" – таковы специфика и акустика сплошного "заговора молчания" – был слышен везде» (Берг Мих. Комплекс Ксантippy // Лит. газета. 1995. № 33); "Ваши старания излишни, дорогая Финик, – говорю ей я, – вы останетесь гласом вопиющего в пустыне" (Ширяев Б. Ди-пи в Италии. Буэнос-Айрес, 1952).

Иов многострадальный

Имя *Иов* упоминается в Библии в нескольких местах (Иезекииль. 14,14; 20; Послание Иакова. 5, 11 и др.).

Говорится о человеке, испытывавшем много бедствий, но перенесшем их без ропота. О его страданиях рассказывается в "Книге Иова": имя Иова было потеряно, сыновья умерли: "Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! ...И не произнес ничего неразумного о Боге" (1, 21–22). Вторым испытанием Иова была проказа: «И сказал Иов: "Опротивела душе моей жизнь моя; предамся печали моей; буду говорить в горести души моей"» (10,4). Смирясь, Иов признает, что человек "пресыщен печальями". Но Господь дал ему вдвое больше того, что он имел прежде (42,10). "И было у него семь сыновей и три дочери" (42,13). И жил Иов 140 лет "и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода" (42, 16).

Отцы церкви (Иоанн Златоуст, Григорий Нисский и др.) неоднократно высказывали удивление по поводу многотерпения Иова и его

мудрости. Православная церковь празднует 6 мая (ст. стиля) память "праведного многострадального Иова".

До сих пор является спорным вопрос о том, кто написал Книгу Иова. Ориген, св. Иероним, Мефодий, Ефрем Сирийский приписывали ее Моисею или его современникам, св. Григорий относил ее к эпохе Судей, Григорий Богослов считал ее сочинением Соломона, Иоанн Златоуст говорил: "Кто написал книгу Иова, не знаю".

Возможно, что в основу Книги Иова положена "Вавилонская песнь страждущего праведника", найденная в 1894 году в архиве бога Самаса в Сиппаре или другое древнейшее сказание о некоем страдальце, которого Бог подвергает испытаниям, а затем посылает ему награду. Язык книги полон ярких образов-сравнений, метафор, например, *лучи-ресницы зари; море уподобляется ребенку, закутанному в пелену из тумана*.

Образ *Иова многострадального* – одна из трагических и многоплощаемых в литературе тем, например, у М.В. Ломоносова "Ода на Иова", К. Фофанова "Скорбь Иова", Д.Н. Мережковского "Иов", Георгия Раевского "Тот, у кого не отняли стада" и др. По мнению исследователей, упреки и проклятия несчастного Иова слышатся в романе Андрея Платонова "Чевенгур". Они передаются через слова-аллюзии.

Нередко это выражение встречается и у современников, например: "...едва проспишься, откроешь глаза, сразу мысли: "Боже! Ну зачем я проснулся? Неужели опять все сначала?!" Бедный, бедный, бедный Иов" (Казаков Мих. Третий звонок // Знамя. 1996. № 6).

Ноев ковчег

Употребляется в значении "средство спасения". Михельсон отмечал еще одно значение, сложившееся в русском литературном языке XIX века: "помещение, населенное всяким сбродом без разбора".

В Книге Бытия говорится, что "земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями" (6,11). Бог замыслил уничтожить род человеческий, затопив землю, а Ной велел сделать ковчег и поместить в него жену, сыновей и невесток, а также всех животных, птиц и пресмыкающихся по паре. "И сделал Ной все; как повелел ему Бог, так он и сделал" (6, 22). Так был спасен Ной и продолжен род человеческий.

Во время строительства ковчега могла продолжаться устная проповедь Ноем современникам о покаянии; но и самое возведение ковчега, происходившее на виду у всех и с известной всем целью, могло служить лучшей проповедью и даже заменять словесную. Терпение и мужество, с какими Ной переносил в это время оскорбления от нечестивых и

боролся с трудностями самого дела, свидетельствуют о крепкой вере Ноя в Бога.

В трактате Ибн Араби "Гемма мудрости безличной в слове Ноевом" говорится, что Ной просил Бога даровать своему народу благо-приобретение к высшей, божественной сущности. "Кто хочет узнать тайны Ноевы, должен взойти на Ноев Ковчег" (Историко-философский ежегодник. М., 1988).

Ной обращался к народу, призывая его открыто и в уединении просить прощения у Господа, который "готов прощать". "Я призывал народ мой ночь и день; но призывание мое только увеличило их отступление от праведного"; "Они пальцами затыкали себе уши и закрывались одеждами" (Коран. 71, 5, 6. Пер. Г. Саблукова).

Верую Ной осудил весь мир, "и сделался наследником праведности по вере" (Послание к Евреям. 11, 7).

По мнению некоторых исследователей, повествование о Ноевом ковчеге – «миф, относящийся к эзотеризму. Постройка ковчега знаменует "школу", подготовку людей к посвящению для перехода к новой жизни, к новому рождению: "Ноев ковчег", спасшийся от потопа, – это внутренний круг человечества» (Успенский П.Д. Новые модели вселенной. СПб., 1993).

По образу и подобию

Употребляется для обозначения чрезвычайного сходства. В Книге Бытия говорится: "И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его" (1, 26–27). Очевидно, в этом обозначении нашло свое отражение антропоморфическое представление о божестве, отделившем человека от животного мира и всей живой природы и сблизившем его с Богом. Адам, созданный из земли, глинистой почвы (*эдом* – красноватый, цвет крови, внутренних органов), носит на себе печать духовного, небесного, неземного и подобен тому, кто создал земной шар. Подобие человека Всевышнему определено тем, что Бог наделил его способностью созидать.

Приведем рассуждение знаменитого философа XII века Моисея Маймонида: "Речь идет о душе, сущности, духовном обличье, а не о телесной природе, ибо Бог бестелесен. Бог создал человека и, создав, благословил его, наделив разумом. Высший идеал – это царство разума. По мнению апостола Павла, христианин и есть тот самый человек, который создан Богом в праведности и святой истине, хотя со временем эта нравственная чистота "помрачилась". Люди думали, что в

еврейском языке образ означает внешний вид и очертания вещи. Это предположение повело их к чистой доктрине телесности Бога на основании Его речения: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему" (Бытие, 1, 26). Ибо они полагали, что Бог обладает формой человека, то есть его обликом и очертаниями" (Рамбам [Маймонид]. Избранное. Иерусалим, 1990. Т. 2).

Анализируя значения слов *образ, подобие, облик, очертание предметов*, Маймонид приходит к выводу, что эти слова никогда не применялись к Богу в их конкретном значении. Речь идет о душе, сущности, духовном облике.

Отцы церкви подчеркивали, что человек вылеплен самим Богом, Его руками, а не только создан Его Словом. Образ Божий запечатлен в разумной и способной к добродетели душе человека. «Дыхание Самого Бога превращает эту глину в "душу живую"» (Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991). «Нетварная благодать включена в самый творческий акт, и душа получает жизнь и благодать одновременно, ибо благодать – это дыхание Божие, "Божественная струя", животворящее присутствие Духа Святого... Бог сотворил человека животным, получившим повеление стать Богом, – вот строгое слово Василия Великого, на которое ссылается Григорий Богослов» (там же).

Известный русский эмигрантский критик Георгий Владимирович Адамович писал: «"Человек создан по образу и подобию Божию". Кому принадлежат эти слова? Имени мы не знаем. Но это, конечно, одна из глубочайших мыслей, которые когда-либо были высказаны, одна из самых благородных и важных, одна из тех, от которых нельзя отречься, пока не стали мы для самих себя предателями» (Адамович Г.В. Невозможность поэзии // Лит. учеба. 1991. № 1).

"Я создан по образу и подобию моего Творца. Образ, по которому я создан, то есть прообраз, – Богочеловек, что сказал еще апостол Павел" (Друскин Я. Видение невидения // Зазеркалье. Альманах II. СПб., 1995).

Неужели (едā) и Саул в пророцех?

Это выражение употребляется при удивлении по поводу неожиданного изменения в поведении или высказываниях.

В Первой Книге Царств пророк Самуил, встретив Саула, искавшего ослиц, помазал его на царство и предсказал, что тот обретет дар пророчества. «Как скоро Саул обратился, чтоб идти от Самуила, Бог дал ему иное сердце, и сбылись все те знамения в тот же день. Когда пришли они к холму, вот встречается им сонм пророков, и сошел на него Дух Божий, и он пророчествовал среди их. Все, знавшие его вчера

и третьего дня, увидев, что он с пророками пророчествует, говорили в народе друг другу: что это случилось с сыном Кисовым? неужели и Саул во пророках? И отвечал один из бывших там, и сказал: а у тех кто отец? Посему вошло в пословицу: "неужели и Саул во пророках?"» (10, 9–12).

"Милосердный Боже! и Ты это видишь и терпишь! И Белоярцев в либералах: Еда и Саул во пророцех" (Лесков Н. В Москве); "На современном философском безрыбье, когда и Саул в пророках... прагматизм по праву обращает на себя всеобщее внимание" (Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991).

Содом и Гоморра

Употребляется в значении "крайний разврат, беспорядок", является символом крайней греховности, возбуждающей божественный гнев. Михельсон отмечал и значение "шумливый, безнравственный кутеж" (Михельсон М.Н. Русская мысль и речь. Свое и чужое. СПб., 1902).

Содом и Гоморра вместе с другими тремя городами составляли цветущий союз Пятиградия. Плодородие почвы, выгодное географическое положение на главном тракте торговых караванов обогатило жителей, но вместе с тем привело к развитию порочности, противоестественным наклонностям, ксенофобии – ненависти к гостям и чужестранцам, которых содомляне унижали и убивали.

В Библии говорится, что Господь, разгневавшись, "ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли" (Бытие. 19, 25). Бог не нашел там и десяти праведников, во имя которых Авраам, стоявший "пред лицом Господа", просил пощадить город. Как известно, спасся лишь Лот с дочерьми. Жена его, презрев запрет, оглянувшись на гибнущий город и превратилась в соляной столб.

На месте Содомы и Гоморры находится Мертвое море или (в буквальном переводе) Соленое море. На дне его были обнаружены остатки строений. Возможно, разрушение этих городов – не притча, а исторический факт.

"Давая видеть в гибели Содомы и Гоморры праведный суд Божий на нечестие их жителей, Св. Писание часто указывает на страшный пример и отверженного нечестия, и праведных судов Божиих на нечестивых" (Солярский П. Опыт Словаря библейских собственных имен. СПб., 1879).

"Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморских; ягоды их – ягоды ядовитые, грозди их горькие" (Пятая книга Моисеева. Второзаконие. 32, 32). "И Вавилон, краса царства, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра" (Книга

пророка Исаяи. 13, 19). В Соборном Послании св. апостола Иуды читаем: "Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, – Так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти" (1, 7–8).

В русском литературном языке негативную оценку получили и производные от этих слов, например, *содомский* (грех, идеал и др.). Существует древнерусский апокриф "Сказания о приведенных судах царя Соломона и о неправедных судиях содомских". В нем собраны рассказы, восходящие к Агаде. В речи раскольников *содомским яблоком* некогда назывался картофель (Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. Под ред. А.И. Федорова. М., 1995).

Сочетание *Содом и Гоморра* как символ порока широко употреблялось в русской литературе XIX–XX веков.

– Это Содом и Гоморра... Господь их порочное племя
В оные дни покарал за великие, тяжкие вины.

К.Р. Легенда про Мертвое море

Прозвище *Иль-Содома* носил художник Джованни Бацци Верчелли (1477–1551). Он работал в миланской плеяде Леонардо да Винчи. "Красоту юных чистых овалов лиц женщин и юношей с большими глазами, затем нежное совершенство обнаженных детских тел ни один художник не передавал привлекательнее, чем он" (Верман К. История искусства всех времен и народов. Пер. с нем. СПб., 1913. Т. 3).

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо

Волошин. "Ты живешь в молчаньи темных комнат"

Песнь песней

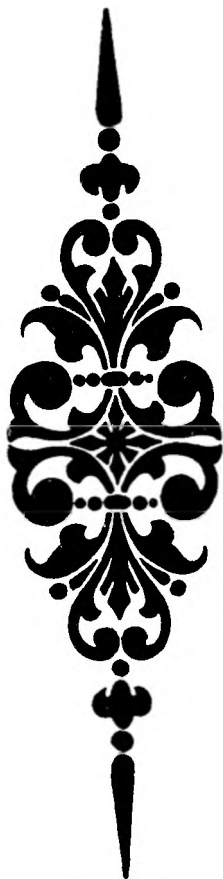
Песнь песней (*Шир-га-Ширим*) – библейская книга, представляющая собой собрание любовной лирики. Само сочетание означает вершину творчества или замечательное произведение в какой-либо области. Удвоение слова выражает в иврите неизменно высокую степень качества. "В еврейском языке, – писал П. Савваитов, – превосходство выражается или через повторение одного и того же слова, например,

глубоко-глубоко, т.е. очень глубоко; или через соединение единственного числа с множественным *песнь песней*, т.е. превосходнейшая *песнь*; или через приложение имен Божиих: *огнь Божий*, то есть *сильный, ужасный огонь*" (Савваитов П. Православное учение о способе толкования Священного Писания. СПб., 1857). Распространение таких сочетаний (суперлативов) *блаженство блаженств, глубина глубин* некоторые исследователи объясняют влиянием неоплатонической терминологии.

"Песнь песней" – апофеоз любви: "Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она – пламень весьма сильный" (Книга Песни Песней Соломона. 8, 6). Хотя по традиции эту книгу считают принадлежащей царю Соломону, однако филологический анализ исключает единое авторство.

И.-В. Гете назвал этот памятник самым прекрасным из того, что дошло до нас как выражение страстной, земной любви. В аллегорической интерпретации – это любовь небесная, знак привязанности Бога к своему народу. В христианстве – воплощение любви Христа к церкви.

Продолжение следует

Сыр в языке и обычаях русского народа

К. Б. БАБУРИНА

Сыр был известен славянским народам с глубокой древности. Он упоминается уже в евангельских текстах: "имеше же бремя хлебы чисты и топлы вино и масло древеное и млады сыры и яица" (Супрасльская рукопись. XI в.). Упоминания о сыре встречаются и в древнерусских памятниках письменности.

Славяне издавна почитали сыр. Он присутствовал уже в древнейших восточнославянских языческих обрядах. В Новгородской земле сыр резали (краяли), т.е. приносили в жертву языческим божествам, дававшим продолжение жизни и помогавшим роженице: "Иже се роду и роженице крают хлебы и сыры и мед" (См. "Вопрошание Кирика", 1136 г. // Кормчая Балашева, XVI в.). О подобных обычаях у славян упоминает Н. Сумцов в своем исследовании "О свадебных обрядах, преимущественно русских" (Харьков, 1881). Например, в белорусской купальской песне девушка собирается угощать "купальничку" белым сыром.

В представлении русского народа сыр был праздничной едой. Он как бы являлся атрибутом "сладкой жизни". *Как сыр в масле катается*, – говорили о человеке, жившем счастливо и в довольстве. В курских говорах *сырничать* означало жить чересчур роскошно, тратя деньги без разбору...

Особую роль сыр играл в свадебных празднествах и обрядах. На свадебном столе ему отводили специальное место, так же, как и перепече (праздничному пирогу) или караваю, которые являлись ритуальной едой. Резание сыра и перепечи имело символическое значение. Оно происходило, говорится в "Домострое", во время свадебного обряда, когда невесте расплетали девичью косу, причесывали по-бабьи и надевали кикю: "Как свара учнет у князя и у княгини голову зачесывати, а в те поры бы друшка сыр колупал, и перепечю режет". Этой ритуальной свадебной едой дружка угощает всех присутствующих, поднося каждому по куску пирога и сыра. Отсутствующим же родственникам угощение отсылали домой.

Свадебный пир также начинался с каравая и сыра. А свадебный обед так и назывался *сырным столом*.

Сыр ели в качестве ритуальной еды и в начале, и в конце свадьбы. Например, после свадебного пира в московских землях в XVII веке всем раздавали и рассылали убрусы (головные платки), ширинки (платки в руках), каравай и сыр. У белорусов на следующий день после свадьбы теща кладет зятю за пазуху сыр. У лемков (украинцев, живущих в Карпатах) молодым на другой после свадьбы день приносят сыр. В Вельской округе (Архангельская обл.) и по Ваге (приток Сев. Двины) тещи приносят зятям сыр в Петров день на второй год брака, а зятя устраивают по этому случаю пиршество.

Сыр имел символическое значение и в сговоре, предшествовавшем свадьбе. Во время сговора родители жениха и невесты разрезали и ели сыр. Поэтому сам сговор девушки замуж так и назывался – "краяние (резание) сыра про девку". Этот обычай был распространен у некоторых русских, белорусов, поляков, лужицких сербов вплоть до XIX века. А на Украине, когда уговор между родителями невесты и жени-

хом оканчивался, невеста выносила так называемый *девоснубный сыр*, который разрезался сватом и раздавался по кусочку всем присутствующим. Кроме того, невеста давала еще жениху на дорогу кусок сыра. По пути домой жених всех встречающихся угощал кусочком сыра в знак того, что он обручен (Сумцов Н. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881).

Этот обряд имел юридическую силу. Статья о краении сыра, т.е. если девушку сговорили замуж, а потом свадьба по какой-либо причине не состоялась, была внесена в Устав князя Ярослава в церковных судах, который представлял собой кодекс семейного и брачного права древнерусского государства: "Аже про девуку сыр краен будетъ, за сыр гривну, а за срам еи 3· [четыре] гривны, а что потеряно, а то еи заплатити, а митрополиту 5· [шесть] гривен, а князь казнит" (Княжеские уставы). Отказ жениха от невесты порочил ее, она рисковала остаться вообще без замужества, а ее родители несли и материальные убытки из-за расходов на сговор. И по закону жених или его родители возмещали материальные расходы на сговор ("а что истеряли") и ущерб невесте ("за сыр").

Итак, первоначально, по-видимому, сыр был связан с культом продолжения рода, как вообще молоко и молочные продукты в славянской мифологии. И обрядовое употребление сыра на свадьбе также, по-видимому, связано именно с этим пониманием сыра как символа продолжения рода. Однако постепенно его значение переосмыслялось, сыр стал связываться в языковом понимании с праздником, довольством, богатством. Об этом свидетельствуют и описания обрядов, в которых слово *сыр* употребляется не в основном своем значении, а как символ благополучия. В.И. Даль упоминает в своем Словаре свадебный обряд, известный в нижегородских землях, когда молодые кланяются гостям, прося выпить. Это называлось *сыр молить*. В.И. Даль, правда, не раскрывает сущность этого обряда, но и в других землях был обычай приглашать гостей *к сыру* или *на сыр*: подойти к молодым, выпить стопку вина и подарить подарки, чтобы в их семье был достаток и благополучие. *Сыр-каравай* могло означать свадебное угощение вообще или только свадебный пирог (в обряде донских казаков). А в форме множественного числа *сыры* означало столовые деньги при сватовстве и на свадьбе (Мораховская О.Н. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996). Во всех этих случаях речь шла уже совсем не о сыре, а о достатке и благополучии.

Однако сыр в древности не был похож на современный. На Руси *сыром* называли *творог*. Иногда *творог-сыр* добавляли в праздничную выпечку – в каравай или перепечу. Из него также готовили сырники. Это название встречается уже в памятниках конца XVI века и

означает, видимо, творожники или пирожки, или оладьи с творожной начинкой. В Росписи царским кушаньям упоминаются, например, *сырники с сыром*, которые изготовлялись из муки, яиц, молока, сыра, масла: "На блюдо сырников с сыром, а в них поллопатки муки крупчатые, 15 яиц, полполчети ведра молока пресного, четь сыра кислаго, гривенка масла коровья" (Акты исторические. 1598–1613. СПб., 1841. Т. II). Сыр-творог в этих рецептах, по-видимому, добавлялся в тесто, как и сейчас.

О сырниках упоминает и В.И. Даль в своем Словаре: Это "пирожки, блинцы, начиненные творогом; || вареники; || род клецок, колобки из творогу, с подливой". Это слово означало в разных говорах разные блюда, например, в астраханских *сырником* называлась творожная паша, а Словарь Даля отмечает тверское слово *сырница* – кушанье из творога и гречневой каши.

Из творога-сыра готовили не только сырники. Его солили, делали из него большие лепешки в виде круглого хлеба и сушили. Так, в Домострое (XVI в.) при описании стола на масленицу встречается упоминание о *сухом сыре*: "Хворосты, орехи... сыры губчатые... сыры сметанные сухие", а в воронежских говорах сушеный на зиму творог называли *сырок*.

Сухой сыр иногда толкли. "А что сыры, государыня, с баб иманы, и они перетолчены", – встречаем мы в "Частной переписке князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников" (XVII в.). Упоминается толченый сыр и в "Столовой росписи на помин боярина Б.И. Морозова": "пол 2 пуда сыру толченова".

Способы изготовления сыров были довольно разнообразны. Вот как описывается один из них: "Во время делания сыров надобно творило чисто вымыть, и в тварог два или три свежих яйца толкнуть... пять ложек парнова молока, и сие все смешав на чисто выжать, и в телячей желудок плотно завязав в трубу повесить и коптить" (Флоринова экономия. СПб., 1738).

В XVIII веке в России становятся известными и получают достаточное распространение сыры из Европы. В журналах появляются статьи с рецептами их приготовления. Вот, например, один из них, помещенный в статье "Известие о делании сыров похожих на Аглинские": "Сперва берется парнаго коровьяго, козьяго, или овечьяго молока... Сие молоко вливается в лохань, и буде оно холодно, то подогревается... и чрез то придается всему молоку такой градус теплоты, каковаго бывает обыкновенно парное молоко... По учинении сего предпринимается сему молоку закваска: ...берется пять ложек желудочной закваски... потом вливается в оную четыре ложки уксусу... Сею закваскою заквашивается молоко... и накрывается простынею... куда сядет. Между тем приготавливается лохань, наполненная кипятком,

для разогревания блюд и тарелок... Сими блюдами и тарелками отваривается сыр покуда сядет. Потом сливается сыворотка, а сыр солится, и потом обертывается в простыню, кладется в форму и закрывается крышкою. Сия форма с сыром становится в станок и закладывается накрепко клиньями, дабы вытекла из него вся сыворотка... И как чрез то сыр получит свое совершенство: то вынимается наконец из формы, натирается хорошенько солью и кладется для сохранения на погреб" (Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. М., 1778. Ч. II.).

Сами же рецепты изготовления сыров сложились гораздо раньше. И на Руси такие сыры были известны, по крайней мере, в XVI веке. Уже в "Козмографии" (Книга глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. XVI в.), мы находим упоминание о твердых "заграничных" сырах: "Парменские сыры славные свыше меры велики и укусны зело". А в эпоху Петра I получили распространение и многие другие виды сыров – *пармазан* (*пармезан*), *английские*, *голландские*: "...сыру пармазану пуд, сыру галанского и аглинского пуд" – эти названия встречаются в "Торговом морском уставе и Тарифе Санктпетербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского портов" (СПб., 1724).

Итак, слово *сыр* в русском языке означало и творог и творожные блюда, и приготовленный из него сыр. Как же различались эти продукты?

В памятниках XVI–XVII веков собственно творог назывался также *зубчатым сыром*. Название это упоминается и в "Домострое": при описании стола на масленицу, и в "Росписи царским кушаньям": "...на блюдо сыра губчатого, а в него треть ведра молока пресного" (Акты исторические. 1610–1613. СПб., 1841. Т. II) и др. Тем не менее даже в одном тексте сыр и творог могли упоминаться как сыр, порождая некоторую неясность для современного читателя. В Земледельческой книге (1705) встречается заголовок "Како творити малые сыры, подобны языку, из сыра", где для творога и сыра используется одно название – *сыр* (в первом случае оно означает сыр, во втором – творог).

Начиная с XVI века в памятниках русской письменности встречается слово *творог*: "Покупал Костянтин Малои да Офонасеи Курмышев тварог и сыры, денег издержали 24 алтны 5 денег" (Книга приходо-расходная Кириллова Белозерского монастыря 1581–1582). Или в "Расходной книге Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г." (Под ред. А.А. Титова. СПб., 1890): "3 пирога долгих с тварогом... пирог косой с сыром". За *сыром* же постепенно закреплялось значение продукта, полученного из творога путем специальной обработки.

Однако вплоть до XVIII–XIX веков и для творога, и для сыра су-

ществовало единое название *сыр*. И сыр в первую очередь по-прежнему понимался как творог. В Словаре русского языка Академии Российской (1822) первое значение слова *сыр* – это "творог, приправленный сметаной и яйцами". Второе же значение – это сыр! "от кислого или заквашенного молока в тепле отделенныя части наподобие хлеба сваленныя и засушенныя". Так же толкует слово *сыр* и Словарь церковнославянского и русского языка. (СПб., 1867). И в Словаре В.И. Даля *сыр* толкуется в первую очередь как творог, хотя все же отмечается, что "обычно сыром зовут немецкий сыр, выделанный из парного молока, соленый и просушенный, кругами". Даль в своем толковании подчеркивает иностранное происхождение такого сыра.

Впоследствии все же названия этих продуктов разделились, но до сих пор в современном русском языке сохраняются названия для изделий из творога с корнем – *сыр-*: *сырники*, приготовляемые из творога, хотя у этого названия есть синоним *творожники*, *сырок* – творожная сладкая паста, *сырковая масса* – из творога, масла, сахара, изюма, не так давно появился *сыр домашний*, скорее напоминающий творог, чем сыр.

Интересно также отметить, что сыр в России изготовлялся определенной круглой формы. Это послужило основанием для образования нового значения этого слова: *сыром* в XVI–XVII веках называли и продукты соответственной формы и размеров: *сыр мела*, *сыр масла белого*, *сыр творогу* – встречаем мы в Таможенных книгах Тихвинского монастыря (XVII в.), Келарской расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря (XVI–XVII вв.) и других памятниках.

Откуда же появилось это название – *сыр*?

Происхождение слова *сыр* является достаточно спорным, однако представляется возможным предположить, что оно является родственным прилагательному *сырой*, поскольку в этимологическом плане у них обнаруживаются общие родственные слова. Этимологический словарь Фасмера дает такие родственные слова к русскому *сыр*: древнеисландское *surr* "закваска", "кислый, неприятный", древневерхнемецкое *sur* "кислый", древнеисландское *syra* "кислое молоко", древнедатское *surr* "сырой, наполовину сгнивший". Те же слова являются родственными и для прилагательного *сырой*. Следовательно, слова *сыр* и *сырой* имеют общий индоевропейский корень, который имел значение "кислый". И, по-видимому, это значение было и в русском языке на каком-то очень раннем этапе развития.

Это предположение подтверждает еще одно слово с этим корнем, существовавшее в древнерусском языке – *сырище*. Его основное значение – желудок. Но вот какое любопытное толкование дает этому слову Григорий Дьяченко в своем "Полном церковнославянском сло-

варе": "Слово это [сырище], в древних рукописях часто заменяющее стомах, собственно значит то, от чего свертывается молоко; славяне же употребляли для этого телячьи желудки". А в памятниках письменности конца XVII – начала XVIII веков слово *сырище* означало также желудочную кислоту. Так, в Лечебнике конца XVII – начала XVIII веков есть рецепт на случай "аще будет в желудке сырище умножилось". Кроме того, во втором издании Церковного словаря П. Алексеева (1778) отмечено еще одно значение этого слова – "кислое молоко".

Таким образом, значение "кислоты" заложено и в слове *сырище*. И из кислого молока готовили творог и сыр. Да и процесс изготовления сыров непосредственно связан с желудком (см., например, приведенное описание из "Флориновой экономии"). Из желудка готовили *сычуг* – средство для заквашивания молока, из которого потом получали сыр. Такая специальная закваска, как говорится в уже упоминавшемся "Сельском жителе...", "составляет первое и наиглавнейшее дело" в сыроделии, то есть в глубокой древности корень *-сыр-* имел и значение "кислый". Впоследствии прилагательное *сырой*, по-видимому, утратило его, так как памятники русского языка XI–XVII веков не фиксируют этого значения. Но оно сохранилось в слове *сыр*: "приготовленный из кислого молока".

Топонимический словарь Центральной России*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ,
доктор филологических наук

Павлово (1919). Город в Нижегородской области. Другое название *Павлово-на-Оке*. Как считают исследователи нижегородской топонимии, когда-то здесь некто Павел держал перевоз через Оку. Впоследствии здесь выросло село *Павлов Перевоз*, ставшее позже селением *Павлов Острог*, упоминание о котором имеется в писцовой книге 1621 года, затем село *Павлово* и с 1919 – город *Павлово* (Никонов. Краткий топонимический словарь).

пáвловцы, пáвловец, пáвловка

пáвловский, -ая, -ое

Павловск (1709). Город в Воронежской области. Первоначальное название *Осередская крепость* дано по реке Осереде, на которой она была воздвигнута. После разрушения в 1711 году Павловской крепости на реке Миус гарнизон ее был переведен в Осередскую крепость, которая получила название *Павловск*.

пáвловцы, пáвловец, пáвловка

пáвловский, -ая, -ое

Павловск (1796). Город в Ленинградской области. Название дано по имени русского императора Павла I (1754–1801), которому его мать Екатерина II подарила земли в этих местах. Здесь была загородная резиденция Павла – село Павловское, которое после его смерти было преобразовано в город.

– В Павловске знаменитый дворцово-парковый ансамбль – памятник русской культуры XVIII века.

пáвловцы, пáвловец, пáвловка

пáвловский, -ая, -ое

Павловский Поса́д (1844). Город в Московской области. В прошлом – село Павлово, известно в документах с 1328 года. Первая часть

* Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№4–6; 1995. №№1–6; 1996. №№1–6; 1997. №1–6; 1998. №1.

названия от личного мужского имени *Павел* или фамилии *Павлов*: *Павел* > *Павлов* > *Павловский*. Вторая часть названия *Посад* указывает на тип поселения. *Посадами* в Русском государстве называли поселения вокруг городов или монастырей, а также сельские поселения ремесленного или торгового профиля.

Павловский Посад – старый центр изготовления знаменитых *павловских платков* – шерстяных с кистями, с крупными яркими цветами на чёрном фоне, красном, синем и др.

павлопосадцы, павлопосадец и павловцы, павловец

павлопосадский, -ая, -ое

павловский, -ая, -ое

Палех. Рабочий посёлок в Ивановской области. Происхождение названия окончательно не установлено. Формант *-ех* свидетельствует о том, что оно очень древнее и уходит за пределы нашей эры, в дофинноязычный период. С другой стороны, основу *пал-* можно соотнести с глаголом *палить* "жесть, палить" лес, расчищать землю под пашню при подсечно-огневой системе землепользования. Первоначально – это название речки (совр. *Палешка*).

При объяснении названия *Палех* нельзя не учитывать такие параллели, как мансийское *пальх* "открытый", чувашское *палак* "знак, примета места", балтийское *pal* "болото".

Палех – центр народного русского промысла – изготовления лаковой миниатюры: ларцов, шкатулок, портретов, панно, покрытых черным лаком с цветными рисунками исторического и сказочного характеров. Это искусство развилось на базе иконописания, которым палешане занимались с XVI века до 1917 года, хотя официально первые изделия лаковой живописи в России известны с XVIII века.

палешане, палешанин, палешанка; палеховцы, палеховец;

палехчане, палехчанин

палехский, -ая, -ое; палеховский, -ая, -ое

Панда. Река, правый приток Вороны в Тамбовской области. В основе этого гидронима, вероятно, эрзянское слово *панда* (пандо) "холм, гора, бугор". *Панда* – речка, стекающая с холма или бугра, или протекающая по холмистой местности.

Партизан (1958). Рабочий посёлок в Тульской области. Название дано в память о партизанском движении, развернувшемся во время Великой Отечественной войны 1941–45 годов на территориях, захваченных немецкими войсками.

партизанцы, партизанец // местн. партизаны, партизан, партизанка
партизанский, -ая, -ое

Пахра́. Река, правый приток Москвы-реки, а также одноименный посёлок на этой реке.

В основе этого названия ученые видят славянский корень *пых-* "тол-

кать". Е.С. Отин считает, что он появился в результате перестановки слогов в варианте *Похорь/Похорь*, который часто встречается в памятниках письменности вместо *Хопорь/Хопорь* (Русская речь. 1973. № 1). О.Н. Трубачев считает родственными *Похорь* и *Пахра* (а также *Пахорка*, *Пехорка*). Формы *пах* и *пех* предполагают промежуточное *пох*, откуда под влиянием аканья образовалось название *Пахра*.

Пáрголово. Дачный поселок, современный микрорайон Санкт-Петербурга. Образовался в результате слияния нескольких деревень и делился на *Первое*, *Второе* и *Третье Парголово*. Другие названия этих частей поселка – *Суздальская слобода*, *Большая* и *Малая Вологодские слободы* (Кисловский. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области).

Топоним *Парголово* может быть объяснен, как считают исследователи, из финского родового имени *Парко*, чей род проживал в этом селении и показателем чего является формант *-ла(-ля)*. Парголово первоначально называлось *Паркола*. Такие названия, по сведениям А.И. Попова, известны везде, где распространены (или были распространены) языки прибалтийско-финского типа. Со временем топонимы на *-ла(-ля)* получили в русской языковой среде формант *-ово* по типу *Петрово* (Попов. Следы времен минувших).

– Парголово всегда было излюбленным местом отдыха жителей Петербурга (позднее Ленинграда). Здесь бывали И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов и многие другие известные деятели русской культуры.

пáрголовцы, пáрголовец, пáрголовка
пáрголовский, *-ая*, *-ое*

Пéнза. Город, центр Пензенской области на реке Пензе (совр. *Пензятка*), при впадении которой в Суру и был основан. Возможно, гидроним представляет собой русскую переделку мордовского *пинесар* "собачий приток". Возможно, в основе топонима ненецкое *пензя* "овраг", "высохший ручей с крутыми берегами". Ср. коми *пеньдзей* "высохший ручей". Сочетание *-нз-* дало основание В.А. Никонову вывести его из мордовских языков, в которых есть такие топонимы, как *Абумза*, *Амза*, *Инза*. При этом он не исключал того обстоятельства, что сочетание *-нз-* могло получиться в процессе фонетического освоения этих названий (Никонов. Указ. соч.). Есть предположения о том, что термин *пензя* может быть заимствованием из индоиранских или тюркских языков. Топонимия с основой *пенз-* известна в Поволжье. Ср. татарское село *Пензятка* в Мордовии, речка *Пензелейка* в Нижегородской области, озеро *Пензяти* в Ненецком национальном округе и др.

пéнзенцы, пéнзенец, пéнзенка и пензяки́, пензя́к, пензя́чка, *устар.* пéнзовцы, пензя́не
пéнзенский, *-ая*, *-ое*

Пензенцы (пензяне) – толстопятые. Речь идет о том, что пензенцы по своей бедности носили лапти, а в этой обуви растаптывается, расширяется ступня.

Пензенцы в Москве свою ворону узнали. Речь идет о наивности и простодушии пензенцев.

Переяславль-Залесский. (1152)*. Город в Ярославской области. Более древняя форма *Переяславль Залисский*. Название составное, первая половина его *Переяславль* (из *Переяславль*) соотносится с сочетанием *перенявший славу*. Дело в том, что первоначально город находился в другом месте, тоже на озере Плещеево и назывался *Клецин*, но после пожара был перенесен в удобное, безопасное место при впадении в озеро реки Трубеж. Естественно, что при переносе города на другое место возникло желание видеть его таким же могучим и известным, как Клецин – своеобразная столица на озере Плещеево. Новый город должен был перенять, унаследовать славу сгоревшего, поэтому ему и дали название *Переяславль*. Подобный принцип номинации существует и в современной топонимии: село *Раздольное* (в Приморском крае), город *Изобильный* (Ставропольский край), город *Счастье* на Украине и др. *Переяславль-Рязанский* тоже был перенесенным городом. Рязань храбро сражалась, но была уничтожена войсками Батыя в 1237 году, и город, основанный вместо нее, получил название *Переяславль*, т.е. он тоже должен был перенять, унаследовать славу Рязани. Такое объяснение вполне правдоподобно. О том, что в основе топонима лежит сочетание *перенявший славу*, свидетельствует и запись в Повести временных лет под 992 годом об основании Переяславля Южного (в Древней Руси): "заложи город на брое томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко т" (у печенега). Естественно, перед нами легенда, но смысл ее и принцип номинации довольно реален.

Топоним *Переяславль* известен во всем славянском мире, например болгарский город *Преслав* зафиксирован в XII веке в сочинении арабского путешественника Аль-Идриси (в Повести временных лет он назван *Переяславец*). Версия о происхождении топонима от личного мужского имени *Переяславъ* (Фасмер. Этимологический словарь русского языка; Роспонт. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов) неубедительна, т.к. такое мужское имя не засвидетельствовано источниками, т.е. не известно. Интерес представляет тот факт, что все три Переяславля стоят на реках Трубеж. Это, вероятно, объясняется тем, что все эти небольшие речки были протоками, рукавами рек Днепра, Оки, Плещеева озера – таким образом, очень удачными для основания на них города в плане его безопасности.

Вторая половина названия указывает на место нахождения Переяславля – *за лесом*, в ополье в отличие от Переяславля *Южного* и *Рязанского*.

переслávцы, переслáвец, переслávка, *устар.* переяслávцы, переяслáвец, переяслávка

переслávль-залéсский, -ая, -ое и переслávский, -ая, -ое, переслávльский, -ая, -ое

Пéстово (1965). Город в Новгородской области. В основе названия, вероятно, фамилия (первоначально прозвище) *Пестов* из *Пест* перво-поселенца или одного из владельцев. Фамилия (прозвище) *Пест*, *Пестов* была довольно широко известна у русских уже в XV–XVI вв.: Прокош Пест – крестьянин из Новгорода, 1495 г., Пестов-Кашира, 1550 г. и др. (Веселовский. Ономастикон).

пéстовцы, пéстовец

пéстовский, -ая, -ое

Петерго́ф (1711). Город в Ленинградской области. С 1944 года до 1991 назывался *Петродворец*. Название выводится из немецкого: *Петер* – Петр, *гоф* – из *Hof* – "двор", т.е. *двор Петра* (в данном случае Петра I, его парадная резиденция).

– Здесь находится замечательный архитектурно-парковый ансамбль с системой необычных фонтанов.

петерго́фцы, петерго́фец, петерго́фка

петерго́фский, -ая, -ое

устар. петродворцо́вский, -ая, -ое и петродворцо́вый, -ая, -ое

Пету́шки (1965). Город во Владимирской области. Происхождение окончательно не выяснено. Возможно, в его основе слово *петушки* "небольшие холмы, возвышенности", в русских диалектах известно его значение "горные кряжи". Не исключено, что топоним связан с прозвищем местных жителей *петушки* "люди с задиристым, излишне эмоциональным характером". Все гнездо слов этого корня связано с бурным выражением чувств и эмоций.

петуши́нцы и петушкóвцы

петушкóвский, -ая, -ое и петуши́нский, -ая, -ое

Печóры (1472)*. Город во Псковской области. В основе названия древнерусское *печера* "пещера". Этот термин очень активен в славянской топонимии, в частности, у восточных славян; видимо, у них пещера как первоначальное место проживания, укрытия было широко распространено: села *Печоры*, *Печи* (Нижегородская обл.); *Печерск* (под Смоленском), *Печера* (Винницкая обл.), *Киево-Печерская лавра* (Киев) и многие др.

– Поблизости находится Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь, основанный в середине XV века в пещерах, как оборонительный центр на северо-западных рубежах Русского государства.

печеря́не, печеря́нин, печеря́нка и печóрцы

печóрский, -ая, -ое

Пикалéво (1954). Город в Ленинградской области. В основе названия

фамилия *Пикалев* – владелец хутора, бывшего когда-то на месте этого города.

пикалёвцы, пикалёвец

пикалёвский, -ая, -ое

Пичаёво. Село в Тамбовской области. Более ранняя форма – *Пичава*. Название может быть соотнесено с мокшанским *пича* "сосна" (возможно, "черника"). Ср. *Пичевка* (*Пиченя*) – мокшанская деревня в Мордовии, которая соотносится с мордовским *пиче* "сосна" (Инжееватов. Топонимический словарь Мордовской АССР); село *Пичингуши* (Нижегородская обл.) и т.п.

Пла́ва (Пло́ва). Река в бассейне Оки на территории Тульской области. Происхождение названия окончательно не установлено, но его можно с определенным успехом интерпретировать на русской диалектной основе центральных областей России *плав* "зыбун, болото, в котором под верхним растительным покровом стоит вода; заболоченная низина" (Мурзаев. Словарь народных географических терминов). Отсюда *плавень, плавник, плов, пловина, плавун* и др. Известны аналогичные образования на других славянских территориях, в частности, у восточных и южных славян (сербов и словен) и все они связаны с водой, движением воды, с чем-то плавающим (плывущим) на воде. Основа активна в топонимии: города *Плавск* (Тульская обл.), река *Плавица* (басс. Воронежа); *Плавна* (Брянская обл.) и др. Попытка соотнести гидроним с балтийским материалом может восприниматься лишь как интерпретация ее поздней балто-славянской единицей: литовское *plava* "моховое болото", "болотистый, приозерный луг", "плавающий остров"; латышское *plava* "луг". Известны: река *Плавица* (*Малая Плавица, Плавка*) – левый приток Плавы; река *Сухая Плавица*, овраг *Плавицкой* (неоднократно), верх и отвершек *Плавской*. На реке Плавице – деревня *Плавица Малая*, сельцо *Плавичка*, оно же Спасское, деревня *Плавица*, село *Плавицы* (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки).

Пла́вск (1949). Город в Тульской области. Название дано по реке Плаве, на которой было основано селение. Известен с 1540 года как село *Сергиевское*. В 1925 году переименовано в поселок *Плавск*.

плавча́не, плавча́нин, плавча́нка, устар. плавля́не

плавский, -ая, -ое

Продолжение следует

Города *Новые* и *Старые*

А.И. МОИСЕЕВ.

доктор филологических наук

В системе названий городов (в пределах "Атласа СССР". М., 1986) довольно широко представлены составные наименования с определителями *старый* и *новый*: *Старая Русса* (Новгородская область), *Новый Уренгой* (Ямало-Ненецкий АО) и т.п. В Атласе приведены 132 названия с определением *новый* и 58 – *старый*.

Вообще говоря, здесь, как и всюду, новое предполагает наличие старого (и наоборот). Вполне понятно поэтому, что названия с определениями *новый* и *старый* могут быть при одной и той же основной, определяемой части составного наименования: *Новый Оскол–Старый Оскол* (на реке Оскол. Белгородская обл.). Для дифференциации городов достаточно и противопоставленности составного наименования с каким-либо из этих определений и простого наименования без определения: *Каховка* (Херсонская обл.) – *Новая Каховка* (там же). Вичуга (Ивановская обл.) – *Старая Вичуга* (там же) и т.п. Образуются и трех-

членные (трехзвенные) цепочки: *Ладога–Новая Ладога–Старая Ладога* (Ленинградская обл.).

Но это, казалось бы, неперемнное условие наличия наименований с рассматриваемыми определениями (раз есть город с названием *Новый*, то должен быть и город с названием *Старый*, и наоборот) нарушается: встречаются наименования с такими определениями без противопоставлений: *Новая Заимка* (Тюменская обл.), *Новый Афон* (Абхазия), *Старая Торопа* (Тверская обл.), *Старый Хопер* (Саратовская обл.) и другие. Это связано с историей самих городов.

Абсолютно и резко преобладают наименования без добавления определений *новый*, *старый*: *Москва*, *Киев*, *Орел*, *Челябинск*, *Луга*, *Сестрорецк* и многие тысячи других. Строго говоря, они, за исключением, может быть, единичных примеров, находятся вне круга рассматриваемых наименований и составляют лишь фон для них.

Парные противопоставления составных наименований (обозначим их *Новый X* и *Старый X*) и простых наименований (обозначим их *X*), в целом, немногочисленны, особенно оппозиция *Старый X–X*. По Атласу получены следующие данные: *Новый X–X* 43 пары, *Старый X–X* 18 пар. Но относительные (процентные) характеристики этих пар (доля среди наименований *Новый X* и *Старый X*) почти совпадают: соответственно, 32,5 и 31%: *Астрахань–Новая Астрахань*; *Ельня–Новая Ельня*; *Устье–Новое Устье*; *Горки–Новые Горки*; *Бор–Новый Бор*; *Буян–Новый Буян*; *Городок–Новый Городок*; *Узень–Новый Узень*; *Уренгой–Новый Уренгой* и др.

Немного, особенно в относительном выражении, и оппозиций *Новый X–Старый X*: по Атласу – всего 18 пар, что составляет 14% от наименований *Новый X* и 31% от *Старый X*, например: *Новая Калитва–Старая Калитва*; *Новая Ляля–Старая Ляля*; *Новая Порубежка–Старая Порубежка*; *Новая Русса–Старая Русса* и др.

Еще более редки, единичны трехчленные цепочки: *Криуша–Новая Криуша–Старая Криуша*; *Курба–Новая Курба–Старая Курба*; *Майна–Новая Майна–Старая Майна*.

Если учесть не только современные, актуальные наименования городов, но и наименования, некогда существовавшие (своего рода топонимические историзмы), то количество оппозиций несколько увеличится: *Галич–Старый Галич*, *Казань–Старая Казань*, *Рязань–Старая Рязань*; *Ладога–Новая Ладога–Старая Ладога*, *Рус(с)а–Новая Русса–Старая Русса*; *Петергоф* (совр., с 1944 г., Петродворец)–*Новый Петергоф–Старый Петергоф* (ж.д. станции).

В этих и подобных случаях просто *X* или *Старый X* теперь уже не актуален, соответствующие наименования уже не существуют, не применяются; они являются лишь историческими эквивалентами, со значениями современных наименований конкретных городов. Можно

сказать, что произошли переименования этих городов, например: город *Быхов* (Могилевская обл.) известен с XIV века "под названием Старый Быхов" (Географический энциклопедический словарь. М., 1989); *Казань*: "Нынешний город возник в 1437–1438 гг. В истории известна Старая Казань, основанная в XIII в." (Административно-территориальное деление. М., 1983); современная *Рязань* – продолжение (с 1778 г.) древнего города *Переславля Залесского* (изв. с 1095 г.), а исходная, древняя *Рязань* (упоминается под 1054 г.) – теперь лишь городище *Старая Рязань* (в 50 км от современной Рязани). Из двух современных городов с одинаковым названием *Галич* (Ивано-Франковская обл., изв. с 1138 г., и Костромская обл., изв. с 1237 г.), первый, более древний, был известен и под названием *Старый Галич* (Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983).

В трехчленной цепочке *Ладога–Новая Ладога–Старая Ладога* соотношение наименований таково: *Ладога* – название древнего города на реке Ладога (совр. Ладожка, левый приток р. Волхов), изв. с 862 г. (первая резиденция легендарного Рюрика); в начале XVIII века (в 1704 г.) город был перенесен в устье реки Волхов (впадает в Волховскую губу Ладожского озера), и стал называться *Новая Ладога*, а на старом месте – уже не город, а село, и не Ладога, а *Старая Ладога*.

Каков же "механизм" возникновения наименований типа *Новый X*, *Старый X*?

Его можно представить примерно так.

Имеется город с названием *X*. Основывается другой город, которому по каким-то причинам дается такое же название *X*. Возникают, таким образом, одноименные города (своеобразные названия-омонимы). Одноименность городов действительно встречается и распространена довольно широко: в Атласе отмечены три города с названием *Заря* (Кировская, Одесская и Павлодарская обл.), пять – *Устье*, шесть – *Горки*, 28 – *Каменка* (и еще семь рек!) и т.п. Но одноименность городов нежелательна. Во избежание ее уже в момент самого наименования вновь называемого города используются различные дифференциаторы-уточнители, определения: *Новгород–Нижний Новгород*, *Новгород–Северский*; *Ростов–Ростов-на-Дону*; применяются и другие средства дифференциации: *Верхнеудинск* (в 1934 г. переименован в Улан-Удэ) – *Нижнеудинск* (города на р. Уда, пр. приток Селенги); на реке Сура (приток Волги) несколько населенных пунктов, названных по этой реке, но по-разному: *Сурское*, *Сурск*, *Васильсурск*; на Волге – *Волжск* (респ. Марий-Эл), *Волжский* (Волгоградская обл.), *Волгоград*, *Заволжск* (Ивановская обл.), *Заволжье* (Нижегородская обл.); *Орск* (Ор-ск) и *Оренбург* (Ор-ен-бург) – города, названные по реке Орь (лев. пр. Урала), на которой они расположены, и т.п.

Этой же цели служат (такую же роль выполняют) и определители

новый–старый. Обычно первым в действие вступает определитель *новый*, и возникает соотношение *Х–Новый Х*. На этом процесс может и закончиться. Но возможно и продолжение: *Новый Х* индуцирует замену *Х* на *Старый Х*, возникает соотношение *Старый Х–Новый Х*. Имея в виду эту фазу, можно сказать, что старое моложе нового: уточнитель *старый* возникает после уточнителя *новый*, индуцируется, вызывается им. Уточнитель *старый* может индуцироваться не только наименованием *Новый Х*, но и простым *Х*, и тогда возникает соотношение *Х–Старый Х*.

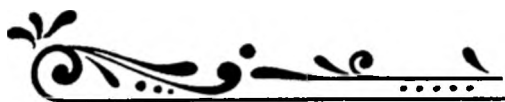
Так появляются три основных разновидности противопоставлений рассматриваемых наименований: *Х–Новый Х*, *Новый Х–Старый Х*, *Х–Старый Х*.

Соотношение *Х–Новый Х* может возникнуть также, когда *Х* находится за пределами данного ареала: *Афон* – в Греции, *Новый Афон* – в Абхазии; ср. также *Иерусалим–Новый Иерусалим* (топоним в городе Истра).

Две других разновидности таких названий: только *Новый Х* и только *Старый Х* – возникают вследствие утраты, выхода из употребления исходного или вторичного *Х*. Такая утрата возможна и в случае соотношения *Новый Х–Старый Х*, возникшего из трехчленного соотношения, как в приведенном ранее – *Новая Ладога–Старая Ладога*: просто *Ладога* теперь уже только историзм, название древнерусского города.

К рассмотренным в данном очерке составным наименованиям с уточнениями *новый* и *старый* близки сложные наименования с первыми частями *ново-*, *старо-*: *Новодвинск* (Архангельская обл.), *Старобельск* (Луганская обл.), но это предмет дополнительного очерка.

Санкт-Петербург

НАРЗАН

Э.М. МУРЗАЕВ,

доктор географических наук

Таково известное название минеральной воды и ее источника в Кисловодске. Помимо того слово это употребляется вообще для многих родников Северного Кавказа, подающих разную минеральную воду – теплую, горячую или холодную вне зависимости от гидрохимических характеристик. Говорят и во множественном числе: *нарзаны*.

Кисловодские воды стали изучаться еще в конце XVIII века, когда, видимо, и стало известным это слово в русском языке.

В пятитомном "Географическо-статистическом словаре Российской империи" П. Семенова (СПб., 1865. Т. 2) в статье "Кисловодск" дана форма *нардзан* без ее толкования. Однако в более поздних работах везде приводится современное написание *нарзан*. Так, академический "Словарь современного русского литературного языка" в 17-ти томах (М.–Л., 1956. Т. 7) содержит два определения: 1 – источник минеральной воды в Кисловодске и других местах Северного Кавказа и 2 – углекислая минеральная лечебная вода. Четырехтомный "Толковый словарь русского языка" Д.Н. Ушакова (М., 1938. Т. 2) указывает только: *нарзан* – "углекислая минеральная лечебная вода". В энциклопедическом словаре "Города России" (М., 1994) сказано, что слово *нарзан* происходит от кабардинского *нартсана* "богатырский напиток". Замечу, однако, что старики кабардинцы не знают слова *нарзан*, а значит в кабардинском языке оно сравнительно новое. Ясно одно, что имя *нарзан* относится не только к источнику в Кисловодске (собственное название *Нарзан*), но и ко всякой минеральной воде на Северном Кавказе (нарицательное *нарзан*, *нарзаны*). Если так, то следует ожидать параллельные формы в других местах России и сопредельных стран.

И действительно, в Средней Азии, Сибири и Монголии находим сопоставимые формы нарицательных имен, обозначающие разные минеральные лечебные воды, а также собственные географические названия родников, речек и поселений. В Бурятской республике родники, подающие аналогичную воду, именуют *аршанами*. Очень

популярно слово *ариан* и в Монголии. Есть даже книга В.А. Смирнова "Аршаны Монголии" (Тр. монгольской комиссии АН СССР. М., 1932. Вып. 5).

"Этимологический словарь тюркских языков" (М., 1974) указывает, что слово *аришан* заимствовано маньчжурами от монголов. Оно же присутствует в известном словаре В.И. Даля (СПб., 1912. Т. I): *аришан* "ключ хорошей воды, пресный источник" с указанием на монгольское происхождение.

В Казахстане и Киргизии минеральные источники именуются *арасанами*, на Алтае – *аржанами*. В старописьменном монгольском языке (XII–XIII в.) зафиксированы формы *arasian/arasian/rasiyan* "лечебная вода, священная вода".

Столь большой ареал слова *аришан/аришан* заставляет задуматься о первоисточнике. Где он? Поискам ответа помогают топонимические исследования. На запад от Киргизии в тюркских и других языках нарицательные *аришан/аришан/арасан* не отмечаются, однако они сохранились как собственные географические названия. Покажем это на нескольких примерах.

В Туркменистане у подножия Копетдага находится минеральный источник *Арчман*. Так же именуются курорт и железнодорожная станция. В этом топониме *с* перешло в *ч*, что закономерно. Сравним *сай* и *чай* "река, овраг, ущелье" в разных тюркских языках. В Армении широко известен курортный поселок *Арзни* у родников лечебной минеральной воды *Арзни*. И в этом топониме можно видеть несколько измененную форму исходного *аришан/арасан/аришан*.

Конечно, в этот ряд хорошо вписывается и *нарзан*. Современные литературные источники указывают на заимствование в русском языке последнего слова из кабардинского *нарт санэ* "напиток сказочных богатырей нартов". Следует согласиться с таким заимствованием. А вот ссылка на напиток – типичная легенда. У профессора В.И. Абаева читаем: "Нарты – общее коллективное наименование героев осетинского эпоса". Слово *нарт* не объясняется из кавказских языков, оно опять же восходит к монгольскому *нара* "солнце", *нарты* "дети солнца" (Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2). Представляется справедливым не связывать *нарзан* с напитком *нартсанэ/нарт-санэ* легендарных нартов – героев эпоса. Важно замечание В.И. Абаева: "монгольские влияния в нартовском эпосе твердо установлены". Многие имена его героев имеют монгольское происхождение. Все сказанное позволяет видеть в терминологическом ряду: *аришан/аришан/арасан/арчман/арзни/нарзан*.

В этой цепочке смущает начальное *н*, появившееся в слове *нарзан*. Если его отбросить, то слово будет иметь более убедительное сходство во всех его звеньях: *аришан/аришан/арасан/арчман/арзни/арзан*. Видимо,

начальное *н* в имени *нарзан* – более позднее включение. Северокавказским народам нарицательное *арзан* было чуждым, и в желании как-то его осмыслить появилось *н*, что позволило связать *нарзан* с нартами (народная этимология). Все остальные звенья терминологической цепочки начинаются с гласной *а*. И еще следует объяснить появление *т* в слове *нарты*, при исходном монгольском *нар* "солнце". -Т- продуктивный суффикс прилагательных: *алдар* "слава", *алдарт* "славный", *цог* "величие", *цогт* "величественный", *нар* "солнце", *нартай* "солнечный", "с солнцем".

Где же первоисточник ряда слов, обозначающих лечебные минеральные воды? Он восходит к санскриту, т.е. древнеиндийскому литературному языку, влияние которого заметно сказалось в некоторых древних и современных языках Евразии. В основе этого ряда санскритское *rasayana* "нектар, напиток богов, целебная вода". Если так, то возникает еще один вопрос: почему тюрко-монгольские слова *аршан/арашан* начинаются с гласной *а*? Известно, что в этих языках нет слов с начальным *р*. Они появились сравнительно поздно при заимствовании из других языков – арабского, персидского, русского. В "Древнетюркском словаре" (М., 1969) слова с начальным *р* представлены, главным образом, заимствованиями из арабского, персидского и санскрита.

Профессор Дж.Н. Коков из Нальчика, знаток кабардинского языка и северокавказской топонимии, поддерживает предлагаемую этимологию нарицательного и собственного имени *нарзан/Нарзан*. Не стану приводить многочисленные примеры из топонимии Бурятии, Монголии, Китая. Они перечисляются в моем "Словаре народных географических терминов" (М., 1984), где впервые была показана сопоставимость упомянутых слов, обозначающих минеральные лечебные воды. Однако в этой книге не было столь доказательной лингвистической аргументации. Допускаю, что могут быть и другие объяснения происхождения слова *нарзан*. Однако удовлетворительного толкования его мне не встречалось.

Алёша Попович

С. Н. АЗБЕЛЕВ,

доктор филологических наук

В привычной триаде главных былинных богатырей Алёше Поповичу принадлежит последнее место. Его отводили этому герою сами сказители былин в XIX–XX веках, когда собирателями фольклора были выполнены почти все известные донные три с лишним тысячи записей нашего героического эпоса. В большей части их богатыри действуют по одному, реже – по двое, но если оказываются вместе Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович, то певцы былин называли их именно в таком порядке. На самом деле первые их исторические прототипы не могли действовать вместе: они прославились в разное время. Но хронологическая последовательность, по-видимому, как раз соответствовала былинному перечню. Былинные

образы Ильи Муромца и Добрыни Никитича соединили в себе черты не двух, а, вероятно, четырёх или даже пяти (а может быть, более) знаменитых в своё время "храбров". Так называли первоначально в Древней Руси тех, за кем впоследствии закрепилось обозначение "богатыри".

Согласно летописям и другим средневековым рукописным источникам, первый прототип богатыря Добрыни действовал во второй половине X века, первый прототип Ильи – по-видимому, много ранее, а прототип Алёши – в первой четверти XIII века. Правда, некоторые летописи ошибочно (по причинам, о которых скажем далее) сделали его современником князя Владимира Святого, правившего на рубеже X и XI веков и ставшего одним из прототипов эпического князя, который, согласно былинам, (всегда) управляет из Киева всей Русской землёй.

По количеству и по объёму летописных известий о храбре, давшем своё имя эпическому Алёше Поповичу, он занимает не последнее, а бесспорно первое место среди всех героев русских былин. Это объясняется следующими причинами: рукописи, содержавшие летописи более раннего времени, не сохранились, о их содержании мы судим только по позднейшим переработкам, которые многое сокращали; в самих же былинах, передававшихся изустно на протяжении многих столетий, большая часть древнейших произведений забылась, и можно только догадываться, что существовали некогда эпические песни, например, о деяниях князя Святослава, подробно описанных в "Повести временных лет", – как и о других исторических событиях и героях той далёкой эпохи.

Богатырь Алёша Попович обязан своим именем и "отчеством" воину-профессионалу, Александру Поповичу. Фамилий в то время на Руси не существовало, но были распространены прозвища, которые прилагались к имени. Уменьшительное *Алёша* – производное как от имени *Алексей*, так и от *Александр* (через промежуточное *Алекса*). Пока нет достаточных данных, чтобы объяснить с полной точностью прозвание *Попович*. В былинах нередко говорится, что этот богатырь – сын ростовского соборного попа Леонтия. Но в летописных рассказах об Александре Поповиче такого пояснения нет. Можно думать, что былины сохранили домысел передатчиков древних ростовских преданий и песен об этом ростовском герое. Дело в том, что в XI–XIII веках были два знаменитых ростовских епископа, носивших такое имя, один из них даже являлся современником нашего храбра. Епископом может становиться только монах, а не женатый священник; но известно, что некоторые из иерархов русской церкви монашество принимали не в юности, а после смерти своих жён; соответственно, они имели детей. Впрочем, само имя *Леонтий* достаточно распространено.

Для столь прочной связи прозвания *Попович* с именем знаменитого воина нужна была особая причина. Поскольку в то время дети священников почти всегда становились церковнослужителями, такое поразительное для современников исключение и дало основание уникальному, не имеющему в былинах аналогов прозвищу знаменитого храбра Александра.

В летописях немало кратких упоминаний о нём, есть и пространные известия. Самое подробное находится в Тверской летописи. Из неё мы узнаём, что Александр сначала прославился как участник междукняжеских усобиц. Он служил Константину Всеволодовичу, который был ростовским князем с 1208 года до своей смерти в 1218 году, обороняя его вотчину от притязаний его родного брата – владимирского великого князя Юрия Всеволодовича. Участвовал в знаменитой Липицкой битве 1216 года, где войско Юрия и его союзников потерпело сокрушительное поражение от княжеской коалиции, в которую входил Константин. После этой победы он становится великим князем владимирским, но через два года, перед смертью, возвращает великое княжение Юрию, отдав Ростов своему сыну Василько.

Александр, как видно, не захотел ему служить. Собрав других храбров, убедил их не участвовать более в княжеских усобицах, а ехать на службу к "единому великому князю в матери градом Киеве. {...} И биша челом вси тыи храбрыи великому князю Мстиславу Романовичу, о них же князь великий велми гордящеся и хвалящеся" (Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 15. С. 338).

Этот важнейший, может быть, эпизод в реальной биографии храбра Александра Поповича отобразила, хотя и в переосмысленном виде, одна из былин, дошедших до нас в устной традиции. Она озаглавлена "Алёша Попович и Илья Муромец". О княжеских усобицах здесь не говорится (память о них былины вообще не сохранили), но мотив выбора и предпочтения именно Киева выражен вполне отчётливо, причём этот выбор осуществляет не один Алёша Попович, а вся дружина его, ей даже принадлежит в былине как бы решающее слово. Место прямого отказа от участия в междукняжеской розни в былине заняло преодоление некоей враждебной силы, которую Алёша Попович и его спутники встречают на пути в Киев.

Привожу выдержки из этой былины:

И пошёл Алёшенька на конюшен двор
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрых,
Надевали они на коней седёлушки черкасские,
И затягивали подпруги шелковые
И застёгивали костылечки булатные. {...}

Надевал Алёшенька латы кольчужные,
Застёгивал пуговики жемчужные
И нагрудничек булатный,
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, коньё долгомерное,
Во-вторых, саблю острую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налучничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек калённых. <...>
Они ехали из утра день до вечера
И доехали до расстаньюшка великого
На три дорожечки широкие:
Первая дорожечка во Киев-град,
Друга дорожечка во Чернигов-град,
Третья дорожечка ко синю морю. <...>
И говорил тут Алёша Попович млад:
"Уж ты гой еси, дружина хоробрая,
Во котору дорожку наш путь лежит,
В Киев ли ехать, аль в Чернигов,
Аль к тому морю синему?"
И говорит дружина хоробрая:
"Уж ты гой еси, Алёша Попович млад! <...>
Посдем-ко мы, Алёшенька, в Киев-град
Божьим церквам помолитися,
Честным монастырям поклонитися".
И поехали они ко городу ко Киеву.

На пути они встречают не татар или половцев, а войско "Василия Прекрасного", вступают в бой и прогоняют "тое силу – рать великую":

И разбежалась рать – сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракушковым,
Очистила дорожку прямоезжую.
Заезжали они тогда во красен Киев-град
Ко тем же ко честным монастырям. <...>
Прошла славушка немалая
От того ли города Ростовского,
До того ли до города до Киева. <...>
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоезжая
От того ли Алёшеньки Поповича ...

Алёша занимает своё традиционное место в сонме главных русских богатырей, но ему воздают особую честь:

И тут-то добры молодцы поназванились:
 Назвался старый братом старшим,
 А средним Добрынюшка Никитич млад,
 А в третьих Алёшенька Попович млад,
 И стали Алёшеньку тут жаловать:
 Сёла с присёлками, города с пригородками,
 А казна-то была ему не закрыта.

Для ростовского князя Василия (Василько) Константиновича такой демонстративный отъезд ростовских храбров во главе с прославленным Александром Поповичем к другому князю, конечно, был своего рода политической пощёчиной. Надо думать, что ростовский князь стремился воспрепятствовать этому отъезду. В письменных источниках нет сведений о какой-либо попытке Василько Константиновича активно помешать Александру Поповичу и его товарищам, но она достаточно вероятна. По-видимому, именно воспоминание об этом отобразила былина: здесь трижды говорится, что войско, которое преградило путь к Киеву, возглавляет "Василий Прекрасный". Этот персонаж, для героического эпоса совсем не характерный, тогда как имена татарских царей и военачальников, осаждавших Киев, постоянны во множестве былинных текстов. Можно полагать, что странное прозвище противника, носящего к тому же не татарское или половецкое, а чисто русское имя, как бы заместило в устной традиции трудное для напевного воспроизведения отчество забытого князя Василия Константиновича. В пользу этого говорит и то, что, согласно былинам, киевский князь отнюдь не сразу воздаёт честь прибывшему к нему Алёше Поповичу и его спутникам; он сначала встречает их явно неодобительно и отправляет обратно:

И не просил их князь на почестен стол;
 И сажались тут молодцы на добрых коней,
 И поехали они во чисто поле
 Ко тому ли городу Ростовскому.

Только по совету узнавшего об этом главы русских богатырей Ильи Муромца киевский князь возвращает с пути Алёшу. При этом речь идёт не о нём только, но и о его спутниках: прибывший в Киев Илья спрашивает киевского князя:

"Залетались сюды добры молодцы,

По имени Алёшенька Попович млад
Со своей дружинушкой хороброю?"

Князь отвечает:

"Уж я их к себе в дом да не принял,
И уехали они во далечо чисто поле".
И сказал тут стар казак (то есть Илья):
"Собери-тко-ся, князь Владимир, почестен пир,
Позови-тко-ся Алёшу Поповича на почестен пир,
Посади-тко-ся Алёшу во большо место. (...)"

И прошла уже славушка немалая
Про того Алёшеньку Поповича...

Скорее всего и здесь перед нами эпическое отображение исторической реальности: междукняжеские конфликты не могли отменить сословной солидарности. Приняв на свою службу дружинников, уехавших от ростовского князя против его воли, киевский князь поступил бы явно недружественно по отношению к князю ростовскому, с которым у него не было вражды. Но он мог, сначала отказав им – хотя бы только для видимости, – затем, будто бы под давлением своего окружения, принять знаменитых храбрых и более уже не скрывать своей радости по данному поводу.

Записанная только раз ещё во второй половине XIX века, былина прошла долгий путь эволюции в устах народных сказителей (цит. по кн.: Русские былины старой и новой записи. М., 1894. С. 102–108; орфография приближена к современной). Но исторический стержень эпического повествования всё же сохранился и проявляется достаточно отчётливо при сопоставлении с цитированным летописным пересказом народного предания и общей исторической обстановкой.

Д.С. Лихачёв в своё время отметил, что дошедшие до нас летописные источники, которые отображали текст официальной ростовской летописи, ведшейся при князе Василько Константиновиче, не имеют никаких упоминаний об Александре Поповиче и его сподвижниках (Лихачёв Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1949. Т. 7. С. 19–21). Сказанное нами вполне объясняет этот факт. А он важен, поскольку древнейшие из сохранившихся летописных сводов содержат либо текст этой официальной ростовской летописи, либо сокращение и переработку других текстов, сделанных на её основе. Поэтому позднейшие составители летописных сводов XV и XVI веков, зная устные предания о подвигах Александра Поповича, восполняли тенденциозные умолча-

ния о нём в своих письменных источниках. Так появился цитированный выше рассказ в Тверской летописи (он передаёт чью-то запись предания, сделанную ранее) и внесённые независимо от него более короткие повествования и упоминания храбра Александра Поповича, а иногда – и его соратников, некоторые из которых даже бывают названы поимённо.

В ряде летописей XV–XVI веков при описании битвы с татарами на реке Калке в 1224 году приводится известие о том, что в сражении был убит Александр Попович и с ним ещё 70 храбров. Возглавлял объединённые войска русских князей в этой битве тот самый киевский князь Мстислав Романович, на службу к которому незадолго до того перешёл Александр Попович со своими ростовскими храбрами. Ростовское же войско тамошнего князя Василько Константиновича в битве не участвовало: этот князь к сражению не поспел и, узнав о разгроме, повернул назад, о чём, не скрывая радости, сообщила официальная ростовская летопись, в которой, как уже говорилось, нет упоминаний об Александре Поповиче.

Битву на реке Калке отобразила былина "Камское побоище", которая записана более сорока раз, но дошла не в раннем своём виде, а переработанной под воздействием Куликовской битвы 1380 года и нашествия хана Тохтамыша на Русь в 1382 году. Однако в этой былине частично сохранилось отражение событий 1224 года, а в самом названии её – позднейшая переделка первоначального названия "Калкское". Один из самых частых мотивов в записях этой былины – гибель многих богатырей, причём среди погибших обычно фигурирует Алёша Попович.

Названными двумя былинами, по-видимому, и ограничивается отображение реальной биографии храбра Александра Поповича в той части былинного эпоса, которая сохранилась в устах народных сказителей ко времени, когда собиратели фольклора начали его записывать.

В пору максимальной популярности сказаний об Алёше Поповиче к его эпической биографии были как бы присоединены подвиги некоторых других храбров более раннего времени, имена которых постепенно забывались.

Такова былина о победе Алёши Поповича над Тугарином Змеевичем. Историческая основа её – победа, одержанная в 1096 году русскими над половецким войском Тугоркана. Объясняя былинную форму имени, В.Ф. Миллер указал, что "окончание *кан* есть половецкая форма названия *хан*, так что нужно исходить из имени Тугор, к которому прикрепился обычный русский суффикс – *ин*, что дало форму Тугар-ин" (Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 2. С. 113).

Согласно летописи, в 1096 году половцы, возглавляемые Тугор-

каном, подошли к Переяславлю Русскому, где тогда княжил Владимир Мономах. Русское войско киевского князя Святополка и Владимира Мономаха выступило навстречу. Половцы после удара русской конницы обратились в бегство; согласно летописи, "месяца июлия в 19 день побежени быша иноплеменици, и князя их убиша Тугоркана. <...> На заутрь же налезоша <то есть нашли> Тугоркана мертва, и взя ѿ <его> Святополк, акы тьстя своего и врага; и привезше ѿ <его> к Киеву и погребоша ѿ <его> на Берестовем, межю путем, идущим на Берестово и другим, в манастирь идущим" (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 97).

Обратим внимание на то, что Тугоркан находился в ближайшем свойстве с киевским князем. За два года до описанных событий, после очередной войны с половцами, великий князь киевский "сотвори мир" и для закрепления его "поя собе жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго" (Там же. С. 95). Вполне естественно, что Тугоркан в Киеве мог сидеть на свадебном пиру за одним столом с русским князем и его женой – своей дочерью. Мог он и позже гостить там и появляться в таком же соседстве, не скрывая, естественно, своих родственных чувств к дочери.

Это важно для понимания былины, где вначале повествуется о вызывающем поведении Тугарина, сидящего рядом с княгиней и даже обнимающего её. Устная традиция впоследствии переосмыслила сцену родственных отношений, истолковывая её как свидетельство эротических притязаний наглого врага Русской земли к киевской княгине, демонстрируемых за княжеским столом. На почве возмущения поведением гостя, согласно дошедшей до нас былине, будто бы и возник конфликт с Тугарином, закончившийся его гибелью от руки русского богатыря.

Былина не рассказывает о сражении русского войска с половецким, битву символизирует поединок. Но в его описании сохранились некоторые следы реальных обстоятельств гибели Тугоркана. На том основании, что похоронен он был под Киевом, а до погребения тело его короткое время находилось в самом городе, былина связала убийство Тугарина с Киевом, хотя реальное место гибели половеца было иным.

В своё время Л.Н. Майков выяснил, что народные предания соотнесли популярного Алёшу Поповича с событиями конца XI века, а вслед за этим поздние летописи поместили на основе таких преданий известия о нём. При этом составитель Никоновской летописи ошибся ещё на целое столетие: события, бывшие при Владимире Мономахе, отнёс к правлению Владимира Святого, а это повлекло в свою очередь включение в круг его сподвижников Александра Поповича и по иным поводам (Майков Л. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 26–

28). Таким образом, оказалось, согласно некоторым летописям, что храбр Александр Попович действует в конце X и начале XI веков, затем – в конце XI и, наконец, – в первой четверти XIII века. Подробно анализировал эти сведения В.Ф. Миллер около ста лет назад, а сравнительно недавно Б.А. Рыбаков предложил объяснение такого "переноса" Алёши Поповича народным эпосом в более раннюю эпоху.

С историческими фактами конца XI века соотносятся две былины: "Алёша Попович и Тугарин Змеевич" и "Илья Муромец и Идолище Поганое в Киеве". Вторая былина, как выяснили уже давно исследователи нашего эпоса, связала подвиг, который приписывался тому же Алёше Поповичу, с именем Ильи Муромца в период наибольшей популярности этого богатыря. Таким образом, обе былины, близкие и по содержанию, и по хронологии исходных фактов, некогда соотносились с именем Алёши Поповича. Анализ совокупности исторических сведений позволил Б.А. Рыбакову заключить, что первоначальным героем эпических повествований был дружинник Владимира Мономаха Ольбег Ратиборич и, возможно, брат его Фома Ратиборич. "Быть может, – пишет Б.А. Рыбаков, – о сыновьях Ратибора, верно служивших любимцу смердов Владимиру Мономаху, были сложены в конце XI – начале XII веков народные эпические песни, часть которых стала былинами. Несобычное имя Ольбега Ратиборича забылось и заменилось именем Алёши Поповича". Исследователь замечал, что «такой смене могли содействовать и притяжательная форма (например, "Ольбежья стрела") и звательный падеж: "Ольбеже"» (Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 110, 111). Дело в том, что в рассказе "Повести временных лет", описывающем гибель половецкого предводителя Итлара в Переяславле, в палатах Ратибора – боярина князя Владимира Мономаха – есть важная подробность: "Ольбег Ратиборич прием лук свой и наложив стрелу, удари Итлара в сердце и дружину его всю избиша" (Повесть временных лет. С. 96). Ряд соответствий летописного рассказа содержанию былины о гибели Идолища Поганого позволил Б.А. Рыбакову заключить, что первоосновой её было устное повествование об убийстве в 1095 году "Итларища Поганого".

В следующем году произошло убийство Тугоркана. Б.А. Рыбаков по данному поводу пишет: «Под Переяславлем был убит Тугоркан – Тугарин Змеевич в 1096 году. Если былины всегда связывают его смерть с Алёшей, то, быть может, он действительно был убит Ольбегом, или вообще "Ратиборовой чадью"»? (Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 111).

С полной уверенностью ответить на этот вопрос пока нельзя, но и нет более убедительного объяснения того, что героем названных былин стал именно Алёша.

Победа над Тугарином – главный воинский подвиг былинного Алёши Поповича. Реальные же деяния его исторического прототипа, как мы видели, в былинах отобразились мало. Причина этого в том, что исключительные, прочно запомнившиеся современникам воинские подвиги Александр Попович совершал в междукняжеских военных столкновениях, выдающиеся победы его были одержаны не над врагами Русской земли, а над своими же соотечественниками. Только поняв пагубность этого, он стал на верный путь, но успел послужить своим мечом Русской земле лишь в сражении, где сам сложил голову.

Такая двойственность в биографии исторического прототипа, очевидно, и явилась причиной двойственности эпического образа. За ним закрепились и былины новеллистические, использовавшие традиционные сюжетные схемы, где Алёша выступает то как неудачливый претендент на руку чужой жены, то как удачливый соблазнитель чужой сестры. Хотя Алёша и богатырь, однако главное его воинское качество – он "напуском смел", но не так силен, как Илья или даже Добрыня, первые прототипы которых главные свои воинские подвиги совершали в борьбе с историческими противниками Русской земли.

Санкт-Петербург

Почему Голядкина зовут "Яков Петрович"?

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ,
кандидат филологических наук

На первый взгляд, нет более праздного вопроса, чем тот, который поставлен в заглавии. Почему Наташу Ростову зовут *Наташей*, а Обломова *Ильёй*? Башмакина – *Акакием Акакиевичем*, а Лаврецкого – *Фёдором Ивановичем*? Случайно или преднамеренно выбрано имя? В художественном тексте, как правило, за именем может скрываться не только прототип, но и особая система значений, проясняющих иногда весь характер персонажа, носителя имени.

Для Ф.М. Достоевского *имя* – это *идея* человека, как и для Платона. Имя героя выдаёт его *второе я*, глубинную сущность. От значения имени строится концепция образа: *Анастасия* – воскресшая; *Аглая* – красота ("Идиот"); *Дмитрий* – земля, почва; *Алексей* – заступник, покровитель ("Братья Карамазовы") и т.д. Значения имени выявляют связь героев с их именными покровителями, святыми: Алексея Карамазова – с Алексеем, человеком божием (Ветловская В.Е. Поэтика романа "Братья Карамазовы". Л., 1977. С. 174); старца Зосимы – со св. Зосимой, основателем Соловецкого монастыря.

Имя *Яков Петрович* в "Двойнике" точно так же концептуально и в применении к титульному советнику загадочно. В прототипы героя Достоевского давно выдвинут, например, писатель 40-х годов XIX века *Яков Петрович* Бутков, человек тихий и скромный, вечно зависимый от работодателей (Альтман М.С. Достоевский. По векам имён. Саратов, 1975. С. 16). Эта проблема при рассмотрении прототипических связей осложняется, например, тем, что у Голядкина есть именной двойник. Он наречён так же, как и главный герой. Хотя по принципу

зеркальных отражений должна была произойти метаморфоза имени, как это и показывает Достоевский в другом случае именной трансформации: Семён Иванович и Иван Семёнович. "Обратное" изображение, по логике, потребовало бы появления имени *Пётр Яковлевич*. Конечно, такая проекция открыла бы имя человека, известного всей России, друга А.С. Пушкина и многих декабристов, объявленного сумасшедшим за дерзость иметь своё мнение и жить по своим правилам: *Петра Яковлевича* Чаадаева. Не абсурд ли это? Однако почему же всё-таки возникают эти излишние ассоциации?

Оказывается, в художественном тексте всё имеет свой закономерный смысл. Тема двойника в повести Достоевского выявляет эту, казалось бы, совершенно неожиданную связь. Дело в том, что Пётр Яковлевич Чаадаев создал своего слугу Ивана Яковлевича как собственное повторение, сделал его своим настоящим двойником. Игра Чаадаева в двойника не прошла мимо внимания его современников, людей романтической эпохи. И Пушкин, и Д.Н. Свербеев разглядели чаадаевского камердинера и его роль при барине (Свербеев Д.Н. Записки. М., 1899. Т. 2. С. 240). Москвич Достоевский мог знать или слышать об этой странности опального кумира, об этом своеобразном двубличном проявлении личности. Писателя мог привлечь этот социально-психологический феномен, эксперимент удвоения, синхронного и одновременно параллельного гротескного существования. В тексте "Двойника" явно ощутим чаадаевский синдром и в главной авторской идее, и в мелких деталях развития сюжетного действия, и в ономастике, подборе имени и отчества героя.

Например, в перекличку вступает мотив безумия чиновника, дерзко вознамерившегося вести себя как равный в кругу высшего начальства, сразу оказавшегося под давлением самовластья правителей департамента и в результате уволенного со службы. Скандальная история Чаадаева, дерзкое неповиновение, отставка, объявление сумасшедшим московского мыслителя (всё это, к тому же преувеличенное в устах молвы) могло послужить для Достоевского поводом для размышления о судьбе человека в самодержавной России. Возможно, в поддержку этой параллели писатель оставляет ещё один намёк. Голядкин – "не здешний родом" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 149; далее – только том и стр.), то есть не петербургский, а *московский*, если проникнуть в этнографические и этимологические корни фамилии героя: Голядкин – от "голяди", по имени подмосковного урочища (Топоров В.Н. Ещё раз об "умышленности" Достоевского // *Finitus duodecim Lustris* / Сб. ст. к 60-летию Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128). "Обратное" изображение (Яков Петрович – Пётр Яковлевич) предполагает ничтожность одного и великость другого, вместе с тем обобщает их судьбы одним опытом.

Имя героя по святцам: *Иаков*. По мысли С.Н. Булгакова, "именование имеет (...) фатальный характер", имя, как корень, как стержень, проходит через человека, как через почву, отбрасывая на судьбу личности свою идею (Булгаков С., протоиерей. Философия имени. М., 1977. С. 190).

Вместе с темой близнецов имя героя неотвратимо влечётся к имени библейского патриарха Иакова: за ним скрывается "сюжетный архетип" (Захаров В.Н. Библейский архетип "Двойника" Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Межвуз. сб. Петрозаводск, 1990. С. 104). Коварный близнец, Голядкин-младший, похитил, как и младший Иаков, первородство старшего, получив благословение отцов-начальников.

Достоевский "примеряет" к характерам обоих героев смысловую квинтэссенцию имени: "Иаков" с еврейского переводится как "запина-тель", "держась за пята" (Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 563). Способность запинаться – это коренное отличие Голядкина-старшего, проявляющееся и в его речи, и в его походке. Писатель мог знать и перевод имени "Иакова" – "вытесняющий", "выживающий": в этой главной сущности выражен весь характер Голядкина-младшего (Библейская энциклопедия. М., 1991. С. 310).

У героя Достоевского двусоставное имя: *Яков* и *Пётр* (Петрович). Почему писатель выбирает этот вариант, а не Яков, допустим, *Алексеевич*, *Фёдорович*, *Михайлович*? Что их соединяет или что их разделяет?

Если учесть, что Яков – от Иакова, библейского патриарха, то Пётр (Петрович) – от апостола Петра. Какой сюжет может способствовать объединению двух частей имени? Обратимся к легендам.

В библейском сюжете об Иакове, кроме мифа о рождении и похищении первородства, канонизирован миф о видении во сне лестницы, соединяющей землю с небом. По пробуждении Иаков понял, что выбранное им место – "дом Божий", "врата небесные", "взял камень, который он положил изголовьем, и поставил его памятником", сказав: "этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим" (Бытие. 28, 11–12). Легко увидеть, что в мифе мотив *лестницы* соединён с мотивом *камня*, положенного в основание *дома/храма*. По лестнице вверх устремлён во сне путь Иакова к вратам небесным.

В евангельском сюжете Иисус дал своему ученику имя *Пётр*, которое означает *камень*, сказав: "...ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её. И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (Матф. 16, 18–19). И опять соединяются мотивы *камня*, основания для церкви (Божьего дома на земле), и мотив пути к небесным вратам,

который оформился в религиозном сознании христиан как мотив *лестницы*.

В библейском и евангельском мифах Иаков и Пётр соотносены с идеей лестницы – пути к Богу, в рай. На этом пути для человеческой души определяется или вечная жизнь, или вечная гибель. Лестница Иакова и лестница Петра – это символ религиозной аскезы, духовная вертикаль, определяющая путь праведников и святых.

У Достоевского имя героя рождается на пересечении разнообразных аллюзий, а образ Голядкина в этой связи "учитывает" различные прототипы: *Якова Петровича* Буткова и *Петра Яковлевича* Чаадаева, библейского *Иакова* и евангельского *Петра*, который, кстати, был патроном Санкт-Петербурга, города святого Петра, а *Яков Петрович* Голядкин – сын города, невольный наследник его истории. Писатель в имени героя "стягивает" идеи, идущие от Ветхого и Нового Заветов, контаминирует их. Философия имени вводит в образ героя "петербургской поэмы" максимум этических норм, сформированных ещё в далёкой древности.

В русском мире со времён Петра I была выстроена лестница социальных иерархий – петровская Табель о рангах: горизонтальная модель преуспевания личности, знак её общественных заслуг. В отчестве героя "Петрович" исследователи давно подозревали связь с "петровской темой" (Ветловская В.Е. Достоевский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С 55–56; Захаров В.Н. Библейский архетип "Двойника" Достоевского. С. 103). Самим именем в сущность личности Голядкина автор изначально вкладывает особую информацию: возможного для героя духовного восхождения, как для Иакова, и его земного социального существования по правилам, установленным Петром I для всех сынов России.

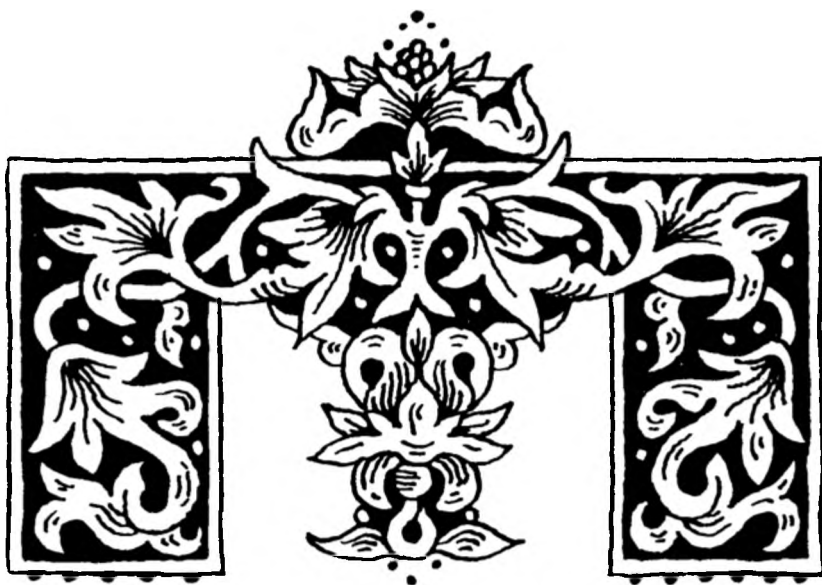
Так в имени, как в фокусе, автор высвечивает концепцию богословского понимания горнего и дольного пути человека. Философия имени поддерживает таким образом событийную линию повести: путь маятны героя, то устремлённого уловить чин, продвинуться по лестнице чиновной иерархии, то охваченного желанием добродетельной смиренной жизни. Двоящийся образ Голядкина как бы получает оправдание и объяснение в его имени.

Идею голядкинской личности, человека с *двоящимися мыслями*, Достоевский мог усвоить у апостола Иакова в его "Соборном послании": "Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих" (гл. 1, 8). Эта посылка стала опорой для писателя в изображении характера героя, поисков его пути. В "Двойнике" показан тип, лишённый твёрдости в своих воззрениях, устойчивости в жизненной позиции, смятённый в своём сознании, блуждающий по дороге жизни. Автор эту неявную аллюзию поддерживает дополнительным указанием: симво-

лом тезоименности, подталкивая ассоциации читателя к их источнику. Неслучайность возникшей параллели подтверждается ещё одним обращением Достоевского к тексту "Посланий". Апостол Иаков говорит: "Кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале. Он посмотрел на себя, отошёл, и тотчас забыл, каков он" (гл. 1, 23–24). Вспоминается сцена, когда Голядкин рассматривает себя в зеркале, оставаясь совершенно довольным изображением, хотя "заспанная, подслеповатая и довольно оплешивевшая фигура {...} не останавливала на себе решительно ничьего исключительного внимания" (1, 109–110). Герой так и не увидел истинного лица своего, готовясь к маскарадному выезду в голубой карете, к ложному пути: "посмотрел на себя, отошёл, и тотчас забыл, каков он".

В суетливом преодолении ступени за ступенью страдающая в житейских муках душа господина Голядкина не обретает очищения. Это тоже как бы предусматривается сочетанием в имени героя двух взаимоисключающих тенденций (Иаков + Пётр – вертикаль и горизонталь), гасящих друг друга. Голядкин – герой с "нулевым" результатом, который не дерзнул на зло и не совершил добра, не поднялся по духовной лестнице, но и не продвинулся вперёд – к богатству и чинам. *Идея* имени фатально определила его характер и жизненную дорогу.

Владивосток

СЫРОПУСТ

А. В. ЗЕЛЕНИН,
кандидат филологических наук

Знаете ли вы, что такое сыропуст? Вот пример из воспоминаний писателя: "Подготовка к суровым дням Великого поста, первая неделя которого именовалась уже сыропуст, когда не полагалось для еды не только мяса, но даже ни молока, ни масла, ни творога" (Телешов Н.Д. Записки писателя). Из приведенной цитаты ясно, что *сыропуст* – это первая неделя поста.

Поскольку *сыропуст* – церковный термин, следует ожидать, что он имеет длительную историю в языке.

В христианстве весь год поделен на дни, когда разрешена мясная и молочная пища (скромная, по церковной терминологии), и дни, когда разрешена только растительная пища или не содержащая животного жира (постная пища). Дни, в которые разрешено употребление мясной и молочной пищи, называются *мясоедом*. Дни, когда мясная пища запрещена, но еще разрешена молочная (творог, масло, молоко), называются *мясопустом* (см.: Русская речь. 1997. № 1).

Термин *сыропуст* внешне похож на слово *мясопуст*, но *сыропуст* отсутствует в южно- и западнославянских языках. Значит, корни возникновения этого слова следует искать в языке восточных славян. Уже в Остромировом евангелии (1057 год) встречаются выражения *сыропустная суббота* и *сыропустная неделя*. В последнем словосочетании существительное *неделя* употреблено в старинном русском значении – "воскресенье, последний день недели". Словосочетание *сыропустная неделя* употреблялось в древнерусском языке в двух значениях: 1 – "воскресенье последней недели накануне Великого поста"; 2 – "неделя накануне Великого поста" (*масленица* – сказали бы мы сейчас). Но слова *масленица* тогда еще не было, оно появилось значительно позже, только в XVI веке. В народном языке употреблялось словосочетание *масленая неделя*; первые упоминания – в "Повести временных лет".

Для чего древнерусскому переводчику потребовалось для обозначения простого и прозрачного по внутренней форме понятия, выраженного словосочетанием *масленая неделя*, создавать тяжелое и громоздкое словосочетание *сыропустная неделя* с очень неясной внутренней формой?

В Остромировом евангелии слово *сыропуст(ный)* передает греческое *tirophagos* (*tiros* – "сыр", *phagos* – "поедающий, сдящий"; буквально: "поедающий сыр"). Следовательно, слово *сыропуст(ный)* – полукалька с греческого образца, возникшая именно в древнерусском языке. Казалось бы, греческое слово проще всего было передать славянским словом *сыроед*. Но этого нельзя было сделать, потому что в древнерусском языке существовало слово *сыроядец* в значении "тот, кто ест сырую пищу; дикарь, варвар". Этим словом русичи называли в основном татар, половцев, другие степные и кочевые народы и вкладывали в это понятие отрицательные оттенки. Так, в "Повести временных лет" под 1259 годом находим: «Пришли печенег на Русь, Владимир же тогда был немощен, находясь при смерти; призвав Бориса, сына своего, сказал: "Сын, я тяжко болен, с божьей помощью пойдя против этих сыроядцев"». Это слово для обозначения язычников употреблялось вплоть до XVII века.

Конечно, перевести греческое слово как *сыроед(ный)* древнерусский переводчик никак не мог: слишком близкое созвучие было нежелательно – ведь *сыроядец* обозначало язычников. Вот почему надо было искать новые пути перевода греческого слова, моделью для которого послужило старославянское слово *мясопуст(ный)*, имеющее важное религиозно-полемическое значение.

Сыропуст, сыропустные дни связаны в сознании древнего русича со временем накануне Великого поста. Очевидно, *сыропуст*, *сыропустная неделя* и замещали в церковных текстах народное название *масленая неделя* (*масленица*).

С XIV века в церковных текстах для обозначения начала, кануна поста употребляется слово *заговенье* (от глагола *заговети(ся)* – "начать поститься"). Заговенье – последний день, после которого запрещается употребление скоромной пищи (мяса или молока, вообще молочных продуктов). Теперь достаточно было сказать – заговенье, уточнив, какое оно – *великое* (Великий пост), *мясное*, *масленное* и т.д., и становилось ясно, что речь идет о кануне следующего церковного периода. Поэтому слова *заговенье* и *сыропуст* "последний день масленицы" пересеклись в общем значении "последний день, канун". Именно этот незримый, но важный переход от последнего дня (перед постом) к первому дню (начала поста) и призвано было отразить слово *заговенье*: "Февраля 1, на заговенье масленное, велел князь великий поимати старосту купецкого Марка Перфильева" (Софийская летопись, 1478 г.). Здесь выражение *масленное заговенье* обозначает то же, что и *сыропуст* – "последний день масленицы; воскресенье, после которого запрещается употребление молочных продуктов (скоромной пищи)".

Все чаще и чаще слова *сыропуст* и *мясопуст* уступают место слову *заговенье* как более точному и семантически прозрачному.

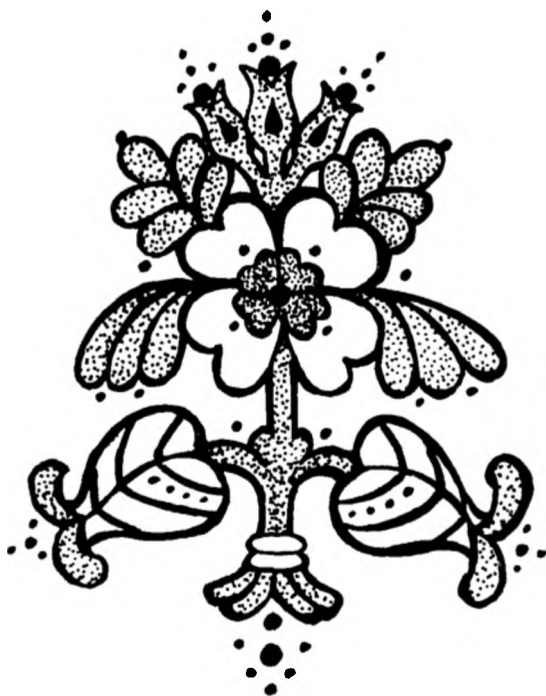
Кроме того, у слова *сыропуст* изменилось значение. Если раньше оно значило, "день, период, когда разрешена молочная пища" (как мы помним, это значение было, например, в Остромировом еванг.), то, видимо, в XIV–XV веках слово *сыропуст* испытало вторичное влияние слова *мясопуст*: ведь *мясопуст* – это запрет на употребление мяса. Второй элемент *-пуст* в слове *сыропуст* тоже стал пониматься, как в слове *мясопуст* (в древнейшем значении): "запрет на употребление сыра (творога или вообще молочных продуктов)". Эти процессы, происходящие в слове *сыропуст*, можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, это действие формальной (морфологической) аналогии по общей части *-пуст*, с другой – развитие противоположного значения внутри слова (в лингвистике этот семантический процесс называется *энантисемия*). Вот почему у выражения *сыропустная неделя* в древнейшем значении "неделя накануне Великого поста; масленица", в котором *сыропустный* значит "допускающий в пищу сыр (творог или вообще молочные продукты)", появляется значение "первая неделя Великого поста", в котором *сыропустный* уже значит "запрещающий в пищу сыр (творог)". Это второе значение более новое, но оно вошло в церковнославянский язык и фиксируется, например, у Даля: *сыропустная неделя* – "первая неделя поста, следующая после масленицы".

Таким образом, в церковном календаре произошел хронологический сдвиг термина *сыропустная неделя* с масленной недели на первую неделю Великого поста, вызванный, очевидно, именно изме-

нением в семантике слова *сыропуст*. Это значение – "первая неделя Великого поста" – дает и "Словарь современного русского литературного языка" (в 17 томах).

Конкурент – слово *заговенье* – все-таки победило своих семантических "собратьев" – *мясопуст* и *сыропуст* – как не очень ясных и искусственных. Поэтому уже в XVIII веке оба эти слова воспринимаются как высокие, книжные: "мясопуст – день, с которого по уставу церковному перестаем есть мясную пищу; попросту заговенье" (Алексеев П. Церковный словарь. 1794). Ясность и прозрачность внутренней формы слова *заговенье* (в отличие от неясных *мясопуст* и *сыропуст*) обеспечили ему прочное место в сфере религиозной лексики. В наши дни *сыропуст* – почти исчезнувшая форма, которую можно встретить практически только в словаре или в ограниченных ситуациях (церковная литература, публицистика; в последней слово употребляется уже только как историзм или экзотизм).

Санкт-Петербург

Какая часть речи *тридевять*?

А. Н. ШУСТОВ

В русском языке есть группа слов и словосочетаний, по форме похожих на имена числительные, но не имеющих конкретных числовых значений. К ним относится и слово *тридевять*, известное каждому русскому с раннего детства. Оно обычно употребляется в сказках в сочетании с существительными: *земля* (у И.А. Крылова – *поле*), *море*, *царство*... для обозначения некоей пространственной величины, дальнего расстояния. Если это действительно числительное, то оно должно означать какое-то конкретное число.

В самом деле, уже у П.А. Алексеева в его "Дополнении к церковному словарю" (1776) находим, что *тридевять* – это "двадесать седьмъ" (т.е. 27). Кстати, это чуть ли не самая ранняя словарная фиксация слова, не принятого, однако, "Словарем Академии Российской". В се-

редине прошлого века то же встречаем и у В.И. Даля: "тридевять или тридевять в старинном счете девятами – двадцать семь; кочевые народы наши поныне считают девятами (тогузами)". Мнение Даля о девятиричном счете (в старину) нашло отражение в книге М.И. Михельсона "Ходячие и меткие слова" (1896).

Отметим некоторую нелогичность Даля: говоря о счете девятками, т.е. девятиричном счете, он считал, что тридевять – это три девятки, и тут же утверждал, что тридесять следует по счету за 29. Выходит, что счет ведется все же не девятками. И даже не тройками...

Более того, *тридесять* наряду с *двадесять* и т.п., числительными (до 90) существуют сыздавна во всех славянских языках. А *тридевять*, казалось бы, пришедшее из праславянской древности, зафиксировано только в русском. Другие языки в своих сказках используют иногда характерные описательные конструкции: польское – *za dziewiąta rzeka* (за девятой рекой), чешское – *za devatými horami* (за девятými горами), болгарское – *зад девет земи в десята* (из девятой земли в десятую), сербское – *негде накрај света* (где-то на краю света)... Упоминание *девятки* не случайно: с одной стороны это "святое" число (о чем далее), а с другой – явный отголосок (чуть ли не "перевод") восточно-славянского *тридевять* в значении "далеко".

Характерна оговорка Даля и о "кочевых народах". Сами русские (славяне) таковыми никогда не были. Кого же подразумевал Даль? ...Действительно, в тюркских языках числительное *девять* называется: *тугуз* (татарск.), *dokuz* (турецк.)... Эти названия восходят к древнетюркскому *toquz* с тем же значением. Правда, само по себе это не доказывает наличия у "тюрков" девятиричной системы, хотя... Тот же Даль в одной из своих "азиатских" повестей приводил такой текст старой татаро-монгольской песни:

Девятьсот кобыл, девять тысяч баранов убил;
Девяносто девять кожаных водоемов пошил,
В девять вина, в девяносто кумысу наливал...

(Полн. собр. соч., СПб. – М., 1898. Т. 7)

Здесь действительно "просвечивает" что-то девятиричное. Но историки математики почему-то умалчивают о такой системе у каких-либо народов (племен). Она применялась, в частности, в древнекитайской мифологии (см. Восемь советов Светлой Девушки // Тайная власть. 1996. № 15).

Тюркская основа не вошла и не могла войти в русский счет хотя бы потому, что система счета на Руси была развита задолго до монгольского нашествия.

Современный "Словарь современного русского литературного язы-

ка" причислил *тридцать* к количественным числительным и "прикрылся" авторитетом Даля: "В старинном счете девятками число 27" (М. – Л., 1963. Т. 15)... Исследования о русских числительных довольно редки, тем больший интерес представляют работы, в которых так или иначе упоминается *тридцать*. Поскольку ни системы счисления, ни счетные приборы восточных славян начального периода их истории достоверно не известны, на свет появляются различные, порой весьма оригинальные гипотезы. Так, сравнительно недавно в "Русской речи" (1994. № 4) была опубликована статья историка Р.А. Симонова о русском счете девятками и девяностами. Однако она не убеждает в действительном существовании такого счета. Похоже, что и сам автор не очень уверен в своих выкладках ("попытаемся обосновать возможность"). Но дело не только в этом.

В своей статье Р.А. Симонов не привел лексических примеров, свидетельствующих о наличии рудиментарной девятиричной системы у восточных славян, ни из ранних письменных памятников (IX–X вв.), ни из фольклора. Между тем, он справедливо пишет, что счет девятками осложняет вычислительный процесс и для него требуется специальная "счетная машина" – абак. Но ведь не у каждого же русского крестьянина или ремесленника был такой абак, да и сохранился-то он до наших дней чуть ли не в единственном экземпляре, хотя был изобретен сравнительно поздно. К тому же счет на нем, судя по описанию Симонова, был не только сложным, но и довольно странным: девятки сочетались с десятками – девятки приходилось соотносить (зачем? – А.Ш.) с числами "в обычной (! – А.Ш.) десятичной системе".

В самом деле, если *тридцать* – это атавизм старой системы, то почему повезло только ему? Почему мы не знаем других аналогичных "числительных" этого ряда от *двадцати* до *девятидесяти*?.. В словарях: "Русских народных говоров", "Русского языка XI–XVII вв.", а также *Slovník'e jazyka staroslověnského* нет числительных, образованных по этой модели со второй основой *девять*. И.И. Срезневский в "Словаре древнерусского языка" не фиксирует и *тридцать*. Все сказанное говорит за то, что это более позднее фольклорное новообразование.

Итак, следов гипотетического счета девятками (девятиричной системы) в истории русской материальной культуры никем не обнаружено. Зато достоверно известно, что свою счислительную систему Русь заимствовала из Византии, где все цифры делились на три группы по девять знаков в каждой: одна выражала единицы, вторая – десятки, третья – сотни (Симонов Р.А. Математическая мысль древней Руси. М., 1977). Византийская система, привнесенная из древней Греции, была *десятиричной*. Специалистами отмечалось: "У подавляющего большинства индоевропейских народов установилась десятичная (децимальная) система счета" (Савицкая С.А. Имя числительное в

современных славянских языках // Труды Одесского гос. ун-та. Одесса, 1958. Т. 148. Вып. 7); "В основе индоевропейских языков лежит счет десятками" (Обнорский С.П. Заметки по русским числительным // АН СССР. Сб. "Академику Н.Я. Марру". М. – Л., 1935).

Системы счислений древних русичей до изобретения письменности, как уже сказано, неизвестны. Фольклорные источники не проясняют, а скорее затуманивают проблему. В русской кириллической азбуке (до введения в XVI в. арабских цифр) многие буквы, по греческому образцу, имели цифровые значения и писались под титлами. Эти буквы строго соответствовали числовым разрядам: *персты* (единицы), *десятки*, *сотни*. Характер (значение) числа четко определялся порядком (позицией) написания букв/цифр (Гнеденко Б.В. Очерки по истории математики в России. М. – Л., 1946; Самсонов Н.Г. Древнерусский язык. М., 1973). Очень большие числа (*тьма* = 10 тыс., *легион* = 100 тыс., *леодр* = 1 млн., *ворон* = 10 млн., *колода* = 100 млн.) также, как видим, были кратны 10. Говоря о буквах/цифрах, мы не даем им оценки как позиционной системе счета, а хотим лишь подчеркнуть, что греческие и русские алфавитные системы были *десятичными*. Названия русских числительных соответствуют названиям их в других языках индоевропейской группы.

Позже, с развитием математических знаний, эта система сохранилась полностью: "В основу устройства счетов, ставших достоянием широкой народной практики в России, законченно лег десятичный принцип счисления. Все другие народы {...} долго не могли расстаться с пережитками додесятичных методов счисления {...}. Россия является родиной десятичной монетной системы, принятой в настоящее время почти всеми государствами мира" (Историко-математические исследования. М., 1952. Вып. 5). О десятичной системе говорит и старое понятие *десятина* – подать в 1/10 доли в пользу Церкви (ср. *Десятинная церковь* в Киеве, X в.); отсюда: *десятильник* – сборщик такой подати.

Характерно, что уже на заре становления Русского государства (Киевской Руси) основные меры (длины, площади, объема, веса) были, в основном, кратны 2, 4, 8, т.е. проводилось последовательное дробление крупных единиц пополам. Например, сажень = 4 локтям = 8 пятям, кадь = 4 четвертям = 8 осьминам и т.п. (Здесь не следует искать следы восьмеричной системы.) Деление же на 3 части было крайне редким, а на 9 вообще не встречается. Уже с XV века наблюдается переход некоторых единиц русской метрологии к десятичной системе: *десятерик* = 10 фунтов и т.п. (см. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1975).

Объективности ради следует отметить, что, кроме общепринятой десятичной, на Руси имели хождение и другие, заимствованные для

практических целей, системы, дожившие до наших дней. Например, 60-ричная для деления часа и градуса на 60 минут (и 60 секунд). Сохранились также отголоски 12-ричной системы счета (дюжинами) для столовых предметов, времени года и суток (12 месяцев, 24 часа), а также мебели – вспомним знаменитый роман "Двенадцать стульев". Сюда же относятся библейские 12 "колен израилевых" и 12 апостолов Иисуса Христа, "дванадесять" церковных праздников, 12 голов змея-горыныча, поэма Ал. Блока "Двенадцать" и мн. др.

Истоки слова *тридевятъ* следует искать не в системах счисления, а в интуитивных знаниях наших далеких предков, придававших числам (цифрам) магические свойства. Рассмотрим два таких числа – те, из которых составлено "числительное" *тридевятъ*.

Тройка символизирует начало, середину и конец, а также прошлое, настоящее и будущее. Отсюда *треугольник* – символ полной завершенности. Божественная Троица – это цельность и совершенство. Трехступенчатую схему диалектического развития философы называли *триадой*.

Девятка – верх совершенства, космическая всегармоничность, поскольку она есть квадрат совершенного числа *три*. *Девятка* – символ всеобщего успеха, самое большое из всех элементарных чисел; оно издавна считалось священным у многих народов. В древности людей поражало таинство развития плода в утробе матери в течение девяти Лун, месяцев (Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1988. Кн. 1. Вронский С. Нумерология или наука о числах // Наука и религия. 1990. № 8).

Тройка и *девятка* многократно отражены в символике масонов, их "магические свойства" используют и астрологи.

Естественно, комбинация этих двух "волшебных" чисел, по мнению древних, обладала особыми мистическими свойствами. Вот что писал Ф.Н. Глинка в 1816 году: затмение Луны заставило афинского полководца Никию "простоять трижды девять дней" (не тридевятъ! – А.Ш.). К этой фразе автор дал примечание: "Древнее суеверие имело особенное уважение к числам девяти и трем" (Декабристы. М. – Л., 1951).

Интересно, что в деревенской магии иногда фигурировало и число 27, полученное как произведение трех троек (три в кубе): вологодский "колдун", "чтобы вывести клопов из избы {...} считал необходимым 27 клопов (трижды три, помноженных на три) собрать, положить их на щепочку и пустить вниз по реке" (Песни Севера, частушки, пословицы, загадки. Архангельск, 1955).

Морфологически *тридевятъ* относится к разряду сложных (составных) количественных числительных, второй основой которых является число *десять*: *двадесять*, *тридесять* и т.д. При этом *двадесять*, например, означает 2×10 , т.е. десятка, взятая дважды. Такая словообра-

зовательная ("множительная") модель была расширена разговорным языком: вспомним, как Иван из сказки П.П. Ершова обменял своих коней у царя на два-пять ($2 \times 5 = 10$) шапок серебра, или былинное расстояние между Киевом и Черниговом – "два девяносто мерных верст".

Сказанное помогает раскрыть сущность понятия *тридевять*. Оно – вторично, т.е. создано по уже имевшемуся образцу: *три-девять*. Именно это и ввело в заблуждение лингвистов, придумавших "счет девятками". *Тридевять* не несет конкретного числового (количественного) значения; ведь в перемножении трех на девять не было никакого определенного смысла, – образующееся при этом гипотетическое число 27 – не ахти какая величина, чтобы ее не преодолели герои сказок. Она по силам и реальным людям. Обычно в сказках "действительность преобразена в невероятность, а реальные герои наделяются нересальными свойствами и возможностями" (С. Наровчатов). И вот благодаря такой мнимой точности сказка приобретала правдоподобный вид. Кстати, это "числительное" встречается и в заговорах (в народной медицине). И в этом случае также не следует воспринимать *тридевять*, как некую аптекарскую меру, поскольку заговоры и их "рецепты" – это разновидность фольклора и излагаются они на "сказочном" языке.

Это не единственный пример числового "обмана" слушателя/читателя.

Для передачи какого-либо неопределенно большого количества и в то же время придания речи "точности" и "достоверности" в русском языке нередко используются подлинные (в том числе удвоенные) числительные. Но при этом вовсе не подразумевается их действительное перемножение; полученные числа – всего лишь количественные гиперболы.

В Евангелии Иисус объяснил апостолу Петру, что грешника следует прощать до "седмиды семидесяти раз" (Матф. 18, 22). Это нельзя понимать буквально как $7 \times 70 = 490$. Прощать нужно всегда!

Часто можно прочесть, что в Москве *сорок сороков* церквей. Но их вовсе не $40 \times 40 = 1600$, а почти в два раза меньше (см. Русская речь. 1992. № 6), что, кстати, не вяжется с другой числовой метафорой: Москва *стоглавая*. Эту "московскую меру" Н.Н. Берберова легко перенесла в Европу: "сорок сороков русских церквей Парижа и пригородов" (Курсив мой. М., 1996). Обыграл это "число" и Д.С. Мережковский в статье "Грядущий хам" (1906): у турецкого султана "сорок сороков его закутанных жен" (Болезнь России. Л., 1991).

Хорошо известная нам сколопендра *сороконожка* имеет вовсе не сорок ног. Таково устное (не научное) название различных много-

ножек, имеющих от двенадцати до нескольких сот ног (у некоторых народов их зовут *тысяченожками*).

Вообще же "загадочное" число *сорок* заслуживает отдельной статьи. Дело в том, что это русское название изначально вовсе не означало 40 (ср. церк. славянск. *четыредесятъ*) или "счет сороками", а являлось определением неопределенно большого множества (Энциклопедия элементарной математики. М. – Л., 1951. Кн. I). Лишь в более поздние времена слово *сорок* вытеснило *четыредесятъ* и стало означать 40. Так что *сорок сороков* это не конкретное число, а просто – огромное количество, синоним словосочетанию *тьма тем...*

Рассказывая о редакторской работе А.С. Берзер, писатель Вл. Войнович отмечал, что через ее руки прошла "дюжина дюжин" знаменитых авторов (Русская мысль. 1995. 12 авг.). Наверняка их было не ровно $12 \times 12 = 144$ человека... При 12-ричном счете (см. выше) *дюжина дюжин (гросс)* тоже означала "множество".

Таким образом, ясно, что арифметического смысла в фольклорном "числительном" *тридевятъ* не больше, чем в выражениях: *девятый вал*, который вовсе и не девятый (у разных народов "номера" волн свои – Русская речь. 1991. № 3); *десятая (или седьмая) вода на киселе* как степень родства; *сорок бочек арестантов* (см. Русская речь. 1991. № 5) и т.д.

Интересно, что со временем "число" *тридевятъ* превратилось в некую начальную точку нового счета: следующим за ним стало – *тридесятъ*, потерявшее при этом свое подлинное значение (= 30): нынешних петербуржцев в связи с ликвидацией ларьков ждет "поход за продуктами за тридесять кварталов" (Новый Петербург. 1996. 4 окт.). *Тридесать* – ведь больше (и дальше) чем *тридевятъ*!..

Существует уже и группа порядковых "числительных", образованных от этих количественных. Так, еще в XVIII веке фонвизинский Митрофанушка летал в мыслях "за тридевятъ земель, за тридесято/с/ царство" (Недоросль. Действ. 4. Явл. 8). А двести лет спустя наш современник поэт А. Корнеев пишет:

[Синица.] тревожа покой мой, как вестник
тридесятого и прочих царств,
за окном похвастается, тенькает
и грозитя пшено украсть.

(Литературная Россия. 1996. 2 авг.).

Эти "числа" обыграл и Вл. Высоцкий – в своей озорной "Странной сказке"-песне он перечисляет царства: *тридевятое, тридесятое, триодинадцатое*.

В заключение подведем итоги: хотя слово *тридевятъ* и имеет все внешние признаки количественного числительного, но по существу оно таковым не является. Это лишь фольклорное обстоятельственное наречие со значением "очень (бесконечно) далеко", что и было отмечено Д.Н. Ушаковым в его "Толковом словаре" (правда, **как одно** из значений). От числовой функции слова *тридевятъ* современный Словарь русского языка (М., 1984. Т. IV) справедливо отказался.

Санкт-Петербург